ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 2/ 2015

Сентябрь-Декабрь

В следующем выпуске литературного приложения:

Повесть
Елена Сафронова
«Твори, выдумывай, пробуй!»

Рассказ
Кирилл Берендеев
«Свадебное путешествие»

Рассказ
Ярослав Хотеев
«Дом Почетных Граждан»

Рассказ
Сергей Гончаров
«Побег от мамочки»

Рассказ
Валерий Бохов
«Встреча»

Рассказ
Денис Воронин
«Истина рядом»

Рассказ
Григорий Неделько
«Доктор Пауз»

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

Литературное приложение к ежемесячному научно-популярному и научно-художественному журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»

№ 2 (21)
Издается с 2006 года

№2/2015

www.znanie-sila.su

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители
П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала «Знание-сила»

Генеральный директор АНО «Редакция журнала «Знание-сила»
И. Харичев

Журнал издается при участии Союза писателей XXI века и холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Редакция
И. Харичев (шеф-редактор)
Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет
Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка
А. Горелова

Компьютерная верстка
М. Кива

© «Знание-сила»: Фантастика, 2015 г.

Подписано к печати 17.08 2015
Формат 60x90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт. 31.95.
Тираж 100 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (499)235-89-35
Факс: (499)235-02-52
E-mail: zn-sila@ropnet.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Цена свободная

Отпечатано в типографии
ООО «Супервэйв Групп»
193149, Ленинградская обл.,
Всеволжский район,
пос. Красная Заря, д. 15
Заказ № 17

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМОС

3 *К. Левитин*
Палиндром (повесть) *окончание*

БУДУЩЕЕ

34 *В. Волобуев*
В клетке

44 *А. Михалевская, Е. Постернак*
Время Же

КОНТАКТ

58 *А. Филичкин*
Конфеты «Полет»

66 *М. Фримен*
Первый представитель

68 *И. Соколова*
Хионские древности

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

72 *П. Веселовский*
Мой друг клойдер (повесть)

91 *В. Лукановский*
Океан надежд

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

97 *И. Харичев*
Если бы он проиграл...

ЮМОРКОН

103 *Ф. Титарчук*
Креативное Бюро Его Святости

118 *А. Мансуров*
Бум-бум! Чарли идет в поход!..

127 *А. Райнова*
История одной кочерги

130 *С. Филипский*
Начальник игр

Карл Левитин

Аркадию Стругацкому и Игорю Можейко, которые, каждый по своему и, в известном смысле, противоположным образом заставили меня задуматься о необратимости многих наших решений и поступков.

Палиндром*

повесть

С акустико-фонетической точки зрения палиндром является нелепицей, так как словесные звуки, фонемы необратимы, они униполярны в своем движении.

А.КВЯТКОВСКИЙ,
«Поэтический словарь»

ПУТЬ ВНУТРЕННИЙ

АННА

В сущности, именно так и обстояло дело, если отвлечься, конечно, от того, что четырнадцатилетние мальчишки не решают философские вопросы смерти и бессмертия, а просто борются за счастье и справедливость — в их понимании этих слов. Оранжерейная обстановка Капкана не могла сломить генетическую программу, а домашнее воспитание — Энн вынуждена была тратить себя лишь на то, чтобы растить Тита таким, каким ей бы хотелось, чтобы он стал, — эту программу закрепило.

Что он видел вокруг себя за эти годы, с самого момента рождения? Их жилище, напоминающее скорее кабину корабля с полным жизнеобеспечением. Отца — в те редкие часы, когда он не пропадал на «Чивере». Двадцать пять капканцев, составлявших все население планеты — притом трое всегда находились в трансформатории. Возможность общения с ними была весьма ограничена. Морев-6, завершивший на их глазах цикл старения, вернулся немощным стариком с прозрачными выцветшими глазами и разумом младенца. К восьмидесятилетнему возрасту он имел, естественно,

* Окончание. Начало в № 1, 2015 г.

умственное развитие десятилетнего ребенка, но был лишен его подвижности и живости. Тит, которому тоже стукнуло к тому времени десять лет, мог лишь вести с ним долгие беседы, да и то тематика их ограничивалась впитанными Моревым сведениями, которыми информаторий — весьма примитивный и, разумеется, не связанный ни с каким иным хранилищем информации во всей вселенной — питал его скупыми дозами в соответствии с программой. Наоборот, девочка, энергичная и подвижная, как и положено ровеснице Тита, в умственном отношении мало подходила ему в подружки, ибо за восемьдесят капканских лет информаторий напичкал ее мозг огромным количеством практически бесполезных сведений.

Энн как-то попробовала обсудить с Рольсеном возможность вмешаться в программу информатория — хотя бы убыстрить начальное развитие Возвращающихся. Но тот просто и честно сказал ей, что его, Рольсена, никогда особо не интересовала интеллектроника, он — пилот и готов лететь куда угодно и на чем угодно, а не заниматься электронными мозгами. Сама же Энн в присутствии Рольсена не чувствовала в себе достаточно смелости, чтобы попытаться применить свои знания многомерного программирования, хотя в тайне от него по крохам восстанавливала в памяти все, чему учили ее на Земле.

Она долго готовилась к тому, чтобы найди подход с другой стороны. Для этого ей понадобилось немало времени. День за днем перебирала она в памяти земные разговоры, споры, даже просто случайно брошенные фразы. Это была сложная исследовательская работа, которую она вела по всем правилам, усвоенным в космошколе, — тщательный сбор данных, построение предгипотезы, ее проверка, определение на основании полученной модели наиболее перспективных путей поиска новых данных — и так далее. Своеобразие ее работы состояло лишь в том, что весь поиск шел в ее собственной памяти, и потому Энн не нуждалась ни в аппаратуре, ни в сотрудниках. Она скрупулезно фиксировала даже мельчайшие обломки воспоминаний — и потому, что это было единственным ее занятием, не считая воспитания Тита, и потому, что любая мелочь могла пригодиться в их капканском бытии.

Так перед ней возник несколько иной Рольсен, чем тот, каким она привыкла его видеть. Из массы недомолвок, а порой и прямых его высказываний ей стало ясно, что и к своей профессии пилота он тоже не относится как к делу жизни, ради которого стоит бросить все остальное. Ей, например, несколько раз случалось присутствовать во время встреч космопилотов с космолингвистами — Рольсен обычно блистал на них, поражая своими профессиональными знаниями в этой далекой от вождения корабля области. Энн вспоминала, что он вел себя так, будто релятивистская лингвистика для него столь же важна, как, скажем, астронавигация, и еще трудно сказать, что для него дело, а что — всего лишь хобби. В другой раз ту же практически позицию он занял, когда в турпоходе на астероидное кольцо возник спор об аудивизуальных средствах передачи информации. Рольсен и тут показал себя большим специалистом, которому предстоящие по окончании космошколы обязанности пилота будут, возможно, мешать плодотворно мыслить над новыми идеями в области формы, цвета, объема,

наглядности, информативности и прочих далеких от прокладывания космических трасс понятий. И, наконец, главное, что удалось восстановить в своей памяти Энн, это столь же полные эрудиции его выступления по поводу именно многомерного программирования! Ей самой казалось тогда, что Рольсен — один из забредших в их общежитие студентов-программистов, а вовсе не пилот-стажер космошколы ЭРЭ. И снова он говорил тогда с такой уверенностью и страстью, что ребята из математического легиона, уходя, горевали, что ему приходится тратить столько времени и сил на чуждые им предметы.

Энн очень осторожно напомнила Рольсену об этом случае, еще и еще раз призывая его что-то сделать для изменения их затянувшейся растительной жизни, если он не хочет стать настоящим капканцем — человеком-растением, и если он еще помнит, что он тут не на экскурсии, а на службе. К несчастью, разговор шел при Тите, тогда уже достаточно взрослом, чтобы понимать его смысл. Наверное, слова отца запали ему в душу и ранили ее. Да, говорил Рольсен, он помнит, что он офицер ЭРЭ, командорская булавка с этим драгоценным камешком все еще где-то у него валяется. Но теперь они — просто люди. Просто земляне. Об этом говорил Главный, именно об этом. И нет для них теперь никаких инструкций и наставлений, и никто и ничто не велит им что-то непременно изменять и переделывать на Капкане. У него нет уверенности, что такой эксперимент будет разрешенным, а иных ЭРЭ, как известно, не допускает. А кроме того, он, Рольсен не считает себя узким специалистом в какой-то одной области, и когда говорит, что он только пилот — всего лишь кокетничает и рисуется. Круг его интересов значительно шире, но именно поэтому ни в одной из конкретных областей знания он не обязан разбираться в технических подробностях — достаточно и того, что он свободно ориентируется в общих вопросах.

Силы гравитационные, стала возражать ему Энн, но ведь в бесконечных препирательствах с Грусткиным именно Игорь убеждал его, что нельзя быть только пилотом, который летает просто чтобы летать, а он, Рольсен, отстаивал свое право заниматься лишь тем, что входит в его прямые обязанности, поскольку и этого более чем достаточно.

Да плевать я хотел на Грусткина, распалялся Рольсен, не стесняясь присутствием замершего в изумлении сына, только мне теперь и не хватает его заумных рацей. Он все время талдычил о каком-то сверхподходе, о понимании общей картины, в которую все, что ни на есть — и навигация и лингвистика, и интеллектроника да и вся вообще людская деятельность — входят как малые частности. А такой сверхвзгляд — это просто верхоглядство. Можно постигать отдельные науки лишь по горизонтали — одну за другой, ну, скажем, в их взаимосвязи друг с другом. А наднаук в природе не существует, что бы там Грусткин ни сочинял.

Энн поразила эта вспышка. В сущности, весь пафос Рольсена сводился, если говорить чисто прагматически, к тому, чтобы ничего не делать и ни во что не вмешиваться. Неважно, какой аргумент выдвигался при этом — недостаток узких технических знаний или, наоборот, отсутствие всеобъемлющего генерального плана. Рольсен знал лишь свой «Чивер»,

на котором пропадал с утра до ночи. Но тогда... тогда, подумала Энн, нет никакого резона возиться с кораблем, в рамках новой философии Рольсена и это занятие тоже лишено смысла. Наверное, ему не хватает специальных знаний электронщика, ядерщика, двигателиста, а в то же время даже если удастся превратить малый внегалактический охотник в нечто невиданное в смысле скорости отрыва и ориентационной лабильности, то и тогда у Рольсена ведь нет никакой стратегии избавления от капканского плена. Да он вроде бы и не особенно тяготится им...

Когда Энн удалось отфильтровать все эти невеселые мысли от неизбежных эмоциональных наслоений, их жизнь на Капкане предстала перед ней в совсем уже непереносимом виде. Ну, хорошо, капканцы — законсервированная крохотная популяция, в которой каждая жизнь переливается сама в себя с единственной целью: сохраниться до некоторого счастливого мига. Инструкция требовала «воспроизводства популяции в экстремальных условиях» — и уж куда экстремальнее, в страшном сне не придумаешь. Но они-то, они-то с Рольсеном не летели же сюда только для того, чтобы прозябать в климатизаторах, словно орхидеи? Наоборот, именно с их появлением на Капкане и должен был наступить тот светлый миг, ради которого экипаж «Чивера-1» отказался от нормальной человеческой смерти и обрек себя на существование, смысл которого теперь уже не ясен ни одному капканцу: жить, чтобы просто жить — как Рольсен хотел летать, чтобы просто летать. Получалось, что трагедия нынешних капканцев находилась в тесной связи с теми спорами, что шли на Земле между Рольсеном и Грусткиным, которые тогда она склонна была считать абстрактным мудрствованием. Непонимание общей картины, одно лишь буквальное следование раз и навсегда заданным правилам без попыток осмыслить их — это и есть типичнейшее капканство. А с другой стороны, полное забвение всех инструкций и наставлений, кроме одного какого-то догмата, тоже ведет к нему же. Ведь и чиверяне построили свой страшный мир исходя из требований одного лишь пресловутого параграфа 26, пусть и важнейшего, и определяющего, но не единственного же! В то же время не поступи они так, сегодня на Капкане вообще не было бы никаких людей, пусть даже живущих с обратным направлением времени. И, наконец, вот они есть — а что толку?

Эта цепочка рассуждений, каждое из которых как бы опровергало предыдущее, неожиданно привело Энн к решению заглянуть, наконец, к Бобу на «Чивер». Так сложилось, что она не бывала там долгими месяцами — Тит требовал постоянного внимания, а Боб вообще не нуждался в ее помощи. Скорее наоборот — ему хотелось работать одному, в полной сосредоточенности, он даже дома перестал рассказывать о том, что ему удалось сделать за день. Но теперь, после последнего разговора с Рольсеном, Энн овладело какое-то смутное чувство, похожее на подозрение. Она взяла с собой Тита и отправилась с ним далеко за лиловый лес и дальше, через огромное поле, покрытое лиловой же травой, через лощину, неглубокую речку и еще один лес — туда, где серебрился их «Чивер-2923», частично разоренный для того, чтобы превратить их дом в подобие земного, а частично переделываемый Бобом в нечто могучее и неземное.

Выйдя за радиус действия климатизаторов, Энн надела прогулочный

скафандр и натянула на Тита огромный, не по росту, комбинезон, который ей удалось немного присобрать вокруг его тоненького тельца. Дело было даже не в том, что инструкция категорически требовала этих минимальных мер защиты, — воздух на Капкане в самом деле был не совсем безвреден, он оказывал какое-то пьянящее действие, безусловно ненужное ребенку.

Когда, наконец, за последним перелеском показался их корабль, Тит ускорил шаги — ему, видимо, передалось беспокойство, овладевшее Энн. Люк был отдраен. Устройства входного контроля «Чивера» пропускали ее беспрепятственно как члена экипажа. Энн набрала для Тита код гостя и вызвала по интеркому Боба. Она видела, как одна за другой зажигались лампочки опроса помещений корабля. Вот мигнула последняя, и на табло зажглась надпись «НЕ ОБНАРУЖЕН».

...Энн и не помнила, как она с Титом бежала вдоль поля, как вглядывалась в экран поискового индикатора, взятого ею из аварийного комплекта корабля, как обрадовалась, когда сигнал стал четким и вел их в заросли капканского кустарника, о который цеплялись их одежды, и как наконец увидела она Рольсена, со счастливым лицом бредущего им навстречу безо всякого скафандра, но зато с какой-то огромной заржавевшей железкой в руке.

Но когда он подошел ближе, и Энн смогла рассмотреть то, что он бережно прижимал к себе, она сначала просто не поверила своим глазам. Однако уже в следующий миг на душе ее стало одновременно и горько, и обидно, и мерзко.

Интуитивно она ждала беды — но все-таки не такого масштаба.

05.15.20/2900/VI

Появление мыслящего существа в районе входного люка зафиксировано. Показание индикатора интеллекта — единица. Результат теста по таблицам узнавания членов экипажа — отрицательный. Сигнал с датчика угрозы — ноль. Схема совпадений реагирует на эти четыре заранее обусловленных сигнала, поданных одновременно, переходом к программе «КОНТАКТ».

Воспринят голосовой приказ о подъеме уровня освещенности. Приказ выполнен. Условный переход к включению световых табло, последовательно загорающихся по направлению к коммуникатору.

Схема слежения за объектом фиксирует его перемещение к первому указателю. Посылка сигнала на включение второго указателя. Далее — аналогично, вплоть до появления сигнала «ОБЪЕКТ У КОММУНИКАТОРА».

Алгоритм отработан. Прошел сигнал включения коммуникатора объектом. Прогонка тестов контроля системы жизнеобеспечения. Результат — норма.

Зафиксирован сигнал физиологического контроля о повышенном расходе энергии объектом. Подан на вход системы жизнеобеспечения. Подняты поддерживаемые постоянными уровни подачи витаминов, белков, кислорода.

Подготовлены цепи схемы оповещения объекта о возможности покинуть помещения вместе с тремя другими объектами, находящимися в изолированном отсеке.

Начат обратный отсчет времени.
Проходит сигнал: «ОТДРАИТЬ ЛЮК».
Приказ выполнен.

12.00.00/3010/VI

БОБ

— ...Все-таки лучше бы они не посылали в полеты женщин — и парадокс с ним, с этим нелепым параграфом. Ну что, в самом деле такого, если я действительно в последнее время не возился с «Чивером», а обследовал Капкан? Да, я немного обманывал Энн, но так ведь было спокойнее и ей, и мне, и Титу, который просто места себе не находит, если она нервничает. И вот — столько эмоций, столько слов... Впрочем, нет, слово она сказала всего одно...

Но, стабильные квазары, неужели трудно понять, что я просто не в силах заниматься постоянно одним и тем же делом? Надо же мне иметь отдушину, для того чтобы не спятить! Наконец, даже в научном отношении — в смысле истории космической техники, например — имело полный смысл искать номерной знак не чего-нибудь, а самого «Чивера-1». И вот теперь, когда я его нашел, когда коллекция, которую я собираю всю свою жизнь, стала на самом деле бесценной, вместо того, чтобы порадоваться за меня — да и за себя тоже, между прочим — слезы, отчаяние, душевный кризис.

«Накопитель». Это надо же так сказать! Это я-то, которому лично вообще не нужно ничего. Но коллекционерство — не накопительство, не страсть, это — жизнь. Как можно думать о реконструкции «Чивера-2923», когда где-то рядом разбросаны обломки самого первого «Чивера», и среди них его номерной знак — сокровище, которому нет равных, предмет вожделения лучших из лучших на Земле, ради которого не жалко потерять не только те несколько жалких месяцев, что я, ежесекундно казнясь своей несуществующей виной, оторвал от возни с кораблем. Да я и не оторвал ничего, потому что не было минуты, чтобы не думал о знаке, о его аверсе и его реверсе, о том, насколько он сохранен, и о том — что кривляться перед самим собой — как вытянутся физиономии у дорогих коллег, когда я достану его из макрокляссера.

Теперь мне и впрямь нечего делать на Капкане, и я готов работать как кибер, лишь бы отсюда выбраться. И пусть все упреки, что раньше я не стремился на Землю, в чем-то верны, пусть — теперь-то у меня настоящий, могучий стимул. Ну так, спрашивается, вокруг чего разговор, для чего все душевные метания?

А главное, для чего ворошить всю эту давнюю историю теперь, когда все в корне переменилось? Я довел-таки за эти годы корабль до такого состояния, что он может стартовать. Я работал как целая лаборатория и, быть может, придумал кое-что, чего на Земле еще и в помине нет. В конце-то концов Рольсен — это все-таки Рольсен! Но о каком старте может идти речь, когда Тит в трансформатории, время идет, а что делать — непонятно.

Лучше бы Энн, чем обвинять меня неизвестно в чем, вспомнила, как втягивала мальчишку в свои интеллектуальные игры, как забивала его голову неразрешимыми вопросами об иерархии целей и невыводимости общей стратегии из суммы частных тактик. Да лазер меня прожги, если я понимаю, зачем это нужно было делать — мальчишка и так помешан был на земных, заумных для него историях. Конечно, Энн растила его практически сама, я ей скорее мешал. И выучила она Тита всему, чему только можно. И парень он вырос хоть куда. Но нет, нет и нет моей вины в том, что он решил перевернуть мир! Тысячи мальчишек в его возрасте ни о чем не советуются с отцом — и вовсе не потому, что тот что-то когда-то сделал не так.

...Если же честно, то я в полной растерянности. Взламывать трансформаторий? Но как? Да и что будет с Титом и тремя капканцами, которые сейчас там? Ждать? Но сколько? Думать? Но о чем? Не думать? Но это невозможно... Единственное, чем удается поддерживать душевное равновесие — хоть изредка, тайком взглянуть на «Чивера», очищенного, расправленного, тщательно реставрированного. «Номер по каталогу — один!» Так именно и будет сказано при первой его демонстрации. И непременно с восклицательным знаком.

Но довольно — надо же все-таки что-то делать. Итак, что нам известно доподлинно? Тит каким-то путем проник в трансформаторий. Медальон Энн почему-то идеально пришелся к отверстию в его люке. Какую-то роль сыграла и моя бриллиантовая булавка — правда, она найдена у входа, Тит ее с собой не взял. Далее. Принцип действия трансформатория ясен лишь в самых общих чертах. Чиверяне отчего-то не оставили его описаний — как, впрочем, и вообще никаких записок, дневников, отчетов и тому подобного. Любой разговор с капканцем о трансформатории бесполезен.

Теперь так. Старик-младенец, то есть капканец, проживший в обратном порядке свою жизнь от девяноста лет до года, попав в трансформаторий, в течение двенадцати месяцев снова становится девяностолетним. При этом память его стирается, а все нарушения, случившиеся в его организме за истекший период жизни, исправляются. То есть, иными словами, трансформаторий каким-то образом узнает, каким должен стать попавший в него человек, когда он его через год покинет, — как приемная антенна космодрома узнает по номерному знаку принадлежность корабля. Конечно, современные знаки снабжены массой автоматических устройств, они не только обеспечивают право на приземление, но еще сообщают кибердиспетчеру номер приоритета, тип потребного горючего, время полного останова двигателей и массу иных сведений о корабле и экипаже. Но «Чивер-1» — о, он и без всей этой электронной требухи дороже тысяч самых суперсовременных знаков. По сути, у него нет даже каталожной стоимости — ну кто мог подумать, что я, командор Борис Рольсен стану его владельцем и тем самым разрушу всю их стройную систему сравнительных оценок?

Жаль лишь одного — теперь коллекция «Чиверов» становится практически полной — те пять-шесть, что не хватает, можно будет достать без труда, в крайнем случае просто выменять на копии «Номера Первого». Впрочем,

есть одна потрясающая идея: можно коллекционировать прямоугольники, которые каждый капканец носит, не снимая, на цепочке. Только вот как добыть эти кусочки металла?

Поразительно, едва дело доходит до собирательства, я забываю обо всем остальном. Главный, между прочим, это подметил — недаром же он тогда, на кассете, посоветовал мне заняться моими «игрушками». Игрушки! Да это редчайшие экземпляры, каждый в своем роде уникален — хотя, разумеется, и не «Номер Один».

...Да, так о чем же я думал? О начале новой экспедиции? Нет, о чем-то еще раньше... Тьфу ты, асимметричный коллапс, о трансформатории, его устройстве — да как я могу, в самом деле, все время перепрыгивать мыслью кибер знает на что, когда Тит томится за желтыми стенами и неизвестно даже, жив ли он!

Итак, трансформаторий узнает личность старика-младенца и точно знает, что с ним надо делать. Тут две возможности. Либо в нем есть программа для каждого из оставшихся в живых чиверян, либо же каждый капканец несет эту программу в себе. В первом случае совершенно не ясно, как станет трансформаторий поступать с Титом — ведь он не член экипажа «Чивера-1». Но и во втором тоже все темно — Тит и не капканец вовсе, и биологические процессы у него, слава Эйнштейну, идут в прямом, то есть земном направлении. Но если трансформаторий станет при этом подгонять его под какую-нибудь из хранящихся в нем программ... страшно подумать, что может получиться. Хорошо, но чтобы подгонять, надо выбрать из множества наличных программ одну — а какую? Какой отдать предпочтение? Выходит, трансформаторий попросту не сумеет принять решение — он ведь никак не идентифицировал Тита. У мальчика нет ничего капканского, нет даже их неизменного металлического прямоугольника с неизменной цепочкой и — с чем еще?..

...Да, с чем же еще? А что, если с программой? С пластинки считывается информация для трансформатория, на нее же наносятся данные обо всех проделанных операциях. Она — как бы заместитель капканца, его машинный портрет. И как это раньше не пришло мне в голову? Быть может, даже больше того — капканцы потому и не снимают никогда свою цепочку, что она как-то регулирует их внешний путь, когда они живут свои долгие годы под контролем климатизаторов.

Вот это была бы действительно коллекция! Каждая пластинка — уникум, в единственном экземпляре. Подделка невозможна. Копирование — проблематично. Одним словом, она, пожалуй, затмила бы и моего «Номера Первого».

Вот только как добыть для начала хотя бы одну пластинку?

08.00.00/363.562/V

— Событие не предусмотрено программой...
— Факт, не упоминаемый информаторием...
— Появление людей, минуя трансформаторий...

— Необъяснимый феномен...
— Сразу двое...
— Разнополые...
— Мужчина и женщина...
— Не предусмотрено программой...
— Не упоминалось информаторием...
— Популяция резко увеличилась...
— Проблема жилья разрешима...
— Мощность климатизаторов достаточна...
— Запас пищевых ресурсов велик...
— График трансформатория? Он собьется...
— Не предусмотрено...
— Не упоминалось...
— А она красива...
— О чем это?
— Информационная ценность высказывания — ноль...
— Визуальное наблюдение...
— Оценочное суждение...
— Жилье: могут быть приспособлены оставшиеся свободными...
— Способ появления: ранее не зафиксированный...
— Не предусмотрено...
— Но время «Ч»...
— Гипотеза не проверена...
— Ситуация не требует ответных реакций...
— И голос — сильный и нежный...
— Сбой программы...
— Засорение канала лишней информацией недопустимо вследствие...
— Наступление времени «Ч» характеризуется: первое — появлением новых обитателей планеты, второе — возникновением нового эмоционального настроя по всей популяции...
— Первый необходимый признак зафиксирован...
— Есть совпадение по пункту один...
— Пункт два — ноль...
— Совпадение отсутствует...
— И волосы — необыкновенного цвета, не как у нас всех...
— Любопытное наблюдение...
— Верное замечание...
— Проблема контакта — разрешима...
— Время «Ч»...

09.00.00/363.562/V

ЭНН МОРАН

— Я жду тебя, Анна, — и он сразу отключился, не ожидая ответа.
Она инстинктивно расправила складки формы, но это не был вызов

к командиру. Наверное, он все-таки умел читать ее мысли. Прошло более месяца со дня последней их встречи, она совершенно забыла о них — безо всякого усилия, словно кто-то размагнитил ее память, и только сегодня утром впервые подумала, что давно уже никто не называл ее этим именем. И почти тут же засветился интерком.

Ему не надо было называть ни место, ни время. «Анна» — это был как бы пароль. Энн неторопливо шла парком мимо озера, мимо светлого шарообразного здания штаба ЭРЭ, мимо тира и бассейна — мимо всего, что ей предстояло вскоре покинуть.

Знакомые здания библиотеки, технического корпуса, пункта космической связи, зоны отдыха... Из запрятанных неизвестно где динамиков, расположенных так, что звук доходил к любой точке со всех сторон почти одновременно, доносился сильный, чуть хрипловатый женский голос. «Жизнь невозможно повернуть назад», — повторял он в каждом куплете, и эти странные слова, столь очевидно противоречащие всему, чему ее учили на нескончаемых курсах биофизиологии и анабиотики, наполняя душу Энн каким-то удивительным чувством, словно в этих словах и мелодии, раскопанных любителями древней старины, завладевшими радиокомплексами чуть ли не всей планеты, заключался некий высший, недоступный пока еще ей смысл.

Но Энн не стала останавливаться, чтобы вслушаться как следует в эту необычную песню, судя по всему — многовековой давности. Почти бегом миновала она зону отдыха и вошла в лес, окружавший владения ЭРЭ. Узкая тропинка — для них она была «изумрудной дорогой» — вела к небольшой овальной поляне. Ярко-красный двухместный суперглайдер — единственная настоящая роскошь, которую он разрешал себе иметь — стоял уже у дальнего края, и закатное солнце отражалось в его больших выпуклых стеклах. Отодвинулась, пропуская ее, дверь, и он улыбнулся ей — радостно и в то же время грустно.

— Добрый вечер, Марк, — сказала она, потому что знала: сейчас рядом с ней — не Главный, не грозный начальник ЭРЭ командир Морев, а прежде всего ее друг, верный и нежный, надежный и всепонимающий. Друг, которого вот так близко она видит, скорее всего, в последний раз.

Легкая быстровзлетная машина почти мгновенно взмыла ввысь, Энн сильно и мягко вдавило в бейненсонит кресла, счастливое ощущение полета стерло все мысли и чувства. И тотчас же глайдер пошел на снижение, гигантским прыжком перебросив их к стартовому комплексу, откуда уходили в далекие экспериментальные полеты все корабли Экспедиции. Не разумом — чутьем Энн поняла, почему он выбрал для разговора именно это место: тут он чувствовал себя наиболее уверенно и привычно. Личный код Морева усмирил вспыхнувшие было предупредительные огни лазерной защиты. Лихо и вместе с тем предельно осторожно — Энн любила эту его манеру вождения — посадив глайдер, он выпрыгнул из машины, обошел ее и открыл вторую дверь снаружи. Никто из пилотов никогда не позволил бы себе такой смешной старомодной учтивости, но Главный жил по своим собственным законам — во всяком случае в том, что касалось его личной жизни.

— Я хочу проститься с тобой здесь, но сейчас, — сказал он, подводя ее к серо-стальной громаде корабля.

Последний луч солнца скользнул по обшивке, матово засветились цифры «2923» на номерном знаке. И снова Энн отчетливо увидела, что происходит в его душе: он привык расставаться у трапа звездолета, только такое прощание принимая всерьез.

— Марк, — сказала она, положив ему руки на плечи и заглядывая в глаза, — полет будет очень долгим?

Он молча кивнул.

— И очень трудным?

Он кивнул снова.

— Почему же тогда ты выбрал именно меня?

— Причин несколько. Для дальнего эксперимента согласно инструкции нужна девушка-пилот не старше двадцати биологических лет, имеющая летный балл не ниже 250.

— Таких в ЭРЭ немало.

— Совместимая с пилотом...

— О, таких еще больше, — сказала Энн с неожиданной для нее самой горечью: из ее подруг чуть ли не половина заглядывались на Рольсена, и многим из них он отвечал взаимностью.

— ...отважная, добрая, умная, красивая, самоотверженная...

— Этого нет в инструкции! — Энн засмеялась.

— В ней много чего нет. Например, что я тебя люблю.

— Не надо, Марк, — сказала Энн мягко.

— Я просто называю еще одну причину, почему летишь именно ты. Дело не в факте моей личной биографии, а в том, что факт этот дает пусть призрачную, но все-таки надежду на успех вашего полета.

—?

— Я мало что могу сказать тебе, Анна... Видишь ли, истинную цель вашего эксперимента сейчас тебе знать не разрешено. Психологическая служба всегда категорически против того, чтобы экипаж, которому предстоит сверхдлительный полет, был информирован о конечной точке и поставленных задачах: это создает ненужную напряженность. В этом, поверь, есть большой резон. Мы ведь не можем предусмотреть все неожиданности, поэтому должны растить наших пилотов-исследователей готовыми ко всему, способными мыслить самостоятельно и принимать собственные решения в самых неожиданных условиях. Ограничивать их мысль рамками предстоящего эксперимента — в том виде, каким он видится здесь, на Земле, — значило бы заранее канализировать их знания, волю, воображение в не самом лучшем, быть может, направлении.

И все-таки в наиболее общем виде, я хочу сказать тебе, что вас ждет нечто совершенно необычное, поиск, к которому никто из нас не готов — да и не может быть готовым.

— Поиск, Марк?

— Да, Анна. Именно так. И может случиться, что тебе там — я имею в виду сектор поиска — встретится человек, чем-то похожий на кого-либо из тех, кого ты знаешь здесь, в ЭРЭ...

— Не пугай меня — или не шути так странно.

— Я не шучу. И тебе вовсе не надо пугаться — наоборот, я хочу, чтобы ты знала. Если вдруг так окажется, что человек этот будет хоть немного похож на меня, он обязательно будет любить тебя, Анна. Для него ты будешь самой красивой и самой умной и он не сможет сказать «нет» — о чем бы ты ни просила. Потому что любовь — это вроде опьянения: смещаются пропорции в восприятии, и человек не властен над этим — как я, например, всякий раз, когда вижу тебя.

— Марк...

— Я должен был сказать это тебе. И вот еще. Этот медальон — он на память тебе о всех нас, оставшихся на Земле.

— Ты все-таки хочешь, чтобы под конец я расплакалась, как девчонка! Между прочим, я видела точно такой же — наш Грусткин вот уже полгода с ним не расстается.

— Это он и есть, я лишь положил внутрь свою командорскую булавку. Это не просто сентиментальный жест при расставании. Видишь ли... наши мудрецы, Грусткин в первую очередь, считают, что обе эти вещи — медальон и булавка — могут иметь для вас некое важное значение.

— Марк, ты говоришь загадками.

— Да, Анна, и беда в том, что я не знаю отгадки к ним.

Прокручивая этот разговор в своей памяти раз за разом, Энн пыталась восстановить малейшие подробности. Ей все казалось, что что-то важное ускользнуло, стерлось, и тем самым потерян ключ к решению всех их капканских проблем. В тысячный раз пытаясь воссоздать в воображении тот вечер, она вспоминала и закатное солнце, и легкий запах скошенной где-то вдалеке от бетона космодрома травы, и ощущение спускающейся на землю прохлады, и тогда в ушах ее звучал незабытый, оказывается, несмотря на годы и не поддающееся представлению пространство, голос. Энн закрывала глаза и отчетливо видела Марка Морева, который почему-то вовсе не казался маленьким рядом с серебристой громадой корабля. Но он не произносил ни одного нового слова — только те, что она и без того знала наизусть.

И все-таки какой-то намек, умело скрытая подсказка таилась в этом их прощальном разговоре. Конечно, теперь-то Энн понимала, почему ни Морев, ни Игорь, больше всех других сделавшие для осуществления их полета, сами не приняли в нем участие: как хирургу не позволено оперировать своих близких, так и в группы поиска никогда не включают тех, кто может испытать недопустимый в экспериментальном полете стресс от встречи с разыскиваемыми. Это правило становится неукоснительно соблюдаемым законом, если речь идет о генетически связанных людях — родственниках по восходящей или нисходящей линии. И Марк, и Грусткин — они были потомственными космолетчиками, они принадлежали к той небольшой группе семей, где все без исключения работают только в системе Большого Космоса. Их далекие прапредки улетали на «Чивере», и если бы Энн хоть немного интересовалась историей, она непременно прочла бы эти фамилии в любом документе той эпохи.

Но гуманитарные дисциплины никогда не пользовались особой любовью среди студентов ЭРЭ.

Времени у нее было много. Энн продумала такое количество вариантов возможных рассуждений Морева, Грусткина и всех других, неизвестных ей сотрудников Экспедиции, которые готовили их полет на Капкан, что почти не сомневалась — картина сложилась у нее верная. Они с Рольсеном были одними из немногих «чужаков» в космолетческой среде — и уже по одному этому попали в список кандидатов на полет. Наверное, Грусткин не только сам предложил кандидатуру Рольсена, но и горячо настаивал на ней — они были непримиримыми противниками в спорах о теоретической космонавтике, и одно это должно было побудить болезненно щепетильного в вопросах этики Грусткина требовать для Рольсена всех прав и преимуществ в любой иной, отличной от их словесных баталий, сфере. Но была у Энн и другая гипотеза, которая нравилась ей больше. Игорь, зная, что по множеству причин именно Рольсену предстоит лететь на поиски Невернувшихся, специально вел с ним утомительные многочасовые дискуссии, постоянно провоцируя его на спор. Грусткину нужно было возбудить в Борисе способность к анализу, сбить с него самоуверенность удачливого космобродяги, развенчать и в самом деле дешевый романтизм лозунга «Летать — чтобы летать», которым Рольсен руководствовался — или делал вид, что руководствуется. Конечно, в их препирательствах многое было гротескно заострено, но главное Игорь усмотрел верно. «Всеядность» Рольсена, его стремление проникать во все мыслимые области, становясь там своим, признанным, — эту его черту Грусткин высмеивал особенно ядовито. Это — все та же страсть к коллекционированию, говорил он. Одни складывают в коробку конфетные обертки, другие — восторженные отзывы специалистов разных дисциплин о своих успехах и эрудиции. Но толка в обоих случаях — ровно никакого.

И все эти словопрения об уставофобии и параграфоненавистничестве преследовали все ту же цель — подготовить Рольсена к самым непредвиденным обстоятельствам, о которых Игорь думал, видимо, непрестанно. Поддевая Бориса, втягивая его в бесконечные беседы, Грусткин направленно, исподволь рассказывал ему о различных важных эпизодах из истории космоплавания, Рольсену неведомых. Игорь вел сложную, утомительную игру — помимо воли Бориса внедрить в его сознание массу сведений, тщательно отобранных, умело проинтерпретированных, афористично изложенных — с расчетом, чтобы они всплыли из рольсенского подсознания в нужный момент, даже если момента этого ждать придется невообразимо долго.

В свете этих соображений история с медальоном и булавкой становилась прозрачно ясной. Очевидно, Грусткин, дотошно изучивший все, что связано с «Чивером-1» и его экипажем, установил, что среди земных предметов, безусловно фиксирующих на себе внимание, у чиверян были две такие вещицы — семейная реликвия, быть может даже грусткинского древнего рода, и знак высшего воинского отличия — не исключено, что он принадлежал отдаленному предку Морева. Далее, моделируя рассуж-

дения чиверян — так, как Энн сейчас моделировала его, Грусткина, образ мысли — он пришел к выводу, что Невернувшиеся постараются именно эти два предмета использовать как символы, понятные землянам, — поскольку они, чиверяне, тоже вне сомнения, в свою очередь моделировали психику землян.

...Эти мысли, ставшие для Энн и ежедневной гимнастикой ума и смыслом жизни одновременно, делали ее нынешнее капканское существование хоть немного терпимее.

10.00.00/181.740/V
Хранилище трансформатория, кассета №5:

... Общий Совет экипажа суперкрейсера «Чивер-1», полностью отдавая себе отчет в том, что в обозримом будущем не приходится надеяться на помощь Земли, считает себя обязанным принять все меры к тому, чтобы задачи, поставленные перед кораблем и его командой, были выполнены. При этом он исходит из того незыблемого положения, что Экспедиция Разрешенных Экспериментов, членами которой они являются, никогда не оставляет поиск своих сотрудников, и как только причины, препятствующие организации такого поиска, перестанут действовать, он будет немедленно осуществлен. Поэтому Общий Совет экипажа принимает предложение командира корабля Морева, доложенное им и детально обсужденное Советом, сознавая всю его необычность и принимая на себя всю меру ответственности.

Совет надеется, что время «Ч» наступит достаточно скоро и что все члены экипажа суперкрейсера, оставшиеся к тому моменту в живых, встретят его как и подобает офицерам-исследователям ЭРЭ.

11.15.00/181.740/V

БОРИС РОЛЬСЕН

Прошло всего три с половиной месяца с того проклятого дня, когда Тит исчез в трансформатории, но за это время жизнь на Капкане изменилась самым неожиданным и самым кардинальным образом. Пока Рольсен днями бродил вокруг желтых стен, пытаясь найти хоть какую-нибудь возможность проникнуть внутрь, не нарушая при этом режима трансформатория и тем самым не ставя под удар ни Тита, ни трех отлеживавшихся в нем капканцев, Энн, руководствуясь абсолютно непонятными ему соображениями, отправилась в дом к Мореву и совершила невозможное: уговорила его снять свою пластинку и отдать ее им с Рольсеном, чтобы с ее помощью попытаться отворить двери трансформатория и вызволить Тита. Энн примчалась с этим драгоценным поблескивающим прямоугольничком прямо к Борису, но сколько ни рассматривали они его, сколько ни старались просунуть в какую-либо неизвестную им, но специально предназначенную для этого щель, ничего из этого не вышло.

Однако последствия более чем странного (учитывая, что Рольсен и сло-

вом не обмолвился с ней о своих новых коллекционерских планах и тех выводах, к которым они привели его) поступка Энн оказались в известном смысле не менее важными, чем если бы им удалось пробраться за желтые стены. На третий день после этого знаменательного события Морев вдруг появился на пороге их дома. По капканским понятиям этого просто не могло случиться: больших домоседов невозможно было представить себе даже чисто теоретически — лишь в день встречи Возвращающихся да еще несколько раз в году, когда информаторий извещал всех их о необходимости той или иной коллективной акции, капканцы виделись друг с другом.

Но первый за всю капканскую, с позволения сказать, жизнь визит поразил их не только самим своим фактом. Прежде всего — это просто бросалось в глаза с первого взгляда — шевелюра Морева претерпела решительные перемены, словно он посетил несуществующий на Капкане модный салон-парикмахерскую. Или, скорее, наоборот,— словно он был самым заурядным землянином, довольствующимся природным цветом волос, быть может, лишь со слегка синеватым оттенком. Другая перемена, однако, была несравненно более существенной. По сути дела к ним пришел совсем иной Морев, лишь внешне похожий на того, что они видели — на разных этапах его существования — все эти четырнадцать лет. Он словно проснулся — да так оно в действительности и было. Морев ничем не напоминал полных младенческих сил и ощущения раскрывающейся перед ним жизни капканских старцев. Он выглядел на свои нормальные восемьдесят лет и напомнил им обоим Главного не только возрастом и внешностью, но и чем-то неуловимым в манере вести себя. Войдя, например, он сразу уставился на Энн и несколько секунд — совсем как его земной тезка — неотрывно глядел на нее, словно замерев. А потом сказал, будто продолжая прерванный разговор:

— Ну что ж, видимо мне следует кое-что вам рассказать.

Он произнес эти слова таким деловым тоном, так четко и уверенно, что еще до того, как смысл сказанного дошел до них, Рольсен и Энн одновременно не сговариваясь бросились к экрану информатория. Но по всем каналам шла все та же капканская чушь — ликбез для новорожденных, премудрости космонавигации для младенцев, рутинные программы для всех остальных. Нет, здесь все было по-прежнему. Из этого источника Морев не мог почерпнуть никакой информации для своего чудесного превращения во взрослого, мыслящего и знающего человека.

Марк спокойно наблюдал за тем, как они щелкали переключателями программ.

— Дело в этой безделушке, Анна,— сказал он, показывая рукой на цепочку с пластинкой, которую Рольсен повесил на шею, не отдавая даже самому себе отчета в том, что он не в силах хотя бы на минуту расстаться с первым экспонатом новой коллекции, которая затмит все его предыдущие.— И еще вот в этом всем — Морев сделал рукой широкий жест, которым охватил весь их капканский дом, доставшийся им по наследству от неизвестного чиверянина, переоборудованный Рольсеном и превращенный стараниями Энн в уютное земное жилище.

Марк прошел на середину комнаты и сел в кресло — так, что ему видна

была одна только Энн. «Да что с ним случилось?» — подумал Рольсен. — Будто родился заново».

— Я вновь стал человеком, — сказал Морев, словно услышав этот его невысказанный вопрос. — Из-за тебя, Анна.

Он второй раз назвал ее так, с удивлением отметил про себя Рольсен. Откуда эта архаика?

Но Энн улыбнулась Мореву открыто и радостно.

— Я так счастлива, — сказала она. — Хотя, Марк, до конца все-таки не понимаю, как все произошло.

— Ты думаешь, почему мы тут прозябаем? — сказал он, неотрывно глядя на Энн и по-прежнему как бы вовсе не замечая Рольсена. — Зачем вся эта карусель, все ненавистные циклы и генерации?

— Я думаю... — нерешительно начала Энн, — то есть предполагаю, догадываюсь — чтобы выжить, сохраниться любой ценой.

— Конечно, — кивнул головой Морев. — Но к чему круговорот людей, как ты считаешь?

— Зачем ты экзаменуешь меня, Марк? За полтысячи лет мы не разучились мыслить и делать выводы из ясных посылок. Даже самые лучшие климатизаторы совершают ошибки. Их надо как-то исправлять — отсюда и трансформаторий, и смена поколений, и все прочее.

— Значит, самого главного ты все-таки не поняла. С обычными сбоями программы, которые происходят при жизни человека, мы как-нибудь уж справились бы, и никому и никогда не надо было бы ни стареть, ни молодеть. Ты только подумай: квалифицированные, тщательно отобранные химики, медики, физики, биологи, привыкшие к напряженнейшей работе — и вдруг оказываются не у дел, а в то же время от их эрудиции, умения, научной смелости зависит жизнь и их самих, и их товарищей. Мы здесь работали ежесекундно подгоняемые смертельной опасностью и жгучей необходимостью, и потому, наверное, кой в чем сумели обогнать землян. Во всяком случае, с физиологическими отклонениями мы могли бы сладить.

— Но что же еще, Марк? Неужели мало тех бед, что есть? Что еще происходит на этом проклятом Капкане, какую его дьявольскую хитрость мы просмотрели?

— Сам механизм ловушки, Анна. Мы тоже очень долго не могли понять его — а ведь нас было много. Прошли годы, пока стало ясно: с нами что-то происходит, мы меняемся, становимся иными. Нет, не внешне — в душе. Характер, интересы, взгляд на мир, отношение к себе и другим... «Мы стали слишком сами собой», — сказал тогда Грусткин. И он был прав — тысячу раз прав.

Рольсен стряхнул наконец с себя оцепенение, в которое вверг его весь этот дикий бред. Достаточно ему многомудрых высказываний земного Грусткина, чтобы выслушивать еще и заумь капканского!

— Ты можешь объяснить что-нибудь простыми словами? — зло сказал он.

Но ни Марк, ни Энн, казалось, не услышали его.

— «Слишком сами собой...», — раздумчиво повторила она. — Не хочешь ли ты сказать, Марк, что Капкан проявляет...

— Именно, Анна, это самое точное слово. Ничего не создает вновь, но лишь усиливает то, что уже было в душе, сознании, памяти. Проявляет — но так, что становится страшно, потому что главная, доминантная черта личности обостряется, уродливо разрастаясь, подавляя в человеке все остальное.

— Странно, Марк, мне не раз приходило в голову что-то похожее, но я гнала от себя эту мысль — ведь слишком уж неправдоподобным должен быть механизм, не только нащупывающий, но еще и усиливающий в нас самое основное, о котором мы и сами порой не догадываемся.

— Вовсе нет, Анна, вовсе нет. Самое сложное чаще всего оказывается как раз самым простым. Поле галактики, в которую входит Капкан, улавливает малейшие проявления разума и воссоздает интеллектуальный портрет любой мыслящей системы, которая, на свое несчастье, в него попадает. А дальше — и вовсе несложно. Вокруг носителя разума линии поля искривляются так, что получается как бы негатив такого портрета: все характеристики личности в нем имеют знак «минус», где было черное — там столько же белого. И лишь одна-единственная черта, пиковая, выступающая на общем фоне, не может быть задавлена внешним капканским полем, просто мощности его не хватает. Вот она-то и остается от всей некогда полной жизни и красок неповторимой индивидуальности. Только то, что составляет самую суть, истинное «Я», сокровенный смысл существования...

...Поразительно,— думала Энн, слушая Марка,— насколько же он не похож на Главного — другое лицо, фигура, манера говорить, ходить, жестикулировать, не говоря уж о капканском синеволосии и безжизненности, которые даже теперь полностью не исчезли. И все-таки что-то неуловимо близкое, знакомое, узнаваемое мгновенно не умом, а сердцем, какой-то стержень, главная пружина...

— ...все больше превращались в скопление людей-символов, из которых каждый представлял собой лишь одну какую-то черту характера, уродливо заостренную и развитую,— услышала она слова Марка, и неожиданное воспоминание вдруг нахлынуло на Энн.

— Так вот почему сначала стерлась память корабельного мозга, а потом он с таким упорством стремился уберечь нас от всех опасностей, реальных и мнимых, — сказала она. — Истинная суть бортового компьютера — забота об экипаже, остальное — лишь более или менее несущественные детали.

— Да пустое это все! Наносное! Все дело в номерных знаках,— вдруг вступил в разговор Рольсен, до этого молчавший, обиженный невниманием к нему.— «Капканское поле», «капканская вселенная»,— передразнил он Морева-6.— Самая обычная система, ничем не хуже и не лучше стандартных автозапросчиков любого нормального космодрома. Как только в его зону входит корабль, с номерного знака считывается вся нужная информация. А поскольку номерной знак в целях надежности связан с центральной ЭВМ многими радиоканалами, то он всегда, при любых условиях и даже поломках, сам в автоматическом режиме посылает на запрос космодрома данные о типе корабля, его экипаже и текущем состоянии жизненно важных параметров всех бортовых систем. Таким

образом даже самый примитивный автозапросчик получает как бы мгновенный снимок корабля.

— Верно, Рольсен,— сказал Марк.— Фокус лишь в двух вещах. Автозапросчик всего-навсего либо пропускает корабль, либо поднимает тревогу, а тут в ответ на любой сигнал разума,— естественного или, как выяснилось с вашим «Чивером-2923», даже искусственного — меняется конфигурация поля. Это раз. А два — ну зачем, спрашивается, космодрому знать истинную суть корабля, вошедшего в его зону? Да и понятия такого нет, во всяком случае — инструкциями оно не предусмотрено.

— Ну, это уж и вовсе пустяки,— сказал Рольсен и вновь выключился из беседы: не хватало ему еще и тут, на Капкане, обсуждать все те же вечные проблемы: что сказано, чего не сказано, а чего и вообще не может быть сказано в инструкциях!

Марк и Энн тоже сидели молча, и в комнате установилась странная, никого из них не удивляющая и не гнетущая тишина.

...Поразительно, думал Марк, как просто и естественно решился вопрос, столь мучавший их в свое время: как узнают они, как почувствуют, что долгожданный «час Ч» наступил, как сумеют выбраться из замкнутых кругов своих не-жизней, что за могучий импульс должен пробить броню, за которую они сами запрятали себя. «Ясновидение любви»,— вспомнились ему старые слова не то из позабытого романа, не то из какого-то бесконечного сна, который, быть может, виделся ему все эти годы.

...До какой же степени точно представлял себе земной Марк все то, что может произойти в ее душе, думала Энн. Пожалуй, только теперь она по-настоящему поняла, как глубоко и сильно любил ее Главный — так, что сумел прозреть будущее, во всяком случае в том, что касалось ее, Энн, чувств и мыслей. Нет, не глаза или голос, не походка и цвет волос. Умение забывать себя до полного растворения в делах, радостях и горестях другого — вот что составляло суть Марка Морева, и земного, и капканского, именно ее сохранили гены, и она же безошибочно была нащупана «проявителем» планеты-ловушки. Наверное, Главный считал, что его восемьдесят лет не дают ему права на счастье. А может быть, жертвовал им ради успеха экспедиции? Или же он думал о своем далеком предке, носившем его фамильное имя, которого Энн могла спасти — она и никто другой?..

Пауза затягивалась, и Марк стал в подробностях рассказывать об устройстве климатизаторов — механизмов, не только поддерживающих жизнедеятельность людей, но и снижающих до приемлемых пределов воздействие капканского поля. С какой-то непривычной отстраненностью Энн вспоминала, как подолгу Рольсен находился вне климатизаторного поля, порой даже без скафандра.

Морев-6 между тем стал говорить совсем о другом — не о технических деталях, к которым Рольсен проявлял известный интерес, а о проблемах разрешенности эксперимента, всегда волновавших Энн. Но Рольсен выразил такое подчеркнутое равнодушие, даже безразличие к словам Марка, что Энн оставалось лишь предложить Мореву обсудить эту тему по дороге к его дому, куда она вызвалась проводить его — при молчаливом неодобрении Рольсена.

Ничего, кроме новой волны раздражения, посещение Морева-6 у Рольсена не вызвало. Ну да, конечно, его концепция капканского захвата не лишена интереса. Хотя, с другой стороны, не скажи им он, Рольсен, о бросающейся в глаза аналогии с номерными знаками и автозапросчиком — сами, наверное, так и не догадались бы.

Идея климатизаторного рая — недурна. Но вот существовал же он, Рольсен, месяцами вне этого технического Эдема — и ничего, слава Эйнштейну, с ним не случилось. Более того, нашел «ЧИВЕРА ПЕРВОГО»!

Ну, а уж все заумные заламывания рук, которые последовали за принятыми чиверянами вполне разумными техническими решениями, он, Рольсен, понимать попросту отказывается. Уж и климатизаторы построены и действуют, и трансформаторий в принципе придуман, а они все еще ломают голову над «главной», видите ли, задачей. Сама идея трансформатория должна, по их понятиям, пройти главный тест — на разрешенность эксперимента. Иными словами, чиверяне раньше всего должны сами себе ответить на вопрос: допустимо ли в данных условиях вмешиваться в биологический цикл развития людей ради того, чтобы сохранить для Земли возможность когда-нибудь обнаружить свое поселение на этой неисследованной планете и тем самым соблюсти требования 26 параграфа инструкции в обстоятельствах, казалось бы, исключающих его выполнение? Можно ли превращать индивидуальную волю к жизни в коллективное выживание? Позволительно ли экипажу суперкрейсера Экспедиции Разрешенных Экспериментов ставить для себя цель сохранить на Капкане человеческую популяцию, обратив для этого офицеров-исследователей в некое подобие круговорота веществ в природе? Разрешают ли высшие принципы, заложенные в инструкции, делать из коллектива пилотов и научных работников машину, законсервированную и самообновляющуюся, но пребывающую в бездействии до того момента, когда некая внешняя сила побудит ее функционировать?

Вот такие вопросы решали, оказывается, чиверяне — вполне в духе земных грусткинских талмудистских рассуждений. А ведь критерий разрешенности прост и ясен даже ребенку. Должна быть соблюдена иерархия ценностей. «Быть и оставаться прежде всего мыслящим существом, потом — человеком, землянином, и уж в последнюю очередь — офицером-исследователем». Это — прописная истина, которую Главный счел нужным нам все-таки напомнить при своем явлении в секторе поиска. Ну и стало быть, раз интересы высшего разума требуют, чтобы были нарушены законы не только космопилотские, но даже и земные и просто человеческие, то так и следует поступить.

И что, спрашивается, они столько страдали и маялись, и откуда такая всегалактическая тоска в рассказе Морева-6 — нам, простым людям, невдомек. Есть инструкция — вот и следуй ей, не тратя сил и времени на философские метания. Другое дело, если бы когда-нибудь осуществилась его, командора Рольсена, заветная мечта — хоть один полет без параграфов, абзацев и подпунктов, септильон парсеков не видал бы их. Но, видно, истинное счастье не для смертных...

...Да, а что все-таки случилось с Моревым-6, что он заявился к нам собственной персоной?

04.22.45/363.812/V

ЭКИПАЖ МАЛОГО ВНЕГАЛАКТИЧЕСКОГО ОХОТНИКА ЭКСПЕДИЦИИ РАЗРЕШЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ «ЧИВЕР-2923» УВЕЛИЧИЛСЯ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА. РОДИТЕЛИ: БОРИС РОЛЬСЕН, КОМАНДОР, ПЕРВЫЙ ПИЛОТ, И ЭНН МОРАН, КАДЕТ-ЛЕЙТЕНАНТ, ВТОРОЙ ПИЛОТ. ИМЯ, ДАННОЕ ПРИ РОЖДЕНИИ: ТИТ.

ЗАПИСЬ В БОРТОВОМ ЖУРНАЛЕ ПРОИЗВЕЛ КОМАНДИР КОРАБЛЯ РОЛЬСЕН.

04.23.15/363.812/V

ВТОРОЙ ПИЛОТ

В некотором, правда, слишком уж горьком смысле разговор с Моревым принес Энн душевное успокоение. В том, что Борис все больше становился другим, чужим ей человеком, виноват, стало быть не он сам, а атмосфера Капкана. Конечно, не слишком радостно, что доминантные черты его характера оказались именно такими, но, с другой стороны, человек — не хордовое, у которого все вытянуто вдоль одного стержня, всякая личность многогранна, она именно тем и ценна, что представляет собой уникальную, нигде более не встречающуюся комбинацию качеств и свойств души. Да, все разговоры его о гнете правил и наставлений над свободой личности на деле обернулись всего лишь бравадой, но реализовавшаяся мечта — вообще крайне опасное состояние для человеческого духа, а Борис к тому же очутился и вовсе в исключительной обстановке, когда его стремления осуществились в значительно большей мере, чем он мог рассчитывать. Естественно, он несколько растерялся, утратил присутствие духа, и потому его страсть к коллекционерству возобладала над другими мыслями и чувствами. Но и Энн повинна в этом — слишком мало сил и времени уделяла она ему в первые годы их капканского существования.

Рассуждая так, Энн не сознавала, что ее образ мысли продиктован тем же самым воздействием капканского излучения или таинственного психологического проявителя. Ей было невдомек, что свойственное ей желание видеть Рольсена умным, сильным смелым и непогрешимым, а саму себя — недостаточно опытной, слабой, вечно ошибающейся в самых элементарных вещах трусихой усилилось за годы, проведенные на планете-ловушке. Но точно так же мимо сознания ее прошла и другая происшедшая с ней метаморфоза. Готовая подчиняться, почти полностью забывая себя, пока человек, чью волю она счастлива была исполнить, был в ее глазах единственным в мире, кого она любила, Энн становилась неза-

висимой, самостоятельной и активной, как только чувство это проходило. Так было на Земле, естественно, так же должно было быть и на Капкане. Она и в самом деле была «отважной, доброй, умной, красивой, самоотверженной», как говорил начальник ЭРЭ, но лукавить она не умела. Еще не отдавая себе отчета в том, что случилось в ее душе, Энн, ничего не сказав Рольсену, отправилась в жилище Морева-6, не зная пока, каким образом она сумеет убедить помочь ей этого абсолютно инертного, как все капканцы, бывшего человека, не сохранившего по сути дела ничего человеческого, кроме облика, до удивления напоминающего Главного, ставшего почему-то синеволосым.

Но ей не пришлось ни в чем убеждать его. Видимо, какая-то пелена спала с его, а может быть, и ее глаз. Морев-6 долго и сосредоточенно смотрел на Энн, словно что-то вспоминая из того, чего не было и не могло быть в его памяти. Потом так же не отводя от нее взгляда, не мигая и не произнося ни слова, он, как во сне, протянул руки к цепочке, висевшей у него на шее, и так же неестественно медленно снял ее вместе с прямоугольной пластинкой. Какое-то время лицо его сохраняло все то же бесстрастное и безжизненное капканское выражение, но постепенно оно просветлялось, и в глазах его появилось нечто вполне осмысленное, не только безусловно земное, но вдобавок еще и крайне знакомое.

— Зови меня Анной, — сказала Энн.

Полтысячелетия, разделявшие их, пронеслись за неуловимое человеческим сознанием мгновение. «Любовь — это вроде опьянения», — говорил Марк, повторяя вековую мудрость. Но и опьянение — оно тоже вроде любви, во всяком случае то, что вызывалось капканским наркотиком: смещаются пропорции в восприятии, и человек не властен над этим. В сущности, в душе не рождается ничего нового, лишь усиливается то, что в ней было, но таилось.

— Зови меня Анной, Марк, — сказала она.

ОТЧЕТ
ВТОРОГО ПИЛОТА «ЧИВЕРА-2923» КАДЕТ-ЛЕЙТЕНАНТА ЭКСПЕДИЦИИ РАЗРЕШЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ ЭНН МОРАН

Планета Капкан.
23 час. 32 мин. 00 сек./3014 день/VI-й космоэры.

...По сведениям, полученным в архиве капканского трансформатория упомянутым выше Титом Рольсеном, суперкрейсекр «Чивер-1» совершил вынужденную посадку на планету Капкан в 17.35.04 в 170.789 день VI-ой космоэры. При посадке корабль потерпел аварию. Личный состав удалось спасти.

Энн отложила составление отчета и прислушалась к звукам в доме. За стеной мирно посапывал Тит, в углу комнаты разметался на кровати Борис, время от времени что-то бормоча во сне злым, недовольным

тоном. В последние дни нервы его совсем сдали. От былого спокойствия, благорасположенности, мягкости не осталось следа. Если теперь он и напоминал медведя, то голодного, раздраженного, только что вылезшего из берлоги. Все, что происходило вокруг него, он воспринимал как угрозу своему авторитету, или свободе своей личности или еще кибер знает чему. В этом вывернутом наизнанку мире, говорил он, самое лучшее, что можно делать — это поступать не как принято в нормальных земных условиях, а как хочется, как желает душа, а не требуют бессмысленные инструкции, вообще-то всегда связывающие мыслящего человека по рукам и ногам, а тут, где все шиворот-навыворот, и вовсе никому не нужные и даже вредные.

Но разве зло перестало быть злом, а добро — добром только из-за того, что время течет вспять? Точнее, оно движется в своем обычном направлении — от прошлого к будущему через мгновения настоящего, но просто в этом настоящем люди выбрали для себя иной, чем на Земле, образ жизни. Конечно, они не живут, а скорее существуют, даже сама цель этого существования стерлась в их памяти и хранится в недоступном для них трансформатории, но ведь они люди, и цель эта — единственно возможная, единственно достойная людей цель, и осуществить ее должны помочь капканцам именно люди Земли. Так чего же тогда стоят все рольсенские рассуждения о том, что он — землянин и может жить лишь по земным законам? Из того, что капканцы волею обстоятельств все на одно лицо, вовсе не следует, что допустимо терять собственное лицо, оказавшись в их мире. Ведь вот Тит же...

Энн поставила новое время — 02.18.30/3015/VI, и продолжила составление отчета:

«Идея «интеллектуального негатива» (по сути своей — идея обращенности), на которой зиждется механизм капканской ловушки, а также, как ни странно, некоторые ассоциации, связанные с регуляциями ЭРЭ, касающимися парольных фраз, используемых при работе с закрытой информацией, натолкнули командира суперкрейсера командора Марка Морева на мысль, что в принципе возможна обращенная форма жизни. Таким образом им, задолго до профессора Леоновича, были сформулированы условия отказа от униполярности жизненных процессов. Так была построена система замкнутого цикла жизнедеятельности популяции чиверян.

Однако оставалась еще проблема социально-психологического плана: популяция чиверян под действием капканского поля превращалась в никак не объединенных людей, крайних индивидуалистов, своего рода людей-символов, олицетворяющих собой каждый лишь одну какую-то идею, страсть, стремление, образ мышления. Это, естественно, делало жизнь чиверян необычайно сложной, поскольку символы, как известно, не умеют общаться между собой, а люди, ставшие, пусть и помимо своей воли, знаменем чего-то одного, исключительного, отличного от всего остального, с неизбежностью оказываются во враждебных отношениях. По счастью, доминантными чертами личности могут оказаться и такие, как, например, стремление к всеобщему благополучию даже ценой собственного несчастья. Поэтому коман-

дор Морев, командир «Чивера-1», и второй лейтенант Грусткин, штурман корабля, не утратили взаимной привязанности в распадающемся на их глазах коллективе чиверян. И именно они, постоянно обсуждая друг с другом свои наблюдения и предположения, привлекая к работе других чиверян, специалистов в тех областях науки, где они не чувствовали себя профессионалами, установили причину происходящего, растолковали ее членам экипажа и сплотили их, таких разных и становящихся все более и более разными и отчужденными, для решения общей задачи, которая формулировалась предельно просто: выжить, несмотря на все известные и неизвестные факторы капканской среды.

Задача социально-психологическая была решена чисто техническим путем. Продолжая ранее использованную аналогию с системами космодрома, можно сказать, что каждый член экипажа суперкрейсера стал как бы автономным кораблем, снабженным собственным опознавательным устройством — цепочкой с пластиной, служащими аналогом номерного знака, поскольку она постоянно транслировала в окружающее пространство те сигналы, что составляли проявленную капканским полем потаенную сущность каждого индивида. Поле Капкана автоматически создавало вокруг носителя такого приемо-передающего устройства соответствующую конфигурацию силовых линий, «интеллектуальный негатив», при котором всякая индивидуальность подавлялась. В связи с этим возникла новая проблема: необходимость в информатории — земного типа, но крайне упрощенной конструкции, чтобы с его помощью поддерживать необходимый минимум общих и специальных знаний.

Эксперимент, разрешенность которого в экстремальных условиях Капкана не вызывает сомнений, показал: для ограниченной группы людей установка на выживание любой ценой с неизбежностью требует стандартизации индивидуальностей. Здесь вновь правомерна аналогия с системой космоплавания. Сверхдальние полеты в пространстве возможны лишь благодаря тому, что пилот вынужден большую часть времени проводить в анабиованне, где все жизненные физиологические процессы организма предельно замедляются. Так и коллектив людей, отправивший сам себя, фигурально выражаясь, в сверхдлительный полет во времени, оказывается перед необходимостью искусственным путем заморозить все интеллектуальные процессы. Разница, однако, состоит в том, что для одного человека всегда может быть подобрана индивидуальная конфигурация анабиотизирующего поля, в то время как для всей популяции в целом сделать это невозможно. Отсюда необходимость в организации единого интеллектуального поля, общей культуры по необходимости весьма примитивного уровня.

Вследствие этого люди-растения Капкана лишены какой-либо высшей цели существования, поскольку даже первоначально заложенная идея «выжить любой ценой» перестает быть осознанной ими. Поэтому необходим некий импульс извне популяции, чтобы «расконсервировать» ее, ибо, в строгом соответствии с обобщенной теоремой Геделя, подобная замкнутая система не способна сформулировать ни целей своего движения (в данном случае развития не по спирали, а по замкнутому кругу), ни путей ее реализации. Таким внешним импульсом могло быть лишь активное вмешательство

земной цивилизации — на что и была, видимо, сделана ставка в свое время. (02.30.00/3015/VI).

Энн услышала, как за стеной засмеялся во сне ее сын — ее повзрослевший ребенок, который и безо всякого капканского «фактора икс» сумел бы, наверное, остаться обычным земным мальчишкой, отчаянным и решительным, бескомпромиссным и не рассуждающим, когда надо сразиться со злом и неправдой. Но в то время как капканский проявитель сделал Энн еще более неуверенной в себе, а Боба, напротив, еще более самоуверенным и еще более погруженным в свои собственные дела и проблемы, Тит знал лишь одну мысль и одно желание, с каждым днем все возрастающее: пробраться в ненавистный трансформаторий, сокрушить гидру, отнимающую у него друзей и подруг.

Как наивны были Главный и Грусткин и все другие в ЭРЭ, кто полагал, будто две земные вещицы, пусть любопытные и знаменательные сами по себе, способны помочь организованной ими поисковой экспедиции. Но как мудры были они, что рассуждали именно таким образом. По сути дела, в трансформаторий мог проникнуть любой человек, у которого Капкан не сумел притупить стремление сделать это. Заметить, что единственное углубление на люке имеет форму медальона, легко могли и Энн и Рольсен, но Тит, перед мысленным взором которого постоянно была Земля, Тит, не расставшийся с мыслями о ней, Тит, начинавший и кончавший день с того, что бережно гладил рукой отцовскую командорскую булавку и медальон матери, эти символы земного, это постоянное напоминание о планете, откуда он родом, хотя и не родился на ней, именно он, Тит, первым увидел то, что на самом деле нельзя было не увидеть, и поступил так, как только и можно было поступить.

По счастью, старая добрая ЭРЭ веками не меняет своих установлений ни в целом, ни в частностях. Парольная фраза, которую Тит не раз слышал от отца, оставалась все той же, и он набрал ее на пульте, оказавшемся под отодвинувшимся люком. Наверное, он на миг почувствовал себя Мальчиком-с-Пальчик, потому что, прежде чем шагнуть в освободившийся проем в желтой стене, положил на землю командорскую булавку — не нужный ему более материализованный призыв родной планеты. И шагнул в логово Кащея, и услышал, как захлопнулась за спиной дверь, и все-таки не оробел, хотя голос его, мальчишески ломкий, дрожал, когда он приказал автоматике поднять уровень освещенности и сообщить о степени опасности среды. Самолюбивый Тит не стал рассказывать о первых своих минутах в трансформатории, но Энн и так поняла, чего он натерпелся, пока не обнаружил, что его, землянина, оказывается, давно тут ждали и все приготовили для жизни и работы.

Да, работы, потому что, следуя высветившимся указателям, он добрался до небольшого помещения, оборудованного допотопным коммуникатором. Кассеты стояли на полке одна за другой, на каждой порядковый номер. Тит вставил в считывающее устройство первую — и услышал спокойный мягкий голос командира «Чивера-1» командора Марка Морева. С этого мига все страхи его кончились, но зато на его бедный мозг обру-

шилась непосильная нагрузка — ведь информация, оставленная для земной экспедиции, направленной на поиск Невернувшихся, отнюдь не была рассчитана на пятнадцатилетнего юнца.

Удивительно ли, что чиверяне не могли предусмотреть такой вариант? Ведь полтысячелетия спустя многомудрые сотрудники ЭРЭ тоже не сумели вообразить капканскую вселенную и ее законы — иначе, конечно, не посчитались бы с мнением космопсихологов и сообщили экипажу все данные об объекте поиска еще на Земле. Вот, кстати, один из тех случаев, о которых Энн не раз говорила в спорах с Рольсеном как о теоретически возможных. Теперь, когда с ними случилось ранее никогда и ни с кем не происходившее, ЭРЭ изменит какие-то пункты в каких-то инструкциях. И это — пусть трудный, но единственный путь для разумного существа, которому параграфы и абзацы наставлений кажутся тяжелым бременем. Или же надо жить как Тит — без бравады, без разглагольствований о жажде независимости, отчетливо ощущать, что допустимо, а что нет, что совместимо с критерием разрешенности и что выходит за его рамки. Мальчик ведь не теоретизировал — он действовал, интуитивно следуя духу и даже букве законов Земли.

...Система жизнеобеспечения в избытке насыщала организм Тита витаминами, она, как ей и положено, всячески стремилась поддержать его растущий организм, и все-таки Титу пришлось, конечно, нелегко. Многое он просто не сумел понять, хотя раз за разом прослушивал одни и те же куски информации, гоняя кассету туда и обратно. Но именно он додумался до того, что не приходило в голову ни Энн, ни Рольсену, и что давало им теперь шанс на спасение.

Не раньше 00.00.00/352.667/V

Архив Нач. ЭРЭ ком. Морева.
Фрагм. письма к неизвест. адресату, неотправл.
Датировка — косвенная.
Сохранность — ниже средн.

...все равно, что послать туда часть самого себя. У меня такое ощущение, будто я постоянно вместе с тобой и все вижу твоими глазами, все чувствую и понимаю как ты — и в тот же миг, что и ты.

Ты этого не знаешь — мне как-то не пришлось сказать тебе об этом на Земле, — но вся моя жизнь, в сущности, было одним стремлением найти Невернувшихся, разгадать их тайну. Я мечтал об этом мальчишкой, курсантом ЭРЭ, пилотом ее кораблей и, особенно, став ее начальником. Но постоянные препятствия, преграды, сверхсрочные и сверхважные дела не давали... (нрзбр)

Сам я, как ты теперь поняла, лететь не мог. И с каждым годом все меньше мог я доверить этот полет кому-либо из тех, кого знал, кого учил и наставлял. И вот — ты! С первого дня, как... (нрзбр) ... счастье (нрзбр) по одному лишь этому.

И я не просто знаю — я чувствую каждой клеткой своего тела, каждым нейроном мозга, что ты поступишь точно так же, как поступил бы я. А значит, мечта моя сбылась.

Сбылась... Но нельзя, видно, загадывать слишком много. Я начал тосковать о тебе давно, еще тогда, когда все мы были вместе и не было ничего проще, как позвонить тебе или даже дотронуться до тебя рукой. Но если бы я мог в те счастливые дни догадаться, что такое тосковать по-настоящему, то ни за что на свете не отпустил бы тебя. Хоть бы ты снилась мне изредка — но и этого нет (далее нрзрб).

Не позже 12.00.00/356.947/V

ПЕРВЫЙ ПИЛОТ

— Парень, надо сказать, весь в меня: недолго думая — и в трансформаторий. И ведь, Великий Космос, разобрался, что к чему! Раз личность капканцев не стерта, а лишь подавлена удавкой с пластинкой, то и память нашего «Чивера-2923» тоже может быть восстановлена, если убрать его личный маркер — номерной знак, приемопередающий блок, связанный с корабельным мозгом десятками радиоканалов. Чиверяне об этом догадаться не могли — их крейсер потерпел аварию, посадка была вынужденной, они так и не успели узнать, что базовая память бортовой ЭВМ пуста. А Энн, несмотря на все свои моделирования всех возможных ситуаций, оказалась не такой сообразительной, как мой сын.

Тит Рольсен, слава Эйнштейну, не посрамил отца. Но, силы гравитационные, какой переполох начался в нашем тихом капканском болотце, когда он показался в дверях выдачи вместе с тремя Возвращающимися! Энн с Моревым к тому времени перебудили всех синеволосых, пошло какое-то светопреставление — каждый что-то вспоминал, вокруг появились вдруг астронавигаторы и математики, программисты, ядерщики, кого только нет! И все блондины, брюнеты, а один так и просто рыжий, — да беда лишь, что знания их лет этак на пятьсот устарели. И тут Тит со своей идеей оживить мозг нашего «Чивера»!

Стабильные квазары, такого и представить себе невозможно. Общее ликование, поле их деформируй, то есть просто радость без границ. Но чего, лазер их прожги, им-то радоваться, ведь «Чивер– 2923» — не суперкрейсер, а всего лишь охотник, хоть и внегалактический, стало быть весь экипаж его — два пилота, анабиоблок-то всего один. Какие тут пассажиры? Даже для Тита места нет.

Я это понял в первый же миг, а когда сказал им, меня чуть не растерзали. Асимметричный коллапс! То соплом вперед, то соплом назад: вместо буйного ликования — могильная тоска. Конечно, кому охота снова капканствовать?

Но главное, парадокс их запутай, что ж они со мной-то делают? Этот непрошенный помощничек Марк раздал все собранные мною с таким трудом пластинки в старые руки, и те стали со слезами и проклятьями

надевать на себя мою коллекцию. И что же получается? Им что, непременно надо жить вспять только для того, чтобы лишить меня единственной радости? Просто так, назло? Ведь Земля наверняка пришлет сюда нуль-флот, вывезут их, никуда не денутся, прозябали тут полтыщи лет, могли бы дождаться светлого праздничка и без пластинок. А я бы зато...

Но и этого мало! Номерной знак моего «Чивера» решено оставить на Капкане и даже Номера Первого мне с собой взять не дают — из осторожности, видите ли. И кто, спрашивается, распоряжается? Ладно, жена, куда ни шло, хоть и второй пилот и всего-навсего кадет-лейтенант. Но Морев-шестерка, этот Марк, метеорит ему в дюзу, он-то чего раскомандовался?

А в завершение всего Энн категорически отказалась вернуть командорскую булавку под тем предлогом, что она — якобы подарок Главного ей лично. За какие, хотелось бы знать, заслуги? И кто позволил старому пугалу разбрасываться знаками высшего воинского отличия? «Руководство по ношению наград» прямо запрещает передачу кому бы то ни было любых присвоенных Советом символов признания заслуг. Параграф шестой, пункт первый.

Ну да ничего, они еще, память их размагнить, узнают, кто такой командор Борис Рольсен! Никто еще не отменил «Наставления по осуществлению экспериментального полета» и тем более первого абзаца его, где сформулировано со всей четкостью и определенностью: «Дисциплинарным принципом организации полета является единоначалие, то есть полное подчинение экипажа и всех систем корабля Первому пилоту от момента получения разрешения стартовой базы на взлет до момента передачи корабля под охрану в точке завершения полета». Так что мы еще поглядим, кто кем станет помыкать и чьи команды будут в конце концов выполнены!

В таких разговорах с самим собой Рольсен проводил теперь целые дни. Он не покидал «Чивера». Электронный мозг и в самом деле восстановил практически всю информацию после того, как номерной знак сняли с корабля и поместили далеко от него, надежно заэкранировав в недрах трансформатория, чтобы исключить всякую связь с бортовой ЭВМ по радиоканалам. Рольсен готовил «Чивер» к взлету, просчитывая траекторию отрыва, намечал пункт первого контакта с Землей по нульсвязи. Но все это время злоба душила его. Неужели, действительно, нельзя было придумать, как сохранить на борту оба номерных знака? Ведь знают же они, насколько это для него важно. И среди проснувшихся капканцев пруд пруди электронщиков, радистов — могли бы что-нибудь сочинить. Можно и рискнуть, наконец. Даже если и случится какая утечка сигнала — что страшного произойдет? Ну, сотрется малость информации в ЭВМ, выкрутимся как-нибудь, не в первый раз. А с пластинками и вовсе кибер знает что такое: к чему они им, не способным понять, что такое наслаждение истинного коллекционера, восторг, счастье, сознание собственного величия, исключительности, избранности. Неужели он, командор Рольсен, не заслужил право на то,

чтобы эти люди чем-то для него пожертвовали — ведь он летел к ним сюда, рискуя жизнью. Да и по критерию разрешенности выходит, что коллекционирование, то есть создание наиболее полного собрания фактов о мире, — высшая цель мыслящего существа, которой должно быть подчинено и все человеческое, и все землянское. Конечно, горючего у них — всего на одну попытку, но кто не рискует — тот не пьет шампанского, а тут есть ради чего попытать счастья.

Он растравлял сам себя этими рассуждениями и совершенно не желал принимать никакого участия в том, что происходило на Капкане. Он не видел, с какой горечью и нежеланием уходили обратно в растительное существование чиверяне, подогреваемые лишь надеждой на скорое окончательное вызволение. Его не было с Энн даже в те минуты, когда она с Марком укладывала в анабиованну Тита, прощаясь с ним, быть может, надолго — если не навсегда.

— Пожалуй, я тоже начну коллекционировать, — сказала Энн, когда слезы на глазах ее почти высохли. — И знаешь что? Командорские булавки.

— Это горькая шутка, Анна, — он держал ее руки в своих, пытаясь успокоить ее.

— Нет, Марк, это признание. Я всегда хочу встречать тебя — молодого и старого, земного и капканского. И всегда для меня ты будешь Командор — с булавкой и без нее. Ведь это по шкале внутренних оценок, по высшему счету.

— Спасибо, милая, — сказал он помолчав. — Только нам не суждено встречаться. Я несу свою пластинку в подарок Рольсену — теперь мне уже больше не по силам жить для того лишь, чтобы просто жить. Даже если ты вернешься на Капкан, то не застанешь меня.

...Они медленно подходили к «Чиверу». Все капканские дела были кончены, оставалось лишь проститься — и улетать. Корабль стоял во взлетной позиции, вверху, у обтекателя, часто мигал рубиновый предстартовый маяк. Слышно было, как монотонно произносил уставные рапорты о готовности систем и узлов информатор, как взвывали на краткий миг сирены опробываемой аварийной сигнализации и шипели где-то в чреве двигательного отсека бесчисленные трубки и каналы, продуваемые блоком контроля исправности бортового оборудования.

Они хотели расстаться у трапа, но Рольсена у входного люка не оказалось, и Марку пришлось подняться вместе с Энн в ходовую рубку, чтобы вручить свой дар и сказать несколько прощальных слов командиру. Энн шла впереди, полностью готовая к полету, в полевой форме второго пилота и с заряженным бластером, пристегнутым у пояса, как положено по инструкции. Она не рискнула нарушить даже этот явно не имеющий к ним никакого отношения пункт наставления, поскольку все последнее время Рольсен добивался неукоснительного соблюдения всех, даже самых незначительных уставных требований, и сам следовал им с пунктуальностью кибера, постоянно консультируясь с восстановившейся памятью корабельного мозга. Он ходил по палубам и отсекам «Чивера» в парадном мундире, не забыв добавить к нему командорские звездочки, до отказа

намагнитив знаки отличия, как они делали только в День памяти Невернувшихся, словно в отместку Энн за бриллиантовую булавку, которую она ему так и не вернула. Малый внегалактический охотник — это прежде всего военное судно, все системы которого подчиняются строгой дисциплине. Приказы Рольсена выполнялись абсолютно точно, а его намагниченные регалии, лишний раз напоминавшие всем системам корабля о необходимости соблюдать на борту принцип единоначалия, заставляли автоматику находиться в состоянии постоянной боевой готовности, чтобы свести время исполнения команды до предельного минимума.

Но сейчас никаких указаний от командира корабля не исходило — громкоговорящая сеть дублировала лишь показания приборов, бормотание автоопросчика и ответы проверяемых блоков. Марк вслед за Энн вошел в ходовую рубку и тут только увидел Рольсена, который стоял спиной к ним, что-то разглядывая на штурманском столе. На табло над его головой в этот миг как раз сменилась очередная цифра, и высветившаяся комбинация их врезалась в память Мореву: «10.10.10/3030/VI». Держа пластинку вместе со свисающей с его рук цепочкой прямо перед собой, он, торжественно-шутливо печатая шаг, двинулся к Борису — и вдруг остановился, как вкопанный. Прямо перед Рольсеном поверх карт и кроков лежали два номерных знака — старый, с потускневшей единицей, и новенький, на котором сияли цифры «2923». Марк повернулся к Энн с отчаянием и страхом и увидел, что и она смотрит туда же, бледная, застывшая, полуобезумевшая, а рука ее медленно, как в ночном кошмаре, тянется к поясу.

...Сознание Рольсена растянуло неуловимо краткий миг в целую вечность. Он успел понять все — и то, что никто из них не мог рисковать последним шансом, и то, насколько невероятным был его поступок, и что вожделенное им всевластие на корабле закономерным образом обернулось для него неизбежным приговором, и, главное, что теперь все уже кончено и ничего исправить нельзя, потому что на самом деле повернуть свою жизнь вспять не дано никому и нельзя, как ни пытайся, вновь оказаться у того развилка, где ты вступил на неверную дорогу, которая и привела тебя сюда, в эту точку пространства и времени. Иного решения у Энн не было — это он понимал отчетливо и ясно, глядя на случившееся теперь уже со стороны, как посторонний наблюдатель и поражаясь лишь одному: как нашла она в себе столько мужества, как в ничтожно краткое время сумела осознать все последствия его последнего в жизни поступка, перечеркивающего эту жизнь. И весь ужас, который вскоре обрушится на нее, спасавшую многие людские жизни, но убивавшую в себе душу, добрую и любящую, обрушился на него в этот миг.

Но он успел понять и другое — найти, наконец, ответ на вопрос, который, не отдавая себе отчета в том, пытался решить все последние мучительные дни. Она осталась все той же и так же безоглядно любила в нем прежнего Рольсена, в эти мгновения вновь проснувшегося в нем, чтобы уйти — на этот раз навсегда. Он ощутил вдруг радость — давно им забытое чувство, несравненно более острое, чем сладострастие коллекционера — оттого, что другие люди, пробудившись в жизни, смогут остаться в ней

отпущенные им секунды, дни, а может и годы. Слова, которые он за бесконечное капканское бытие произносил чаще других, явились ему неожиданно в новом обличьи — он увидел их как бы с иной стороны, выписанными ярким лучом в темнеющем вокруг него воздухе: АННА, ТИТ, ЭРЭ, даже собственное его имя БОБ, как она звала его когда-то...

То темное, что всплыло из глубин его души, усиленное проклятым капканским проявителем, хлопьями опало вновь на дно ее, и Рольсен, глядя прямо на синеватую вспышку, разрастающуюся у него на глазах в огненный шар, несущийся, чтобы поглотить его, выбросил перед собой обе руки — вперед, открытыми ладонями к Марку и Энн, словно пытаясь защититься от неотвратимого. «Счастливого космоса!» — хотелось сказать ему этим двум людям, вдруг ставшим для него дороже всего на свете, но вместо привычных слов прощального привета через его угасающий мозг пронеслись совсем другие, и их вычурное, какое-то детское и вместе с тем грозное звучание в последний раз вызвало в нем глухое раздражение.

«Я ИДУ С МЕЧЕМ, СУДИЯ».

Теперь этот постоянный пароль ЭРЭ был пропуском в пустоту. Он почувствовал лишь легкий привкус озона, как в лесу после грозы, — его память хранила запахи сильнее всего другого.

Экспедицию Разрешенных Экспериментов именовали этим громыхающим словосочетанием только в официальных документах, в просторечье, на любой дальней космической трассе ее называли не иначе как «брачной конторой» – случаи, когда пилоты ЭРЭ не женились бы друг на друге, можно было пересчитать на кнопках скафандра. Но вот что любопытно было бы узнать. Как поступил бы старый поэт, сочинивший эту фразу-перевертыш, если б мог провидеть будущее до такой степени, чтобы узнать, что ему суждено, сходя в гроб, благословить не только величайшего поэтического гения, но и неведомых специалистов по ритуалам ЭРЭ и тем самым, быть может, в какой-то мере натолкнуть своих бесконечно отдаленных потомков на идею механизма, разрушающего униполярность жизни? Что же касается идеи самого палиндрома, то, как совершенно справедливо утверждает «Поэтический словарь» А. Квятковского, *«с акустико-фонетической точки зрения палиндром является нелепицей, так как словесные звуки, фонемы необратимы, они униполярны в своем движении»*.

Этим же свойством обладает и человеческая жизнь: повернуть ее назад, увы, невозможно.

Об авторе

Карл Ефимович Левитин (1936 – 2010) – советский и российский журналист, популяризатор науки, писатель-фантаст. Заслуженный работник культуры РСФСР.

Автор многих научно-популярных книг. Публиковался под собственным именем, под псевдонимом Лев Карлитин и в соавторстве с Анатолием Меламедом под общим псевдонимом Лев Католин. Долгие годы работал в редакции журнала «Знание-сила». Фантастические произведения: Лев Карлитин. «Инспектор по кадрам» (рассказ), «Знание-сила», №4, 1984 г.; то же – «Полдень. XXI век», №5, 2008. Лев Карлитин. «С вами ничего не случится» (рассказ), «Знание-сила», №12, 1984. Левитин К. Е. «Жизнь невозможно повернуть назад» (повесть), «Уральский следопыт», №10, 1986. Левитин К. Е. «Променянный рай» (рассказ), «Знание-сила», №9, 1988. Повесть «Палиндром» публикуется впервые.

Вадим Волобуев

В клетке

Сквозь толстое стекло очертания предметов кажутся слегка размытыми. Диван похож на звездолет, стол смахивает на ворота, а кресла почти неотличимы от космических грузовиков. Если на мгновение отвлечься от реальности, то можно представить, будто находишься в огромном ангаре, полном кораблей и замысловатых конструкций. Впечатление это усиливается слабой гравитацией, которая позволяет нам, людям, подпрыгивать здесь на высоту человеческого роста. Местным такое и не снилось...

— Сегодня к Максиму подселят подружку, — говорю я жене, не оборачиваясь.

— О-ох, — стонет она, ворочаясь в постели. — Это он тебе сказал?

— Да. Слышал от хозяев.

— Трепло он. Вечно кичится своей наследственностью...

— Имеет право. Не каждый может похвастаться графской кровью.

— И это тоже он сказал? — усмехаясь, повторяет она.

— Хозяева сами трезвонят об этом на всех углах.

— Нашел тоже авторитетов. Хозяева его — такие же болтуны, как он сам.

Я оборачиваюсь к супруге, смотрю в ее большие круглые глаза. Подхожу ближе, дотрагиваюсь до вздутого живота, скрытого под теплым зеленовато-желтым одеялом.

— У тебя плохое настроение?

— Не задавай глупых вопросов! У меня нормальное настроение.

Я приседаю рядом с кроватью, глажу жену по щеке. Лицо у нее бледное, помятое, мокрые волосы налипли на лоб и виски.

— Бедная. Может, тебе не стоит ходить сегодня на прогулку?

— Именно так я и поступлю, — с сарказмом отвечает она. — Скажу, что плохо себя чувствую, и останусь здесь.

— Не злись, — говорю я, целуя ее в щеку. — Мы что-нибудь придумаем.

— Что? — всхлипывает она. — Что ты вообще можешь придумать?

Назревает скандал, но супругу скручивает спазм боли, и она издает новый стон, вдавливая затылок в подушку.

— Тебе что-нибудь принести? — с испугом спрашиваю я.

— О-ох! Ничего не надо. Уйди.

Я отступаю на несколько шагов, потом все же бегу к умывальнику и возвращаюсь со стаканом воды. Жена, ни слова не говоря, приподнимается на локте и выхватывает у меня воду. Пьет, проливая капли на подбородок

и ночнушку, быстро делает глоток за глотком и, обессиленная, снова падает на кровать.

— Не волнуйся, — говорю я, держа в руке пустой стакан. — Я знаю, как принимать роды. Илюха мне объяснил.

— Много он знает, твой Илюха, — ворчит жена слабым голосом.

— Кое-что знает. Как-никак, двое детей!

Я жду реакции, но жена молчит. Она тяжело дышит и смотрит в потолок.

— Милая, надо одеваться. Скоро на улицу. Тебе помочь?

Жена измученно сбрасывает с себя одеяло. Тяжело опускает голые ноги на теплый пол.

— Помочь? — повторяю я.

— Не надо, — выдавливает она.

Затем, опершись о спинку кровати, поднимается и идет в ванную. Я сочувственно гляжу ей вслед: с таким пузом лучше вообще не двигаться. Но хочешь — не хочешь, а вставать надо. Хозяева ждать не будут.

Я сажусь к столу, жду супругу. Спустя некоторое время она появляется, опускается на другой стул.

— Ну как, полегчало? — спрашиваю я.

Она молчит. С расчесанными на пробор волосами она выглядит куда привлекательнее. Короткие лакированные ногти слегка переливаются, ловя рассеянный свет из окна, выщипанные брови теряются в бледноте лица.

— Хозяева волнуются за тебя, — сообщаю я. — Вчера слышал, как они просили дочь не играть с тобой.

— Послушается она их, как же, — мрачно усмехается супруга.

Я протягиваю руку, хочу погладить ее по волосам, но она отводит голову. Затем поднимается.

— Ладно, пойду собираться.

— Давай, — отвечаю я.

Она вперевалочку ковыляет в гардеробную. Глядя ей вслед, я говорю:

— Если Максу в подруги дворянку пришлют, у них будут очень ценные дети, правда? На выставки, наверное, станут возить, показывать всем...

Жена не отвечает. Я слышу, как она стучит вешалками в шкафу, бормочет что-то под нос. Потом вытаскивает синее платье с оборками и досадливо произносит:

— В одном тряпье хожу. Одеть нечего.

— Ну, зачем ты так! — укоризненно говорю я. — Тебе же недавно подарили хороший костюм...

Она смотрит на меня как на идиота.

— Ты что, смеешься?

Я опускаю глаза. Жена идет с платьем к кровати, начинает переодеваться.

— Тебе помочь? — спрашиваю я, глядя, как она осторожно расстегивает халат.

— Не надо. Лучше собирайся сам.

Я подхожу к шкафу, начинаю рыться там, выбирая одежду поприличнее. Извлекаю из шкафа рубашку и брюки, оборачиваюсь к жене.

— Как думаешь, это подойдет?

Она бросает на меня быстрый взгляд.

— Подойдет. — И, помедлив, раздраженно добавляет: — Зачем нам вся эта архаика? Неужели не могут дать современную одежду?

— Они считают, что в этой нам удобнее.

— А нас они спросили? — тут же вскипает жена. — Может, мне как раз удобнее в цельнопластике!

Я пожимаю плечами. Что тут скажешь? Не мы устанавливаем правила.

На нас ложится тень. Я оборачиваюсь: хозяйская дочка, прижав хоботок к стеклу, наблюдает за нами, водит жвалами — радуется. Я машу ей рукой.

— Прикройся, — со злостью советует жена.

— Зачем? Что она меня, голым не видела?

— Все равно. Должны быть какие-то приличия.

Я вздыхаю, беру одежду и скрываюсь за ширмой.

Спустя пятнадцать минут появляется хозяйка. Она несет большую коробку с поднятой перегородкой. Сквозь входной проем мелькают красные войлочные стены. К хозяйке подскакивает дочка, жужжит, нетерпеливо вопрошая:

— Можно я? Можно я?

— Нельзя, — отвечает мать. — Вот вырастешь, тогда будет можно.

Дочь обидчиво складывает хрупкие крылья. Хозяйка ставит коробку вплотную к нашей клетке, поднимает заслонку. Мы покорно переходим в тесное войлочное помещение. У стен стоят два кресла, на потолке зияет окно. Через него на нас заворожено пялится хозяйская дочь. Фасеточные глаза пускают разноцветные лучики, усеивая стену десятками отблесков.

Загородка опускается, закупоривая нас в коробке.

— Зонт забыли! — спохватывается жена. Она осуждающе смотрит на меня, я лишь беспомощно развожу руками. — Ни в чем на тебя нельзя положиться!

Мы садимся в кресла, тупо глядим друг на друга. Через мгновение коробка взмывает ввысь, пол начинает качаться из стороны в сторону. Я озираюсь вокруг, поднимаю глаза к окну. Серовато-белый потолок вскоре сменяется чередой ярких белых ламп. Коробку ставят на пол. Я слышу голоса, доносящиеся снаружи. Иногда в окне мелькают клешни и панцири хозяев.

Внезапно что-то с силой ударяет в стену, и мы едва не вылетаем из кресел.

— Осторожно, доченька! — слышу я голос хозяйки. — Не шали.

— Я не нарочно, — гундосит та.

Я с тревогой смотрю на жену, потом бросаю сквозь зубы:

— Идиоты...

Супруга держится за живот и кусает губы. Я срываюсь к ней, приседаю на корточки возле ее ног.

— Тебе плохо?

— Нормально...

В глазах у нее мука. Я не выдерживаю. Подняв голову, кричу:

— Эй вы, дебилы! Здесь женщина беременная! Совсем свихнулись?

Жена насмешливо смотрит на меня.

— Думаешь, они тебя услышат?

— Услышат, — бурчу я. — Не глухие.

Супруга ерошит мои волосы.

— Иди в кресло. Сейчас опять взлетим.

Я быстро возвращаюсь на свое место. Наверху раздаются голоса, шорохи, короткий девичий смешок. Затем меня снова вжимает в кресло, за окном начинается мельтешение красок, через несколько секунд появляется желтоватое небо, лицо мое овевает свежий ветер, врывающийся через вентиляционные щели.

Мы на улице. Я смотрю на жену. Она безучастно глядит в потолок, сложив руки на животе. Кажется, сквозняк и на нее подействовал благотворно.

Минут через пять коробка приземляется на землю. Я подхожу к жене, помогаю ей встать. Загородка едет вверх, помещение озаряется ярким солнечным светом. Внутрь врываются пряные запахи и далекие крики детворы.

Поддерживая жену под локоть, я вывожу ее наружу. Над нами, умиленно сжав лапки, возвышается хозяйская дочь. Рядом стоит мать, держа ее за гребень на голове. Под ногами шуршит мелкая крошка и сухая трава. Кругом простирается огромный зеленый луг, за которым виднеются иглообразные дома и ленты транспортных артерий. Над головами висит громадное красное солнце, а справа, едва высовываясь из-за горизонта, дрожит в жаркой дымке большая желтая звезда. На лугу кое-где стоят детские аттракционы, между ними, защищенные силовым полем от случайного вторжения, неспешно прогуливаются аборигены в сопровождении ручных людей и животных.

Трава достает нам до подбородка. Под ногами бегают зверюшки, мы не обращаем на них внимания — привыкли. Поначалу, когда нас только привезли сюда, было страшновато. На этой планете все настолько огромное, что если бы не половинная гравитация, человека убило бы первой упавшей веткой. К счастью, наша сила дает нам преимущество. Мы неспешно продвигаемся в зеленых зарослях, пиная мелкую живность.

— Может, присядешь? — спрашиваю я жену.

— Нет. Давай еще немного пройдемся. А то я все лежу и лежу...

Мы идем дальше. Вдруг в траве мелькает чья-то фигура. Слышится шорох и громкое сопение. Я замираю. Жена крепче сжимает мой локоть. Стебли раздвигаются, и перед нами предстает некое человекоподобное существо в обносках, с нечесаными лохмами. Мы изумленно созерцаем его, а существо в свою очередь разглядывает нас и при этом нахально скалится.

— Ну что, игрушки? — задорно вопрошает оно. — Не надоело еще громил ублажать?

— Кого? — спрашиваю я.

— Громил. Айда со мной.

— Куда?

— В наш поселок. Здесь недалеко.

— В ваш поселок?

— Ну да.

— Разве на этой планете есть поселки?

— Вы что, новенькие?

— Мы здесь всего два месяца.

Существо усмехается.

— А я — всю жизнь.

Мы обалдело пялимся на него, не зная, что сказать. Наконец, жена находится.

— Откуда вы знаете наш язык?

— Мы же с вами — один народ. Не видно, что ли?

Мы недоверчиво разглядываем соплеменника.

— Как вы оказались на этой планете? — спрашиваю я.

— Вот чудаки! Родили меня здесь. Разве непонятно?

— Но кто ваши хозяева?

— У меня нет хозяев, — гордо отвечает он, выпячивая грудь. — Я — свободный человек!

Свободный человек... Это звучит почти так же странно, как «беспризорный ребенок».

— Тогда кто о вас заботится? Кто вас кормит, поит, одевает? — не унимаюсь я.

— Сам, кто же еще?

Я опять умолкаю, не в силах понять, шутит он или нет.

— Нас здесь целая община, — продолжает незнакомец. — Кто не хочет жить в клетке — идет к нам.

— То есть вы живете сами по себе, как дикари? — спрашивает жена с омерзением.

— Уж лучше так, чем на поводке у громил.

Оглушительное стрекотание пронзает мои уши. Незнакомец поднимает голову и, изменившись в лице, стремглав бросается прочь. В то место, где он только что стоял, с глухим хрустом ударяет нога хозяина.

— Р-расплодились, — рычит он. — Скоро в дом полезут. Пора уже взять за грудки санитарную службу. Куда они смотрят? Последняя дезинфекция была три года назад.

— Убей! Убей! — кричит дочка, возбужденно распуская крылья.

— Он больше не появится, милая, — успокаивает ее мама, гладя хоботком.

Дочь с испугом смотрит на траву. Ее лапки дрожат, гребень распался надвое.

— Он ничего не сделает моим человечкам? — спрашивает она.

— Ничего, солнышко. — Мать оборачивается к супругу. — Может, привить их на всякий случай? Мало ли что...

— Они привиты.

— А вдруг он их укусил? Кто знает, какие болезни у этих людей.

— Не волнуйся, ничего им не будет.

— Ты уверен?

— Спроси сама, — раздраженно отвечает хозяин.

Мы идем дальше и добираемся до посыпанной измельченным гравием площадки. Здесь есть скамеечки под человеческий рост, беседки, маленькие фонтанчики и даже горки для детей. Жена утомленно усаживается на скамейку, делает глубокий выдох.

— Устала? — спрашиваю я, заглядывая ей в глаза.

Она молча кивает.

Невдалеке бродят хозяева. Их лапы-колонны рассекают пространство; красное солнце то исчезает за ними, то появляется вновь. Мы стараемся не обращать на них внимания.

К нам подходит Юрий Андреевич — местный старожил. Невзирая на жару, он облачен в старинный фетровый костюм и шляпу — предмет гордости хозяев.

— Ну, здравствуйте, соседушки, — говорит он, кланяясь. — Не разродились еще?

— Как видите, — отвечает супруга с улыбкой.

— Ах, как я вам завидую! Дети, игрушки, люльки — это очаровательно. Когда у меня родился первый ребенок, я был на седьмом небе от счастья.

— А сколько их у вас было? — вежливо интересуюсь я.

Он закатывает глаза к небу.

— Дай бог памяти... Двадцать, должно быть. От трех жен.

Мы, улыбаясь, переглядываемся с супругой.

— Настоящий производитель, — усмехаюсь я.

— За то и ценят, милый мой. За то и ценят.

Я оборачиваюсь в сторону луга, смотрю на резвящихся хозяйских детей. Спрашиваю:

— Не знаете, что за дикари шастают в округе?

— Дикари? — Юрий Андреевич недоуменно поднимает брови.

— Мы встретили странного человека. Он сказал, что живет здесь без хозяев в обществе таких же бродяг.

— А-а, эти, — небрежно протягивает Юрий Андреевич. — Безмозглое отребье. Хозяева травят их, да все без толку.

— Откуда они взялись? Этот человек уверял, что родился здесь.

— Беглецы, — пожимает плечами наш собеседник. — Хозяева уже и сами не рады, что завезли людей. Эти паразиты расплодились сверх всякой меры и портят им урожаи.

— Значит, дикарей здесь много?

— Полно. Вся округа кишит ими.

— Странно. Неужели хозяева не могут справиться с вредителями?

Юрий Андреевич опять пожимает плечами.

— Кажется, дело тут не во вредителях, а в нас. Многие питают какую-то иррациональную неприязнь к хозяевам. Говорят, что они, мол, разрушили цивилизацию... Белиберда, конечно. Но есть дурачки, которые в это верят. Сумасшедшие всегда найдутся, вы же понимаете. Когда их сюда привозят, они пускаются в бега, а потом плодятся с неимоверной скоростью. Раз в несколько лет хозяева проводят очистку местности, да что толку! Людей везут и везут, так что бродяги быстро восполняют свою численность. Экологический баланс трещит по швам, а начальству до этого нет дела. — Юрий Андреевич гневно сопит, полный негодования на безалаберность властей. — Отщепенцы говорят, что Земля таким образом мстит своим поработителям. — Он саркастически усмехается.

— В этом есть доля истины, — соглашаюсь я.

— Да бросьте! Неужто вы верите в эти глупости? Даже смешно. Какие поработители! Я вас умоляю. Если говорить начистоту, это мы властвуем

над ними. Да-да, не смейтесь! Поглядите: человечество достигло всего, о чем мечтало. Мы можем не заботиться о хлебе насущном, за нас все делают хозяева. Это же поистине «золотой век»! Разве могли наши предки вообразить такое? Они трудились, умирали от болезней и истощения, воевали, а потом пришли хозяева и подарили нам рай. Это ли не счастье?

— Но ведь у человека есть и другие потребности,— осторожно возражаю я.

— Какие, например?

— Искусство, наука...

— Наука нужна тем, кто не уверен в завтрашнем дне. Ради чего, по-вашему, люди познавали тайны природы? Чтобы утолить интеллектуальный голод? Как бы не так! Чтобы подчинить себе природу. Вот единственный мотив. Нам же, имеющим все в готовом виде, подобные забавы ни к чему.— Юрий Андреевич снимает шляпу, машет ею перед лицом, вытирает платком пот со лба.— А что касается искусства, необходимость в нем возникает лишь у сытых людей. Голодным некогда думать о возвышенном.

— Но мы же не страдаем от голода. Пришла пора обратиться к высокому.

— Вот и обращайтесь себе на здоровье. Кто вам мешает?

— Да как-то, знаете ли, не приходит в голову думать о возвышенном, сидя в клетке.

— Предрассудки,— решительно заявляет Юрий Андреевич.— Наши жилища, или, как вы их назвали, клетки благоустроены по высшей категории. При этом мы избавлены от многих забот, с которыми ежедневно сталкиваются местные. Нам не нужно убирать, готовить пищу, работать, в конце концов. Чего же больше? Сидите и медитируйте.

Я озадаченно чешу в затылке. Вроде все логично, но имеется в этой логике какой-то изъян. Какой — я и сам не могу сказать. Но чувствую, что мой собеседник лукавит.

Вскоре прогулка заканчивается. Хозяйская дочка сгребает нас в клешню и запихивает в коробку.

— Осторожнее! — стрекочет мать.— Не раздави их.

— Я и так осторожно,— дуется девочка.

Я поднимаюсь с пола, протягиваю руку жене.

— Больно?

— Косорукая дура,— бормочет она, держась за живот.

Мы опять усаживаемся в креслах. Коробка поднимается, начинает раскачиваться. Я смотрю на жену — она выглядит бледнее обычного; сидит, сжав зубы и уставившись в одну точку. У нее опять испортилось настроение.

Ночью она разрешается от бремени. Это событие сопровождается криками, хозяйской суматохой и моими метаниями. А с утра начинается то, о чем с таким придыханием вспоминал Юрий Андреевич. Вопли младенцев, смена белья, кормление, стирка, потом опять вопли, новое кормление, и так по кругу. В кратких перерывах, пока новорожденные спят, мы успеваем наскоро перекусить. Хорошо еще, хозяева заранее купили нам несколько гигиенических комплектов для детей и две маленькие кроватки, иначе пришлось бы совсем туго.

— Как мы их назовем? — спрашивает жена.

Я и не подумал об этом. Кусаю в смущении ноготь, нерешительно произношу:

— Аркадием и Мариной.

— Почему?

— Так звали моих родителей.

Жена удивленно моргает.

— Ты помнишь своих родителей?

— Разве я тебе не говорил?

Супруга пожимает плечами. Ей все равно.

— Хорошо, пусть будут Аркашей и Мариночкой. — Она чуть заметно улыбается, но тут же тускнеет. — Хотя все это бессмысленно. Для хозяев они будут просто самцом и самкой. Может, их даже захотят скрестить...

— Почему бы и нет? У них хорошая порода...

Супруга бросает на меня испепеляющий взгляд и отворачивается.

Время летит для нас со скоростью света. Целыми днями мы хлопочем над детьми, не замечая ничего вокруг. Декада сменяется декадой, младенцы подрастают, а хозяева то и дело приводят гостей полюбоваться на малюток. Жену это нервирует.

Но однажды свершается то, чего мы боялись больше всего. Открывается верхняя крышка, и над нами возникают огромные жадные клешни. Жена срывается с места, бросается к малышам.

— Не дам! — верещит она, пытаясь закрыть их своим телом. — Пошли прочь.

Клешни бесцеремонно отпихивают ее и поддевают обе люльки. Супруга подпрыгивает что есть силы, вцепляется зубами в хозяйскую лапу. Раздается шипение, клешни убираются прочь, стряхивая супругу на пол. Я изумленно наблюдаю за этой сценой, не двигаясь с места.

За стеклом тем временем слышится плач, мечутся гигантские фигуры, хозяин яростно машет крыльями. Потом в нашу клетку просовывается другая клешня, более крупная, и обхватывает жену. Лицо ее багровеет, глаза лезут из орбит. Сверху доносится голос:

— Бери детенышей, пока опять не цапнула.

Юркие лапки хозяйской дочери зачерпывают кроватки с нашими младенцами и уносят их прочь. Клешня разжимается, полузадохнувшаяся жена катится на пол. Потолок возвращается на свое место, и все затихает.

Я подбегаю к супруге, опускаюсь на корточки, кладу ей руку на плечо.

— Как ты?

Она не отвечает. Подтянув ноги к подбородку и закрыв лицо руками, она тихонько вздрагивает.

— Милая, как ты? — повторил я.

Молчание.

— Милая...

— Отстань от меня! — взвизгивает она, резко отмахиваясь.

Ее глаза красны от слез.

— Но послушай... — начинаю я.

— Отстань от меня! — она орет так, что мне закладывает уши.

Я опасливо взираю на нее. Она опять сворачивается калачиком, закрывает лицо ладонями. Я поднимаюсь, иду к умывальнику, наливаю воды в стакан и возвращаюсь к ней.

— Вот, выпей.

Она не двигается, и мне приходится насильно усаживать ее. Вода действительно помогает. Трясущимися губами она пьет и говорит сквозь слезы:

— Подлецы, недоноски. Все-таки отняли. Ради чего теперь жить? Что мне осталось? Полезть в петлю? Будь проклята эта чертова планета! И все ее жители! И будь проклят ты! Почему не вступился за детей?

Рот ее кривится от рыданий, конвульсии сотрясают тело. Я молча беру у нее стакан и прижимаю жену к себе. Она не сопротивляется.

— Надо быть сильными, — говорю я, гладя ее по спине. — Надо вытерпеть и жить дальше. Мы сможем. У нас впереди еще много счастливых лет. Вот увидишь. Мы еще увидим наших детей. Их наверняка отдадут в хорошие руки. Они же здоровые, без дефектов... Таких абы кому не продадут. Я разговаривал с людьми, я знаю. Поверь мне, все будет хорошо...

Она успокаивается, и я отношу ее в кровать. Она вцепляется зубами в пододеяльник, смотрит стеклянными глазами в стену. До самого вечера так ни разу и не поднимается с постели.

Ложась спать, я желаю супруге спокойной ночи и, обняв ее, почти мгновенно засыпаю. Переживания этого дня лишают меня сил.

Утром я обнаруживаю, что супруги рядом нет. Встревоженный, я опускаю ноги на пол и зову ее:

— Дорогая!

Молчание. Я потираю заспанные глаза, зеваю, быстро натягиваю штаны.

— Милая, где ты? В туалете?

Опять тишина. Нехорошее предчувствие охватывает меня. Я шлепаю в коридор, заглядываю в уборную. Никого. Тогда я открываю дверь в ванную, и ноги мои подкашиваются. Супруга лежит на дне заполненной ванны, вцепившись окостенелой рукой в эмалированный край. Я подступаю ближе, прикасаюсь к ледяной ладони, ошеломленно взираю на труп.

Веки мои начинает щипать, горло булькает в нервных спазмах. Я падаю на колени извергаю какие-то жалобы и стоны; прислонившись лбом к холодному краю ванны, заливаюсь слезами и осыпаю поцелуями восковую руку покойницы. Потом, собравшись с духом, поднимаюсь, вытаскиваю тело из воды. Труп норовит выскользнуть из рук, вода плещется на пол. Я отношу жену в комнату, кладу на кровать и долго смотрю на нее.

Смутно помню дальнейшее. Кажется, по истечении какого-то времени я теряю сознание. Не знаю, как долго я пролежал на полу. Может, час, а может, и день. В мозгу отпечатались прикосновения огромных щупалец, тщетно пытавшихся пробудить меня. Затем кто-то переносит меня на кровать, и я, открыв глаза, вижу громадную морду, склонившееся надо мной. Она щурится и озабоченно щелкает челюстями, а со стороны кто-то громогласно стрекочет:

— Что с ним, доктор?

— Ничего особенного. Обычная депрессия.

— Он переживает из-за смерти самки?

— Да. С людьми такое случается. Они — очень восприимчивые существа.

— Как же нам быть?

— Есть одно эффективное средство...

Морда исчезает, сменившись белым потолком, а стрекот продолжает звучать, все удаляясь:

— Так вы полагаете, это поможет?

— Обычно помогает. Конечно, нельзя дать гарантию. Люди, знаете ли, тонкие натуры. Они чувствуют не хуже нас с вами. Да-да, не удивляйтесь!

— Я вообще не люблю людей. Да и прочую живность, если уж на то пошло. Но дочери нравиться с ними возиться. А чего не сделаешь ради ребенка, верно?

— Понимаю вас. У самого двойня...

Наконец, разговор затихает, и я опять впадаю в забытье. Мне снится, будто жена набрасывается на меня с упреками, а я огрызаюсь в ответ и в запале спора начинаю оскорблять ее.

Просыпаюсь я от ощущения, будто кто-то смотрит на меня. Открыв глаза, замечаю в дальнем конце клетки человеческую фигуру. Я вылезаю из кровати, делаю два шага. Передо мной на стуле сидит женщина. Она смотрит на меня застенчиво и с опаской.

— Привет, — говорит она.

— Привет, — отзываюсь я.

— Меня принесли четыре часа назад. Ты спал, и я решила тебя не будить.

В голове что-то звенит, зубы сжимаются в приступе ненависти. Мерзавцы! Хотят так дешево провести меня. Ну уж дудки!

Я подхожу к ней, глажу ее длинные светлые волосы. Она улыбается и кладет руку на тыльную сторону моей ладони. Поднявшись со стула, обнимает меня за шею, прижимается всем телом. Я целую ее — горячо и страстно, как целовал жену в первые недели совместной жизни. Печаль моя отступает, тело наполняется блаженством.

Что ни говорите, а хозяева у меня замечательные. Всем бы таких!

Об авторе

Родился в 1979 году в городе Александров Владимирской области. В 2000 г. закончил факультет истории, политологии и права Московского педагогического университета (ныне – Московский государственный областной университет). В 2004 г. в Институте славяноведения РАН защитил кандидатскую диссертацию по теме «Становление политической оппозиции в Польше. 1956–1976». Работает старшим научным сотрудником Института славяноведения, занимается историей Польши. Писать начал в 2003 г., в 2010 г. в журнале «Искатель» напечатан роман «Сказ о Гильгамеше». В 2014 г. вышли рассказ «Буря» в «Самой страшной книге-2014» (Астрель-Спб) и роман «Кащеево царство» (М., ФСЭИП). Имеется ряд публикаций в сетевых изданиях («Пролог», «Даркер» и др.).

Анна Михалевская, Елена Постернак

Время Жэ

Недоумение намертво прилипло к лицу начальницы.

Эл забеспокоилась — Графеновая леди Зет, директор Научного центра под патронатом правительства, редко теряла самообладание. И только в том случае, если это нужно было для дела. Получить грант на новые разработки, например. Или выбить для Центра приглашения на межпланетный саммит.

Зет сделала неимоверное усилие, разлепив губы, в глазах плясали шальные искорки. Выглядела она так, будто еще не решила, сходить ли ей с ума сейчас, или подождать до обеда.

— Поступил заказ, от которого мы не можем отказаться. Им,— Зет многозначительно указала пальцем вверх,— нужен мужчина. Жизнеспособный и полноценный. Мы должны восстановить мужской геном и к концу года предоставить готовый экземпляр.

У начальницы вырвался неуместный смешок, и она откинулась на спинку кресла.

Эл брезгливо вздрогнула, поправила очки. Восстановить мужской геном?! Она слабо улыбнулась, но наткнувшись на тяжелый взгляд Зет, вжалась в кресло.

Если это действительно заказ правительственной службы, то они хотят невозможного. Мужчины, как ущербная ветвь эволюции, выродились три века назад. С тех пор женщины стали хозяйками этого мира — разгребли генетический мусор, оставленный в наследство мужчинами, научились сами зачинать детей, выстроили правильный разумный социум, наладили связи с внеземными цивилизациями... И они должны снова впустить сюда вирус по имени «мужчина»?

Эл вздохнула — проект ляжет на ее плечи. Ей только двадцать два, но начальница прекрасно знает, как Эл относится к работе. Хотя лучше торчать в лаборатории допоздна, чем выслушивать от матери, что, мол, пора планировать личность ребенка и подавать заявку в Дом зачатия, а не грызть гранит науки там, где все края уже обглоданы.

Эл сняла очки, потерла переносицу. Она до сих пор не простила матери своей близорукости. В современном мире, где можно проектировать внешность и личностные характеристики детей до рождения, мама решила, что у дочери должен быть недостаток! Так, считала она, Эл будет выделяться на фоне идеальной внешности своих сверстниц. Что ж, она действительно

выделяется, хоть и не лучшими качествами. Корректировать запланированный дефект оказалось невозможно, линзы Эл не любила, вот и приходилось щеголять в очках...

— ...приступишь немедленно, — Зет собралась, ее голос переливался стальными нотками. — Это очень серьезно. Обсуждается вопрос вступления Земли в Межгалактический союз. Нас обвиняют в истреблении мужской особи и отказывают в сотрудничестве, ссылаясь на негуманные и варварские подходы. Земля обязана развеять эту клевету, а значит, наш Центр должен воссоздать мужчину, чего бы это ни стоило!

Зет поднялась, показывая, что разговор окончен. Эл задержала взгляд на начальнице — красивое волевое лицо, уверенные движения, комбинезон облегает безупречную фигуру. К счастью для Зет, ее мама была лишена желания сделать своего ребенка особенным.

Эл молча кивнула, неуклюже выбралась из глубокого кресла и вышла из кабинета.

* * *

Экран дрожал в воздухе, перед глазами мелькала надпись: «Информация устарела и удалена из хранилища».

Эл нахмурилась. Выходит, они знают про мужчин не так много. В хранилище данных остались скудные сведения об эпидемии генетической болезни, выкосившей мужчин за два поколения. Навеянные болезнью апатия, отвращение к физической нагрузке, тяга к отравляющим организм стимуляторам и зависимость от виртуальной реальности вырвали мужчин сперва из социальной жизни, а потом — из биологической. Данные прошлых эпох были тщательно прорежены — из истории от мужских особей остались только имена и род занятий. Колумб, Ньютон, Леонардо да Винчи, Гагарин... Женщины опасались воссоздать в дочерях ущербный ген и попытались избавиться даже от воспоминаний.

Но сейчас эта осторожность здорово мешала. Предположим, в инкубаторе они смогут вырастить тело, а модификатор просчитает личностные параметры, но нужны исходные данные! А в хранилище не оставили даже анатомического атласа мужского тела! Будь она трижды главным конструктором Центра — задача невыполнима.

Эл порылась в кармане, выудила тонкую пластинку стимулятора, положила под язык. Вещество моментально впиталось в слизистую, и отметка на шкале настроения бодро поползла вверх. Теперь можно работать дальше.

Она нажала кнопку на служебном браслете связи, переключаясь на отдел исторических исследований. Экран мигнул, над столом повисло вечно удивленное лицо старшего археолога Ви, и так приподнятые брови еще больше подпрыгнули под челкой.

— Что-то случилось, Эл?

— Меня интересуют находки, датированные временем до женской эры — когда мужская особь еще была полноценной. Странные, нерасшифрованные, противоречивые — любые.

Ви хлопнула ресницами, выражать удивление бровями уже не получалось — они исчерпали лимит прыжков вверх.

— Му-мужская о-ос... — она качнула головой, будто отказываясь произносить нелепое словосочетание. — Хотя, погоди... Только вчера пришел отчет... Вот, нашла! Артефакт 3564! На месте древней столицы обнаружили городскую библиотеку — первый век женской эры. Вскрыли вакуумное хранилище. Обычные книги, все давно оцифрованы, кроме одной. Язык попытались адаптировать, но лингвисты не смогли расшифровать смысл книги. Предположительно, это примитивный ритуал сближения женской и мужской особи для создания потомства. И, кстати, по инструкции артефакт как малоинформативный должен быть уничтожен в течение...

Эл не дослушала, прервала разговор, торопливо принялась набирать код лаборатории аннигиляции.

* * *

— Элли, хватит просиживать штаны за неблагодарной работой!

— И это говоришь ты, бывший сотрудник Центра?

Лицо мамы лучилось с экрана жизнерадостностью, на шее красовался нелепый пестрый шарф. Это в современном-то мире, когда все давно перешли на стандартные комбинезоны!

— Потому и говорю, что знаю. В Космосе полно прекрасных мест — взять хотя бы мой плавучий остров...

— Можешь не намекать, в гости не прилечу. Занята, — отрубила Эл.

Мама подалась вперед — казалось, она вот-вот вывалится с экрана. Эл попыталась спрятать бумажную книгу за спину, но безуспешно. Она застонала, только этого не хватало! Мама была страстным коллекционером старинных вещей, и если она заприметила артефакт, то не даст Эл прохода.

— О чем пишут? — глаза мамы заблестели.

Как это ей удается? Эл никогда не видела, чтобы мама принимала стимуляторы. Она — единственная из всех знакомых Эл умела обходиться без них.

Эл начинала потихоньку закипать. Если маме скучно и хочется съездить на Плеядианский курорт, неужели нельзя это сделать с подругой вместо того, чтобы доставать ее глупыми разговорами в рабочее время?

— О мужчинах, — выпалила Эл, приготовившись к шквалу встречных вопросов.

Но мама вдруг замолчала. Лицо вытянулось, стало непривычно серьезным. Она скомкано попрощалась — экран связи погас.

Эл моргнула, брови поползли к потолку. Еще немного, и она превратится в Ви! Мама отключилась сама, не напомнив ей про Дом зачатия? Невероятно! Наверное, где-то неподалеку взорвалась сверхновая, и сознание мамы зацепило волной...

Эл вернулась к чтению. Она добросовестно пыталась понять книгу, но пока преуспела не больше лингвистов. Взять хотя бы название — «Взбесившаяся плоть». Поначалу Эл думала, что речь идет о болезни, возможно — той, что привела к вырождению мужчин. Но догадку пришлось отбросить. Первые десять страниц книги, к сожалению, ничем не напоми-

нали медицинский справочник — скорее походили на фольклорную историю-роман. Версия Ви о ритуале сближения для создания потомства также потерпела фиаско. История описывала хаотичные встречи мужчины и женщины в совершенно не подходящих для зачатия местах — офисах, лифтах, подворотнях, туалетах. Более того, эти двое не думали о детях, и, судя по всему, страдали от нервного расстройства. Вот, например:

*...Брюнет коснулся меня, и в животе запорхали бабочки.**

Ощущение, что внутри тела ползают насекомые или пресмыкающиеся — явный симптом расстройства восприятия.

И дальше совсем непонятное:

Между нашими телами пробежало нечто вроде электрического разряда.

Взгляд незнакомца изменился, будто с его глаз соскользнул щиток, открыв сражающую наповал силу воли... Излучаемый им магнетизм усилился до такой степени, что уже, казалось, воспринимался на физическом уровне, как некое вибрирующее силовое поле.

Электричество... Щиток... Силовое поле... Может, речь идет о неисправных киборгах? Нет, даже сломанный киборг вел бы себя логичнее.

Сердце мое забилось быстрее, губы непроизвольно приоткрылись. И пахло от него чем-то приятным и одновременно греховным. Не одеколоном. Может быть, мылом. Или шампунем. Чем-то потрясающе притягательным.

Учащенный пульс наверняка от интоксикация организма. Запах «греховный»... Эл порылась в словаре — то есть ошибочный, неправильный, плохой. Выходит, запах плохого шампуня, но не одеколона, почему-то казался женщине притягательным, но вызывал интоксикацию?

Все внешнее перестало существовать, и мое тело жадно потянулось к незнакомцу... Ну как меня могло так тянуть к мужчине, слова которого вызвали гнев и досаду?

Наконец-то правильный вопрос! Первый проблеск разума за всю историю. Вероятно, у женщины наступил редкий период ремиссии.

Эл отложила книгу — больше половины прочитано, а она и на одно нейтрино не приблизилась к пониманию мужского психотипа, разве что узнала некоторые физиологические подробности. Поморщилась, вспоминая сцены спаривания. Как негигиенично!

Она поднялась, прошлась по кабинету. Взгляд привычно скользил по ровным серебристым поверхностям — уютное кресло-хамелеон, корректирующее позвоночник, за стеклом в лаборатории жужжат аппараты, из окна вид на море, семьюдесятью этажами ниже кипит жизнью мегаполис. Все предсказуемо, привычно, спокойно... Было совсем недавно.

* Здесь и далее использованы цитаты из книги Сильвии Дэй «Обнаженная для тебя».

Эл закусила губу — первый раз в жизни она не знала, как справиться с заданием.

* * *

Она просидела допоздна в лаборатории, ломая голову над дилеммой сотворения мужчины. Прогнала несколько вариантов мужской матрицы, слепленной по информации из артефакта 3564, получила нежизнеспособных монстров и бросила пустые попытки.

Возвращаясь домой, Эл умудрилась поцарапать мобиль — не вписалась в ворота собственного гаража.

Она попыталась вычеркнуть все неприятности дня, забывшись во сне, но ее настиг кошмар. Эл снилось, что за ней гнался неуклюжий робот, он бился током и источал сильный запах. Эл в ужасе убегала от робота и одновременно силилась вспомнить, как называется этот запах. Слово вертелось на языке, но ускользало от внимания.

Разбудил ее писк браслета — экран с бодрым лицом Зет завис посреди спальни.

— Греховный... — пробормотала Эл вместо приветствия.

Зет сделала вид, что ничего не услышала, и поинтересовалась успехом проекта. Эл заверила, что все под контролем и есть наработки. Вряд ли начальница поверила, но обе прекрасно понимали — лучшего конструктора Зет все равно не найдет.

Эл приняла душ — водный, а не обычный ионный, наверное, единственная устаревшая привычка, которую она переняла от мамы с радостью; заказала в комбайне завтрак, оставив выбор на совесть машины, на ходу сжевала его, даже не разобрав, что именно отправила в рот; натянула комбинезон...

Она приложила браслет к сканеру на массивной герметичной двери. Поправила съехавшие на переносицу очки. Момент был ответственный — если ее не пустят в закрытый сектор, то Зет может попрощаться с Центром. Кажется, Эл нашла решение дилеммы, но она очень сомневалась, что оно понравится Зет.

Дверь бесшумно открылась, в проеме появилась вытянутая в струнку Тета, заведующая сектором.

— Специальное распоряжение Зет. Нужен доступ к временной магистрали, — она напряженно сглотнула, выдержала взгляд буравчиков глаз.

Пришлось соврать. Если ей повезет — Тета не станет докладывать Зет сразу. У Эл не было полномочий для активизации магистрали, не говоря уже о путешествиях в прошлое до женской эры. Эту ветку блокировали на уровне правительства. Но оставался небольшой шанс, что Центр оставил лазейку в мужское прошлое на случай экспериментов. Шифр придется взламывать, и Эл к этому подготовилась.

Тета хмыкнула, и наконец отошла в сторону, пропуская внутрь.

Эл старалась не думать, что будет, если их временную магистраль вдруг проверит не только Зет, но и правительство, или службы Межгалактического союза... Она должна вернуться с результатом. Победителей не судят.

Эл стояла в отсеке точки доступа магистрали. Тета с другой стороны прозрачной стенки отсека вводила с панели ключ-код, чтобы отправить ее в сказанное наобум время женской эры. А Эл с волнением прислушивалась, как жужжит в кармане комбинезона тюнер, который она собрала за ночь — ищет свободные потоки, возится с шифром. Тюнер должен сработать раньше, чем Тета введет ключ.

Тета оторвала взгляд от панели управления, уверенно кивнула. Эл отрицательно покачала головой. Она не готова! Удивление на лице Теты начало переходить в беспокойство — еще секунда и та поднимет тревогу. Наконец тюнер в кармане щелкнул, Эл дала отмашку, подождала, пока Тета включит поток, и запустила тюнер.

Сильное давление сжало в комок, Эл скривилась, думая лишь о том, чьи координаты сработали первыми — ее или Теты.

* * *

Было темно и неуютно, в бок давило что-то острое. Эл попыталась встать — из-под локтя уехала опора, раздался грохот, и на нее посыпалась рухлядь.

Теперь она была уверена, что попала по назначению. Вряд ли во времена женской эры Эл бы где-то нашла такой хаос.

Она включила служебный браслет в режим подсветки. Луч выхватил ржавые полки, мотки пыльных шнуров, пустые коробки, в углу скучала разбитая тележка. На стене слабо мерцал индикатор точки доступа временной магистрали.

Эл фыркнула — не могли сделать выход потока в более цивилизованном месте!

Она направила луч на противоположную стену и обнаружила дверь, толкнула ее со всей силы, в полной уверенности, что та заперта, и вывалилась в ярко освещенный холл. Неловко встала с колен, проверила карманы — тюнер и анализатор на месте — и лишь тогда подняла голову.

На нее в упор смотрел мужчина. Первый в ее жизни! У Эл закружилась голова, она задержала дыхание. А вдруг он болен или опасен? Теперь она бы с удовольствием снова зарылась в хлам подсобки, но внутренний голос с интонациями Зет холодно заметил, что так она задание не выполнит. Эл судорожно выдохнула и осталась на месте. Чего только не сделаешь ради любимой работы!

— Вы новый лаборант? — мужчина поправил очки.

Эл неопределенно пожала плечами.

— Сергей, завлабораторией.

Он протянул руку, Эл удивленно на нее уставилась. Сергей сконфузился, убрал руку за спину. Он говорил с акцентом, но Эл понимала речь — восточно-славянский диалект использовался до сих пор.

— Мы не встречались раньше? Кажется, я вас знаю... — Сергей улыбнулся.

Эл на секунду замешкалась. Она никогда не видела улыбающихся мужчин, и сейчас это произвело на нее странное впечатление: сбило с толку, и, похоже, понравилось.

— Нет. Это невозможно.

Она может поддержать разговор и тайком включить анализатор личности, пусть сканирует геном. Эл пристально посмотрела на нового знакомого. Высокий — да. Брюнет — нет. Костюм не носит. На Сергее болталась исключительно неудобная одежда — штаны из грубой ткани перетянуты поясом, мятая рубашка на пуговицах. Волосы с легкой проседью. Глаза голубые? Нет, карие — блестят и с интересом ее разглядывают. Неважно. Она изучила книгу, там был совсем другой типаж. Хоть фольклорная история казалась странной, но других ориентиров Эл не нашла. Сканирование отменяется.

— Всего хорошего, — она проскользнула мимо Сергея в холл.

С разбегу наткнулась на двух девушек в обтягивающих древних платьях, едва прикрывающих ноги и грудь. Глаза и губы девушек были разрисованы и выглядели нелепо. Эл не удержалась от смешка. Но при всем этом девушки вели себя заносчиво — будто их воспитывала ее мама в убеждении, что недостатки делают женщин особенными.

«Институт стратегических исследований ключевых проблем» — прочитала Эл на карточке, прикрепленной к платью одной из девушек.

Ключевых проблем чего? Впрочем, судя по тому, что мужчины скоро вымрут как вид, проблем в обществе было невпроворот.

— Эй, погодите!

Эл оглянулась — Сергей. Этого еще не хватало! Она поспешила к выходу, миновала стойку администратора. Электронный календарь над стойкой показывал дату: 21 июля 2017 года.

Тюнер выхватил канал, который когда-то использовался Центром. Она достала приборчик — скачок произошел в их временном пространстве двадцать три года назад. Интересно, с какой целью?

* * *

Стеклянная вертушка выпустила Эл наружу.

Она зажмурилась — привыкла к монолитным серебристым зданиям, а здесь все было выпуклым, раздражающе ярким — окна с цветами, балконы, какие-то надписи. Сейчас мамин шарфик казался верхом сдержанности.

Она разнервничалась, потянулась за пластинкой стимулятора, но пальцы нащупали только приборы. Эл глубоко вдохнула, стараясь успокоиться — ничего с ней не случится за несколько часов, бывало и по пару дней торчала в лаборатории без стимуляторов. Она отыщет нужный типаж, сделает скан генома и сразу вернется домой.

Нужный типаж... Легко сказать. Вокруг десятки типажей — не заводить же разговор с каждым!

Она огляделась. Магазин одежды «Смерть мужьям», прочитала на вывеске Эл. Интересно, имеет ли это отношение к последующей катастрофе? Она перевела взгляд. Кафе «Рыжая корова»... Кафе! Эл вспомнила, что в книге мужчина и женщина сближались именно там.

Она заняла свободный столик у окна. Стул был жестким и совершенно

не желал подстраиваться под тело. Что ж, чем быстрее она вычислит геном, тем скорее вернется домой — в порядок и комфорт.

Эл насчитала в зале семнадцать мужчин — ей предстоит много работы.

Она вытерла пот со лба — термонастройка в комбинезоне сломалась, как и кондиционер в кафе, и, непривычная к крайности температур, Эл разомлела от жары. Она перевела ленивый взгляд на следующего кандидата и сразу проснулась.

Парень был копией идеального мужчины из фольклорной истории. Брюнет, голубые глаза, одет в костюм. Что там еще... Звериная грация, лицо, достойное резца скульптора, железные бицепсы. Эл не могла почувствовать, как от него пахнет, но была уверена, что запах будет... как же его... греховным. Вот! Две девушки, делившие с носителем идеального генома столик, глупо хихикали и краснели. Это вполне могло быть результатом «электрических разрядов», «магнетического притяжения» и «бабочек в животе».

Все сходится, надо действовать! Эл привстала, дождалась, когда парень повернет голову в ее направлении, махнула рукой.

— Эй! — крикнула она через зал.

Парень самодовольно улыбнулся, подмигнул ей, но остался сидеть на месте. Девушки за его столиком встрепенулись, посерьезнели и недобро уставились на Эл.

Приближаться к их троице Эл расхотелось, а иначе анализатор не запустит скан. Она лихорадочно перебирала в памяти содержание романа. Есть! Эл наконец-то вспомнила фразу.

— От твоего взгляда у меня по телу пробегает ток и встают дыбом волоски на шее! — громко выкрикнула Эл.

Посетители кафе прекратили есть и уставились на нее. Соседки парня прыснули со смеху. А парень с достоинством павлина поднялся и медленно направился к Эл. Его подружки резко оборвали смех и беспокойно заерзали на стульях.

— Мы знакомы, малыш? Если что, я Влад, — парень сел напротив.

Эл мотнула головой и незаметно нажала кнопку анализатора сквозь ткань кармана.

— Запала на меня с первого взгляда? — подмигнул Влад, — прямо как в романах!

Запала? В смысле упала? Но она же на него не падала! Какая разница, ей надо выиграть время.

— Да, точно! — согласилась Эл, — как в романах!

Она прислушалась к своему телу — к счастью, бабочки в животе вели себя тихо и пока не беспокоили. Хорошо. Может, мужчины не так опасны, как кажется. Тем временем Влад не отрываясь смотрел на нее. Эл это вполне устраивало, лишь бы он оставался в пределах досягаемости анализатора.

А вдруг ему станет скучно? Надо бы поддержать разговор.

— Я так хочу тебя, — медленно произнесла Эл заученные слова, посмотрела в потолок, выуживая из памяти очередную фразу, — мои соски затвердели...

— И я тоже думаю, зачем время терять? Сегодня в семь романтический ужин у меня дома, там и сольемся в страстном сексе! Пиши телефон!

Парень оскалился хищной улыбкой, положил руку ей на колено. Эл отпрянула, вскочила. Как омерзительно! А вдруг он действительно заразен?

— Недотрога! Такая редкость! Ты просто отпад, малыш!

Снова кто-то куда-то падает. Странный сленг. Эл отдышалась, села на место. Надо потерпеть еще хотя бы пять минут, пока анализатор не закончит скан.

— Пиши телефончик!

— Зачем? — искренне удивилась Эл, — я запомню.

— Разводишь? — Влад хмыкнул, — а сейчас проверим, — и он надиктовал десять цифр.

Эл повторила цифры сначала в прямом порядке, затем, чтобы развеять сомнения — в обратном.

— Типа, умная? — Влад вдруг погрустнел, — а работаешь кем?

— Главный конструктор научного центра.

Влад совсем сник.

— Знаешь, малыш, сегодня не получится. Звони завтра. А лучше забудь телефон.

Эл забеспокоилась — анализатор еще работает, а Влад уже поднялся из-за стола, сейчас он уйдет и скан собьется. Эх, зря она начала говорить правду, надо было напрячься и вспомнить еще что-то из книги.

Влад сухо попрощался и вернулся к своим подругам.

Анализатор затих, отключившись. Оставалось надеяться, что скан успел завершиться.

Эл поспешно встала, выскочила из кафе.

* * *

Доставать анализатор на улице она не решилась, пришлось идти в пыльный парк через дорогу от кафе. Эл немного побродила по аллеям в поисках зоны отдыха с удобными креслами и чистой травой, но, увы, нашла только жесткие скамейки с выломанными перекладинами. Пришлось довольствоваться этим.

Она с волнением нащупала кружок анализатора. Рука задрожала, и Эл с тоской подумала о стимуляторе. К счастью, мысль перебила радостная новость. Сканирование личности выполнено на сто процентов! Эл запустила расшифровку — анализатор издал глухой звук и принялся за работу. Она гипнотизировала мини-табло взглядом, уже мерещилось, что она видит как эмоциональная, интеллектуальная, физическая, творческая составляющие складываются в единый геном. Геном идеального мужчины.

Табло дрогнуло, выдало результат: данные противоречивы, полная расшифровка невозможна. Эл чуть было не выпустила анализатор из рук, но собралась, запросила предварительные результаты. Данные были многовариантны: все составляющие колебались от нуля до ста процентов, будто анализатор одновременно считывал характеристики двух диаметрально

разных людей. Сломался прибор? Нет — в таком случае он бы не включился. Скорее всего, дело было в личности Влада.

Что ж, придется забыть о романе и поискать другой типаж.

Эл устало вздохнула, оглядела ближайшие скамейки. Парк заполонили мамаши с детьми, перед ней чинно прошлась пожилая пара, мужчина и женщина держались за руки. Интересно, каково это всю жизнь провести с мужчиной рядом, задумалась Эл. Наверное, очень сложно. А может, наоборот? Что она, в сущности, знает о мужчинах?

Напротив нее — через клумбу с засохшими от жары цветами — сидел серьезный молодой парень, пальцы бегали по экрану небольшого прямоугольного устройства. Парень был худым и нескладным, густые волосы мышиного цвета забраны сзади в хвост. Полная противоположность Владу. Как раз то, что надо.

— Меня зовут Эл.

Она присела рядом, незаметным движением включила анализатор. Парень вздрогнул, нехотя обернулся, окинул Эл внимательным взглядом, по-женски длинные ресницы дрогнули.

— Здорово, подруга. Я Техновикинг.

Странное имя. Из древнейшей истории Эл помнила, что викинги отличались воинственным нравом. Парень не был похож на воина, ну да ладно, она тоже была не похожа на букву «Л».

— Что делаешь?

— Набиваю фраги в танках онлайн, — не отрываясь от экрана, ответил Техновикинг, — я за наших, только прокачался до первого сержанта.

Фраги? А она думала, что неплохо знает восточно-славянский диалект. И какие танки?

— А что, война началась? — обеспокоенно спросила Эл.

— Да ты чё, с сервера упала? Не знаешь про Ворлд оф Тэнкс?

Техновикинг так удивился, что чуть не выпустил устройство из рук. Раздалась заунывная музыка.

— Ёж твою медь! Продул сражение!

Парень зло глянул на Эл и снова уткнулся в экран. Эл расслабилась, откинулась на спинку скамейки. Она оставила попытки понять Техновикинга. Она просто дождется, когда скан закончится, и уйдет. Наверняка парень этого и не заметит...

Организм без стимуляторов бунтовал — Эл тошнило, кружилась голова, поднялась температура. Пронзительно захотелось вернуться домой и главное — чтобы ни одного мужчины рядом.

Это была безнадежная затея — анализатор не расшифровал ни одной личности, что совсем не удивило Эл. Удивляло другое — как такие нелогичные существа протянули еще сто лет.

После Техновикинга она познакомилась со Стасом — парнем, одетым во все обтягивающее и разноцветное, и очень похожим на девушку. У Стаса был томный голос и плавные движения. Он взахлеб ей рассказывал про Виктюка, Сартра и куртуазных маньеристов, но быстро охладел и замкнулся в себе, когда выяснилось, что сиё великое творчество прошло мимо Эл.

Потом был Артем — полный мужчина с хитрыми глазками и непропорционально толстыми губами. Он хвастался работой, одеждой, женой и детьми, то и дело подчеркивая, сколько стоят его часы, шуба жены и айфон сына. Артем угостил Эл мороженым, но у него не оказалось наличных и он предложил Эл заплатить за две порции самой. Она честно призналась, что у нее тоже нет денег, и мороженое пришлось вернуть продавщице. Они распрощались по-деловому быстро.

Единственный мужчина, который подошел к ней сам, вручил глянцевый листик и пригласил на групповую медитацию. Он был жилист, лыс и носил посвященное имя Несорвал. Кому именно он посвятил имя, Несорвал скромно умолчал. На вопрос, зачем нужна медитация, Несорвал недоуменно ответил: «Чтобы достичь состояния ничегонеделания». Эл устало констатировала мысль, что странно стремиться к ничегонеделанию человеку, который и так ничего не делает...

Эл вернулась в Институт, беспрепятственно прошла мимо стойки, за которой зевал скучающий администратор, побрела к подсобке.

Она провалила задание всей жизни. Мужчину воссоздать невозможно. Если и есть способ взломать код мужского генома, то он ей не по зубам.

Эл забралась на подоконник с ногами, облокотилась на откос, закрыла глаза. Если она сию минуту не доберется до стимулятора, то сойдет с ума — ей никогда не было так плохо. Спасительная магистраль совсем рядом, в любой миг она может вернуться в свое время. Стало все равно, как ее там встретят. Пусть отдадут под суд, пусть...

Эл вдруг осенило — а ведь ответ лежал на поверхности! Анализатор сбоил по той же причине, что и ее логика — поведение мужчин было противоречиво. Идеальный Влад оказался на проверку лишь красивой картинкой. Тщедушный Техновикинг мнил себя великим воином. Состоятельный Артем пожалел денег на угощение. Тонкий ценитель искусства Стас не ценил людей, которых отражало искусство.

Истинные качества личности шли вразрез с внешней демонстрацией и, похоже, представлениям мужчин о самих себе. Самообман был таким сильным, что анализатор принимал иллюзорный образ за вторую личность, накладывал параметры на физические данные, уровень интеллекта, диапазон эмоций, потенциал к развитию, получал нереалистичные результаты и прекращал расшифровку.

Техника не выдержала сопротивления личности. Но нечего валить все на технику. А она, старший конструктор, чем думала? Да, мужчины вели себя крайне эгоистично, но и она недалеко ушла от них. Разве Эл старалась по-настоящему узнать мужчин? Нет! Они были сырьем для ее опытов. Она думала только о результате.

Эл уронила голову на руки.

— Могу я чем-то помочь?

Да, хотела сказать Эл, можете — надо всего лишь сгонять в будущее и убедить Межгалактический союз, что женщины не варвары. Эл усмехнулась, просто из двух видов эгоистов одному повезло меньше.

— Это невозможно.

— Эту фразу я от вас уже слышал утром. Вы ошибаетесь. Невозможно

слепить мужчину из глины. А все остальное двоим людям по силам, — Сергей подмигнул, глаза за стеклами очков насмешливо блеснули.

Она невольно улыбнулась.

— Сергей, почему вы беспокоитесь обо мне? Я вам чужой человек.

— Как сказать, — Сергей хмыкнул, уселся рядом на подоконник, — сегодня ночью мне приснилась похожая на вас девушка. А утром по дороге на работу я захотел купить вот это, — Сергей достал из кармана браслет из плоских камешков бирюзы, — и пока расплачивался, ловил себя на мысли, что это со мной уже случалось.

— Дежавю? Такое бывает, время нелинейно.

— Нелинейно? Да оно замкнуто в круг! Как пришел в Институт, ноги сами понесли к подсобке... Держите, теперь это ваше, — Сергей взял ее руку, бережно надел браслет.

В этот миг и у Эл появилось ощущение дежавю. Браслет был ей знаком. Но откуда? Сопоставлять и делать выводы не хотелось. Впервые за день Эл расслабилась, почувствовала себя уютно — и неожиданно поняла, что больше не думает о стимуляторах.

Эл сама не заметила, как разговорилась — о работе, об отношениях с мамой, упустила лишь тот факт, что она из будущего. Сергей делился своими переживаниями — оказалось, что за четыреста лет проблемы ничуть не поменялись: все те же упрямые начальники, невыполнимые задания, все то же одиночество. Сергей мечтал о семье и детях, и Эл с радостью бы дала себя удочерить — так спокойно было с ним рядом, как никогда не бывало с мамой.

Сотрудники Института разошлись по домам — рабочий день давно закончился, в коридорах одна за другой щелкали лампы — охрана выключала свет.

Эл спохватилась, замолчала на середине фразы. Она не может здесь остаться навечно. Надо возвращаться.

— Сергей, можешь угостить меня чаем? Во рту совсем пересохло.

— Конечно! Я сейчас, только закрою кабинет.

Эл кивнула, дождалась пока Сергей исчезнет из виду и шмыгнула в подсобку. Точка доступа временной магистрали горела зеленым — дорога открыта.

Эл выбрала на виртуальной панели время и нажала кнопку.

* * *

Неловко оправдываясь, она покинула закрытый сектор. Пусть Тета думает, что хочет. Эл не нарушала правил — она вернулась за секунду до своего отбытия и по факту магистралью не воспользовалась.

Однако гордиться было нечем: столько сил потрачено, а проект топчется на месте. Она до сих пор не поняла, как воссоздать мужской геном. И вряд ли поймет.

Эл опустилась в кресло, положила в рот пластинку стимулятора. Закрыла глаза, ожидая прилива сил, но почувствовала лишь, как расслабляются мышцы. Радости и воодушевления не было — только пустота. Захотелось

снова оказаться рядом с Сергеем. Эл с благодарностью посмотрела на бирюзовый браслет.

Они болтали долго — час, или даже больше. За это время анализатор мог бы считать характеристики личности три-четыре раза — она была уверена, расшифровка бы прошла успешно. Но Эл не решилась его включить. Это казалось предательством. Это было неправильно.

Эл нажала кнопку вызова.

— Как дела, мам?

Она избегала смотреть матери в лицо, чувствуя неловкость.

— Элли, девочка моя, с тобой все в порядке?

Мама выглядела обеспокоенной — оно и понятно, Эл очень редко начинала беседу первой, да еще посреди рабочего дня. На шее мамы красовался очередной яркий шарф, и этот стиль вдруг показался Эл очень знакомым.

— Да, все хорошо, — соврала Эл. — Мам, а что случилось в Центре двадцать три года назад?

— Двадцать три года... В Центре всегда крутится много проектов, ты же знаешь... — мама отвела глаза.

— А над чем работала ты?

— Мы искали альтернативу стимуляторам. Но через год проект завис. Я ушла в декрет и целиком занялась тобой, — мама попыталась улыбнуться, зачем-то поправила и так безупречную прическу.

Из-под рукава показался браслет — бирюза сверкнула голубым огоньком, обожгла глаза. Эл поперхнулась слюной, закашлялась.

— И альтернативой стал высокий мужчина с карими глазами... — тихо произнесла она.

Обе замолчали.

— Элли, прости. Я не могла сказать прямо, но всегда хотела, чтобы ты знала — моя дочь особенная. И не потому, что близорука, это следствие. При естественном зачатии дефекты не корректируются...

* * *

— Как это, проект невыполним? — Зет сжала руку в кулак так, что побелели костяшки пальцев.

Эл отказалась садиться и стояла с гордо поднятой головой. Поза ей нравилась, тем более это было удобно — очки не съезжали на нос.

— Имеющихся данных о мужчине недостаточно для получения кода генома.

Зет скривила идеальное лицо и превратилась в уродливую старуху.

— Ты хочешь опозорить нашу планету перед Галактикой? Да? Ты этого хочешь?

Казалось, ещё чуть-чуть, и у Зет пойдет изо рта пена. У Графеновой леди истерика? Впрочем, она могла замотаться и забыть принять утром стимулятор.

— Насчет опозоренной планеты спросите у женщин и мужчин прошлого. Они все были слишком заняты собой, чтобы думать друг о друге. Хотели стать идеальными! А параметры идеалов несовместимы с жизнью.

Зет отпрянула назад, будто ее ударили по лицу.

— Мы считаем, нам не нужны мужчины,— продолжила Эл после паузы,— но все почему-то сидят на стимуляторах. И даже не догадываются, что потеряли, окопавшись в однополом обществе...

Сзади кто-то выругался, и Эл различила знакомый тембр голоса. Она обернулась — на пороге кабинета не спеша проступал из воздуха Сергей. Он качнул головой, увидел Эл и просиял.

— Извините, без приглашения... Вернулся, а дверь в подсобку открыта... Я не мог, не мог упустить шанс еще раз увидеть ту женщину, на которую ты так похожа...

Эл хлопнула себя по карману — со всеми передрягами она забыла выключить тюнер, и тот до сих пор поддерживал канал связи с прошлым!

— На этот раз, Эл, я прощаю тебе глупый спектакль. Надеюсь, он не повторится.

Зет вплотную подошла к Сергею, внимательно осмотрела его с головы до пят, удовлетворенно кивнула.

— Хорошо. Приоденем, поменяем прическу. На смотрины для Межгалактического союза самое то.

Браслет Зет завибрировал, она вставила наушник, переключилась на звуковое сообщение. С каждой секундой лицо начальницы приобретало новый оттенок серого. Она дала отбой, подняла на Эл пустые глаза.

— Они сказали, что мужчины недостаточно. Им нужен ребенок.

Эл улыбнулась, сняла очки. За ребенком дело не станет — двадцать три года назад мама позаботилась об этом.

Об авторах

Михалевская Анна Владиславовна родилась в 1975 году в Одессе. Окончила Одесский государственный экономический университет, специальность — менеджер. В 2004-м окончила Одесский государственный университет им. Мечникова, специальность — психолог. Занималась частной психологической практикой, направление сказкотерапия. В 2004 году начала писать авторские сказки. Работает техническим писателем в компании «Комодо», сфера информационных технологий.

Очерки по сказкотерапии выходили в журнале «Эниология», 2004 год. В № 2 (17) за 2013 год «Знание-сила: Фантастика» был опубликован рассказ «Программа «максимум». В №3 журнала «ФанCity» за 2014 год вышел рассказ «Если ты убьёшь зверя». Рассказ «Иллюзия близости» вошел в антологию «Настоящая фантастика-2015».

Постернак Елена Владимировна родилась в 1976 году в Одессе. В 1999-м окончила Одесскую государственную академию пищевых технологий, специальность — инженер-технолог. В 2006-м — Одесскую национальную юридическую академию, специальность — специалист права. Живет в Одессе, занимается частной юридической практикой. Начала писать в 2009 году. Публикаций не имеет.

Александр Филичкин

Конфеты «Полет»

Как всегда, я засиделся в гостях допоздна. Компания была приятная, еда вкусная, вот я и торчал там до последнего. В десять вечера я все же нашел в себе силы распрощаться с хозяевами. Натянул сапоги, куртку, кепку и отправился домой. Не торопясь, дошел до ближайшей остановки. К этому времени уже окончательно стемнело, и над моей головой загорелись редкие электрические фонари.

Началась противная, осенняя морось. Летящие с неба мелкие капли размывали свет горящих ртутных ламп, словно искристый туман. К счастью, долго ждать автобуса мне не пришлось. Почти сразу к тротуару подъехала маршрутка с нужным номером. Я забрался в пустую машину и заплатил водителю за проезд. Сел на холодное дерматиновое сидение. Устроился поудобнее и собрался немного вздремнуть.

Вот только покемарить в транспорте мне в этот вечер не удалось. Скучающий водитель видимо устал слушать монотонный шум мотора и, чтобы отвлечься, включил радио на полную катушку. С грохотом камнепада в салон ворвалась разухабистая мелодия. Хриплая певица вмиг разогнала мои грезы о кратковременном сне. Следом за бодрой песней пошел новостной блок. Так что заодно мне пришлось прослушать и последние известия. В мире все было, как обычно. Войны, катастрофы, глады и моры, но тут мое внимание привлекло одно сообщение.

Радостным голосом диктор рассказал, что вчерашней ночью в нашем городе произошло сразу около десятка убийств. Это был очередной печальный рекорд, установленный местным криминалом. Среди разнообразной бытовухи и хулиганки, ведущий особенно отметил четыре чрезвычайно странных смерти. Все жертвы непонятных преступлений выглядели так, словно упали с самолета. Исходя из этого, эксперты сделали невероятный вывод. Подобные травмы могут возникнуть лишь при падении человека с большой высоты, а если говорить точнее, то не менее чем со ста метров. Правоохранители их так и называют — «летчики».

После этой жуткой информации сон куда-то исчез, и в голову полезли разнообразные мысли. В первую очередь о том, что в нашем городе появилась банда, сбрасывающая своих врагов с вертолета. Хотя это вряд ли. Слишком дорого, да и моторы шумят так, что их обязательно кто-нибудь услышит. Поэтому отыскать геликоптер, из которого выкинули жертву, достаточно просто.

А может быть, это был воздушный шар? Вот только и монгольфьер летает

не так бесшумно, как хотелось бы преступникам. Пилот должен постоянно поддерживать нужную температуру в баллоне. Так что газовая форсунка шумит не хуже иного двигателя. К тому же, шаров у нас еще меньше, чем вертолетов. Да и летит такой пузырь без руля и ветрил, куда ветер подует.

Но даже если это показательная смертная казнь для устрашения конкурентов, то самый главный вопрос состоит вот в чем: зачем это делать над городом? Нет бы, отвезти бедолагу куда-нибудь в глухомань, где никто не бывает. Снять процесс на пленку и послать запись тому, кого хотят предупредить. Для чего этот вызов правоохранительным органам? Ведь после этого полиция будет землю рыть, чтобы найти убийц. Им что, на воле жить надоело?

На мой взгляд, гораздо надежней действовать по старинке, обычным ножом или топором. Такие преступления намного больше походят на бытовуху, значит, и разбираться с этими убийствами сыщики будут спустя рукава. Кому интересны чьи-то пьяные разборки? Надоели уже хуже горькой редьки. В крайнем случае, можно пальнуть из пистолета. Сейчас на огнестрелы уже не обращают особого внимания...

Додумать криминальные мысли до конца мне, к сожалению, не удалось. Маршрутка с визгом затормозила, и послышался мощный глухой удар. Едва успев ухватиться за вертикальный поручень, я с трудом удержался на скользком сидении. Поднял голову и посмотрел вперед. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять суть случившегося. Перед машиной резко остановился какой-то «упакованный чайник», для которого, видимо, не существует правил. Наш микроавтобус догнал понтового неумеху и врезался в задний бампер новенькой иномарки.

«Приехали», — огорчился я и посмотрел в боковое окно. Увидев хорошо знакомые места, я успокоился. До моей остановки оставалось всего около километра, так что я вышел из маршрутки и дальше отправился пешком. К этому времени мелкая морось превратилась в обычный осенний дождь. В тот вечер зонта у меня с собой почему-то не оказалось. Поэтому, чтобы не вымокнуть, я решил срезать угол и немного сократить путь. Свернул с широкой улицы и двинулся темными дворами панельных домов. Хорошо знакомая тропинка уже сильно размокла, и ноги противно скользили в жидкой грязи.

Я миновал жилую застройку, пересек неухоженный школьный двор и вышел на футбольное поле, где летом дети гоняли мяч. За обширной неогороженной площадкой виднелись светящиеся окна моего дома. Раскисшую от дождя поляну можно было обойти по узкому тротуару, но я упрямо пошел напрямик. К тому времени, мои сапоги были вымазаны грязью по самые щиколотки. Брюки обильно забрызганы почти до колен так, что терять мне уже было нечего.

Ни один из фонарей вокруг школы не горел. Все окна здания тоже были залиты глухим непроглядным мраком. Лишь далеко впереди маячили слабые разноцветные огоньки. Ни сзади, ни спереди людей видно не было, и я шел совершенно спокойно. Оказавшись на середине поля, я вспомнил бессмертные слова какого-то писателя: «Не нужно бояться темноты, нужно опасаться того, кто прячется в этой темноте».

В следующий миг все внезапно изменилось. Только что я медленно брел в почти полной тьме, и вдруг яркое сияние больно ударило по глазам. Зажмурившись от неожиданности, я резко остановился, но все же заметил некоторую странность. Бивший в лицо свет даже отдаленно не напоминал луч полицейского фонарика. Он не походил и на лазерную указку, которыми принялись баловаться хулиганы в последнее время. Замерев от испуга, я ждал сакраментального вопроса: «Закурить есть?» или не менее пугающего: «Ваши документы?» Секунды шли, а грозных окриков все не было.

Осторожно приподняв веки, я увидел, что стою в центре ярко освещенного круга, диаметром около двух метров. Сначала я решил, что на меня кто-то навел луч мощного фонаря. Я повертел головой, осмотрел окрестности и не увидел ни одного прожектора, направленного в мою сторону. Только тогда я с ужасом понял, что столб белого сияния падает на меня прямо с неба.

Придержав кепку рукой, я задрал голову вверх и тотчас зажмурился. Свет был таким сильным, что мои глаза сразу заломило от боли, из них потекли обильные слезы. Совершенно ослепший, я повел себя так же, как обычно действует испуганный заяц. Ничего не видя, я постарался поскорее убраться из освещенного круга и резво рванул вперед. На втором шаге я всем телом врезался в какую-то преграду.

Воздух передо мной полыхнул небесно-голубым светом. Ощущение было такое, словно путь оказался закрыт толстым бронебойным стеклом. В эту незримую преграду я и врезался со всего маху. Сначала лбом и грудью, а затем и всеми остальными частями тела. Голова затрещала, подобно переспелому арбузу. Нос хрустнул и сплющился, как гориллы. Из глаз посыпались разноцветные искры.

Нежданно возникшая энергетическая преграда под моим весом слегка прогнулась наружу. Мелькнула шальная мысль, что сейчас мне удастся преодолеть странное препятствие и пересечь невидимую границу. Но не тут-то было. Защитное поле вдруг спружинило. Резко выровнялось и с невероятной силой отбросило меня назад, к центру освещенного круга.

Не устояв на ногах, я шлепнулся задом в жидкую грязь. Совершенно подавленный всем произошедшим, я даже не заметил, что сижу в луже. Находясь на земле, я немного пришел в себя и поднял руки. Как мне удалось их не запачкать, я понять не смог и просто ощупал лицо. Как ни странно, брови остались целыми, но на лбу вскочила огромная шишка. Из разбитого носа сочилась кровь. Губы саднило так, что я скривился от неприятных ощущений. Передние зубы слегка качались.

Стараясь не опираться на грязь руками, я с трудом встал на ноги. Медленно выпрямился и, слегка скособочившись, побрел вперед. Наученный горьким опытом, остановился возле границы света и тьмы. Снаружи все также лил осенний дождь. Притом что, в круге света на меня не упало ни одной капли. Вытянув вперед руку, я почувствовал, что пальцы наткнулись на невидимую преграду. Я попытался продавить ее силой. Но чем глубже продвигал ладонь наружу, тем мощнее становилось сопротивление.

Поняв, что грубым натиском мне эту препону не одолеть, я обречено опустил руку и задумался. Однако спокойно поразмышлять мне не дали. Режущий глаза, свет вдруг померк, и мое сознание заполнила легкая дурнота. В тот же миг я оказался в каком-то странном, совершенно пустом помещении. Ошеломлено повертев головой, я понял, что нахожусь в центре просторного круглого зала. Никаких светильников я нигде не заметил. Вместе с тем, комнату заливал ровный свет, позволивший хорошо разглядеть все вокруг.

Ближе к краям помещения пол плавно поднимался вверх и переходил в высокий куполообразный свод. Однако самое удивительное было не в этом. Пол, потолок, и закругленные стены оказались совершенно прозрачными, словно были изготовлены из толстого стекла. Сквозь них я на удивление хорошо видел темную громаду школы и редкие горящие окна в окружающих домах. Далеко внизу лежало размокшее от дождя футбольное поле с ржавыми воротами по краям.

— Где я? — непроизвольно вырвалось у меня.

— Это летательный аппарат, называемый землянами «летающая тарелка» — прозвучал чей-то механический голос в моей голове. Мне сразу вспомнился совет какого-то знаменитого уфолога, сильно пострадавшего от действий пришельцев: «Никогда не вступайте в контакт с инопланетянами. Неизвестно, чем это может закончиться». С трудом преодолев предательскую дрожь в голосе, я вежливо спросил. — Могу я покинуть ваш корабль?

— Да, — бесстрастно обнадежил меня голос.

— Когда это произойдет? — боязливо поинтересовался я. Мне совсем не улыбалось стать объектом исследований зеленых человечков. Многие контактеры были не в восторге от этих чрезвычайно неприятных и опасных процедур. «А вдруг они захотят забрать меня в свой зоопарк? — заволновался я. — Курт Воннегут как-то описывал такую ситуацию...»

— Через пять минут, — успокоил меня голос. Я облегченно перевел дух, но тут услышал ужасное продолжение. — Пол кабины перестанет вас удерживать.

— И я упаду вниз?! — взвизгнул я сорвавшимся голосом и в панике ткнул рукой в сторону пола. — Здесь же почти полкилометра будет!

— До поверхности земли ровно сто один метр, — успокоил неведомый хозяин.

В моей памяти тотчас всплыло сообщение из вечерних новостей, где диктор сообщал о людях, упавших с высоты тридцатиэтажного здания. Похоже, что это были мои неудачливые предшественники.

— Что я должен сделать, чтобы остаться в живых? — дрожащим шепотом спросил я.

— Попробуйте наши жевательные конфеты «Полет», — доброжелательным тоном предложил невидимый пришелец.

С потолка плавно опустился круглый поднос и повис передо мной на уровне пояса. Никаких нитей, на которых держался бы этот серебристый диск, я не заметил. Наклонившись к подносу, я увидел несколько блестящих упаковок, своими размерами напоминающие пластинки жевательной резинки. Только были они чуть уже и в двое короче обычных.

Опасаясь какого-нибудь подвоха, я осторожно взял одну из них и поднес к глазам. Она почти ничем не отличалась от земной продукции. Фантик украшали такие же яркие краски и залихватские шрифты. Даже наименование было хорошо знакомо. К моему неимоверному удивлению, оно оказалось написано на русском языке. К тому же, конфеты действительно назывались «Полет»! Правда, внизу я разглядел очень мелкую надпись: «Разработано для Homo sapiens». Это окончательно убедило меня в том, что это не розыгрыш и все происходит на самом деле.

Перевернув пластинку, я увидел такое, что от испуга чуть не уронил ее на поднос. На задней стороне был нарисован забавный человечек, чем-то неуловимо похожий на Незнайку. На моих глазах он весело ухмыльнулся и достал из кармана конфету. Лихо сорвал обертку, сунул ее в рот и резко сжал зубы. Раздался мелодичный звук, и паренек бесследно исчез с обертки. Пока я думал, чтобы это значило, произошло следующее: спустя пару секунд паренек выглянул из-за края конфеты и перелез на эту сторону. Встал на свое место, помахал мне рукой и замер.

Не зная, что можно сказать, я брякнул первое, что мне пришло в голову:

— Конфета предназначена для еды, или для чего-то другого?

Мой незримый визави промолчал.

«Видимо, нужно задавать односложные вопросы». — решил я и ободренный своей догадкой, спросил:

— Судя по картинке, если раскусить конфету, она позволит субъекту куда-то переместиться?

— Да, — соизволил откликнуться пришелец.

— В пространстве? — продолжал я допытываться, собираясь дальше спросить про перемещение во времени. Мне всегда казалось, что существа, преодолевшие межзвездное пространство, обладают такими знаниями, что умеют делать и то и другое.

— В пространстве.

— На какое расстояние? — задал я очередной вопрос и затаил дыхание. От его ответа зависело, смогу ли я пережить сегодняшний вечер или присоединюсь к тем несчастным, что уже попали в криминальную сводку города.

— На десять метров, — послышался удручающий ответ.

— В какую сторону? — пробормотал я, лихорадочно размышляя, как смогу использовать эту хрень с издевательским названием «Полет».

— Куда глаза глядят, — двусмысленно отозвался пришелец.

Машинально посмотрев на часы, я подумал: «Я тут нахожусь уже пару минут, значит, времени у меня осталось совсем ничего. — Испугавшись этой мысли, я принялся лихорадочно размышлять. — Если я раскушу конфету, глядя перед собой, то вылечу за пределы тарелки и упаду со стометровой высоты. Это, безусловно, приведет к моей мгновенной смерти».

— А можно раскусить сразу несколько конфет? — почти выкрикнул я.

— Можно, — милостиво разрешил собеседник.

Я пересчитал пластинки, их было ровно десять.

— А все сразу можно?

— Нет, — огорчил меня пришелец. — Не более двух штук за раз, иначе произойдет мощный взрыв.

Я стал думать дальше: «Если я лягу на пол лицом вниз и раскушу две пластинки, то исчезну из корабля и появлюсь на высоте в восемьдесят метров. Это очень много. Значит, едва я окажусь вне тарелки мне нужно раскусить еще две, и я спущусь до отметки шестьдесят. Потом сорок, двадцать, и здравствуй родная земля, — возликовал я, но тут же себя оборвал. — Едва я вылечу из корабля, начнется свободное падение, а это около десяти метров в секунду. Выходит, времени снаружи у меня почти не будет».

— Сколько времени уходит на срабатывание устройства переноса в пространстве? — поинтересовался я тактико-техническими данными игрушки.

— Срабатывание происходит мгновенно, — успокоил голос.

Лихорадочно срывая обертки с конфет, я начал складывать их парами. На мое счастье они крепко прилипали друг к другу. Две шутки я положил на коренные зубы справа. Две слева. Еще по паре взял в руки. Последние конфеты я слеплять не стал и по отдельности зажал их пальцами в разных ладонях. Мне вдруг пришло в голову, что пока я их буду раскусывать, мое тело продолжит лететь к земле со скоростью стремительного домкрата.

— Субъект появляется в новой точке с той же скоростью, с какой ушел в подпространство? — на всякий случай уточнил я мысль, неожиданно пришедшую в голову. Хотя я говорил сквозь зубы, меня поняли.

— Да, — подтвердил мою догадку мой собеседник.

Мои мысли понеслись дальше: «Если я раскушу десять конфет, то окажусь в одном метре над землей. Не убьюсь. Первую пару я съем в корабле, поэтому ее можно не считать. Остается восемь. Даже если я успею сжать челюсти четыре раза за одну секунду, то за это время я пролечу целых десять метров.

Выходит, я окажусь в земле на глубине десять метров. Где благополучно умру от сдавливания и удушья. Что гораздо хуже, чем мгновенная смерть от удара. Единственный плюс, что меня не нужно будет хоронить. Меня и не найдут никогда, разве что археологи. Да и то вряд ли... Я торопливо вернулся к подсчетам: сто минус десять равно девяносто. Значит, — сделал я окончательный вывод: — мне можно использовать только девять штук. Так что одна пластинка останется на память.

Кое-как разобравшись с теорией, я лег ничком. Прижал руки с конфетами к лицу. Широко распахнул глаза и уставился на поверхность земли, черневшую где-то внизу. Только тут я понял, как она далеко. Мне стало так страшно, что захотелось сильно зажмурить глаза и тихо лежать, как можно дольше. Подавив секундную слабость, я принялся действовать. Не стал ждать, пока истечет назначенное время, а резко сжал правые коренные зубы. Раздался тихий хруст, конфеты исчезли, а свет в глазах померк. В лицо ударил сырой воздух, и я судорожно сдавил левые части своих челюстей. В следующий миг я вынырнул из подпространства, сунул пару конфет в рот и раскусил их. Потом еще раз. И напоследок раздавил девятую пластинку. Я вынырнул из сумрака в двух метрах над землей! Вот

только тут меня молнией пронзила ужасающая мысль: — Лечу слишком быстро. Не менее десяти метров в секунду.

Не знаю, как за пару мгновений я успел это сообразить и тем более проделать все необходимое. Говорят, во время смертельной опасности у человека включаются потаенные резервы, и он делает то, на что обычно не способен. Испугавшись, что сейчас я со страшной скоростью рухну плашмя на землю, я сунул последнюю конфету в рот. Одновременно с этим, как можно дальше, откинул голову назад и закатил открытые глаза под самый лоб. Раскусил десятую пластинку и над самой землей успел войти в десятое перемещение.

Из этого последнего прыжка я вынырнул под углом к горизонту. Хорошо, что угол оказался не очень большим, и я очутился метрах в пяти над футбольным полем. К тому же теперь я летел головой вперед. К счастью, не горизонтально, а сильно наклонившись к земле, словно прыгун с трамплина. Однако этот взлет продолжался недолго. Сила тяжести вновь потащила меня вниз.

Обхватив голову руками, я прижал ноги к животу. Сжался в комок и с ужасом ждал столкновения с земной твердью. Мне чрезвычайно повезло и на этот раз. В размокшее поле я врезался подошвами ног. Как на водных лыжах скользнул сапогами по жидкой грязи и поднял огромные веера брызг. В следующий миг везуха кончилась, и я достиг твердого дна мелкой лужи. Удар оказался таким мощным, что из меня буквально вышибло дух.

Инерция движения стремительно волокла меня вперед. Я отскочил от поля, как плоский камешек от поверхности воды и меня подбросило в воздух. Я сделал кульбит, вернулся на землю и полетел дальше. Сжавшись калачиком, как свернувшийся ежик, покатился по жидкой грязи. На излете движения я врезался головой в стойку ржавых футбольных ворот.

Последняя мысль, мелькнувшая в голове, была не моя, а чужая: «Псевдоразумное существо прошло испытание», — равнодушно пробубнил инопланетянин, и сознание меня покинуло.

Очнулся я от луча фонаря, светившего в глаза. Я вздрогнул и с ужасом подумал: «Неужели еще один эксперимент?»

— Живой вроде, а я думал, опять «летчик», — послышался радостный мужской голос. — Ну что, берем поддатого вратаря?

— Да ты глянь, какой он! — возмутился другой человек. — Вывалялся в грязи как свинья. Потом замучаешься форму чистить.

— Тогда пусть валяется, — легко согласился первый полицейский. — Сейчас не зима, насмерть не замерзнет.

Служивые обошли меня с двух сторон и двинулись дальше. Пересекли футбольное поле, и пропали между многоэтажных домов.

Охая и стеная, я повернулся на бок и сел. Обхватил грязными руками стойку футбольных ворот и с трудом поднялся с земли. Чтобы избавиться от возникшего головокружения, мне пришлось прислониться к столбу и некоторое время постоять неподвижно. Все тело нестерпимо болело от многочисленных ушибов

«Если бы не жидкая грязь, сработавшая как смазка, разбился бы на фиг, — через силу подумал я. — Надеюсь, ничего себе не сломал».

Я потрогал измазанные грязью ноги, нащупал в кармане брюк ключи от квартиры и облегченно вздохнул: «Слава богу, не потерял, а то пришлось бы еще по полю ползать, искать». Про исчезнувшую кепку я даже не вспомнил. Медленно переставляя ноги, я, словно заржавевший робот, двинулся к своему дому.

Об авторе

Родился 1955 году в Баку. В 1967 г. вместе с семьей переехал в Россию и с тех пор проживает в г. Куйбышеве, ныне г. Самара. Окончил инженерно-строительный институт. Трудился в проектных организациях города. В настоящее время работает ведущим архитектором в одном из старейших институтов г. Самары «Промзернопроект». Занимается комплексным проектированием зданий и сооружений. Уверенно владеет компьютерной графикой и трехмерным моделированием. При его непосредственном участии разработаны многочисленные объекты, построенные в населенных пунктах области и страны.

Сочинял стихи и писал прозу. Рисовал графические юморески для местных газет. В 2014 году занялся сочинительством более серьезно.

Публикации: военный роман «Разведчик, штрафник, смертник. Солдат Великой Отечественной» ЭКСМО 2015г., рассказы «Старик» и «Кисет» 2015 г., рассказ «Эвакуация» 2014 г. (интернетжурнал), рассказы «Успокоительное средство» и «Партнер» 2014 г., рассказы о животных «Пальма», «Матильда», «Пират» 2015 г., «Ремонт», «Воспитание», «Пес Виктор» 2014 г., юмористические рассказы «Сахар» и «Мясо» 2014 г. (интернетжурнал). Сценарий детского фильма «Кладоискатели с Дирибасовской» вошел в шорт-лист «Конейчуковской премии» за 2015г.

Максим Фримен

Первый представитель

Глубокая ночь. Земля покрыта густым мраком, все спит, лишь вездесущий ветер бодрствовал и нашептывал свою грустную песню листве. По небосводу лениво плывут толстые кучерявые облака, и им нет дела до того, что происходит там, внизу. Они жили своей жизнью. Луны не видно, они ее скрыли. Лишь в некоторых местах, где слой облаков истончался и появлялись разрывы, в них воровато просачивался лунный свет, покрывая все вокруг бледно-синими пятнами.

Пахло пылью и жизнью. Особенно жизнью. Вот из норы высунулась остроносая мордочка зверька. Он принюхался и, не обнаружив опасности, вышел наружу, опираясь на все четыре конечности. Строение тела животного отдаленно напоминало тушканчика: такое же кургузое туловище, короткие передние и длинные задние ноги, удлиненный тонкий хвост. Грызун отошел от норы на несколько метров и спрятался за поросшим мхом камнем. Опять принюхался. Затем начал утирать мордочку передними лапками.

Где-то вдали ухнула птица. Тушканчик замер, плавно пригнулся к земле, практически слившись с поверхностью, и выглянул из-за камня, вглядываясь бусинками глаз в распростершуюся прямо перед ним котловину с пологими склонами. Где-то там ждала его самка, но природная осторожность, граничащая с пугливостью, заставляла его выверять каждый шаг, иначе он рисковал стать чьим-нибудь обедом. А он этого не хотел. Ему нравилось жить. Хотелось бы найти такое живое существо, кому не нравилось жить. Он повертел головой по сторонам, выискивая притаившуюся опасность и, обрадовавшись ее отсутствию, запрыгал к своей подруге, если так можно выразиться о взаимоотношениях четвероногих.

Грызун спустился вниз, гордо привстал на задние лапки, приосанился, приподнял головку, шевельнул усами, и запрыгал к одиноко стоявшему деревцу, под которым жила его подружка. Самочка, учуяв в воздухе аромат дружка, выбралась из-под дерева и приняла точно такую же позу как у приближавшегося к ней самца. По зову природы у них должны были начаться брачные игры. Но ничего такого не произошло. Им помешали. Не успел самец дойти до подружки, как над котловиной пронеслось что-то квадратное; сзади летающей коробки вырывалось синее пламя.

«Парочка» испугалась и пулей юркнула под дерево. Им стало страшно. Они впервые видели такое и не знали, что делать: бояться или нет. Вдруг задрожала земля, с потолка норы посыпалась пыль, а снаружи что-то

взвизгнуло и натужно зашипело. Вскоре стихло. Стали раздаваться какие-то звуки. (Это была человеческая речь.).

Самец шлепнул хвостом самку, дескать, никуда не суйся, я сам проверю, и выглянул из норы. Не глядя на опасность, исходившую от неизвестных живых существ, ему было любопытно, кто это такие?.. Зверек, подловив момент, когда двуногие существа, целиком покрытые чем-то серебристым, стали лицом к челноку, выскочил из норы и поскакал, перепрыгивая за раз по три метра, к торчавшему неподалеку полусгнившему пню,— между корягами и землей зияла небольшая арка. Животное как раз в нее втиснулось и подползло к самому краю. Однако долго наблюдать оно не смогло: потеряв бдительность, самец полностью покинул укрытие и был за это наказан. Млекопитающее даже сообразить не успело, что произошло, как было с силой прижато к земле.

Животное пищало, шипело, извивалось, било хвостом об землю, но ничего не помогало. Силы были не равны. Пришелец, прижавший крошечного зверька к земле, вдруг поднял его в воздух и поднес к лицу. Повертел в руке.

— А вот и первый представитель местной фауны,— сказал он.— Вайнгартен, возьмите у объекта кровь на анализ ДНК и отошлите результаты на Землю,— инопланетянин передал трясущегося от страха зверька другому пришельцу.— Планета обитаема...

Об авторе

Родился в 1990 году в Республике Беларусь, город Слоним. Окончил Белорусский Государственный университет, факультет философии и социальных наук. Специальность — социология. Отслужил в Вооруженных силах РБ. Работает в рекламном агентстве, занимается рекламой по интернету. Пишет не так уж и давно. Первый рассказ вышел в альманахе фантастики «Фантаскоп» (№3, 2012 год). Следом в «Знание-сила: Фантастика» (№2, 2012 год) вышла новелла «Боги спустились к нам». Также заключен договор с издательством «Альтасперра» (Канада) о публикации романа (написан в соавторстве) «Интересное время, или Полумесяц встает на закате».

Ирина Соколова

Хионские древности

— Ну что, готов к новому представлению?

— Устал я от твоих представлений. Наживаешься на мне.

— Не на тебе, а на всяких простачках. И вообще, можно подумать, мне больше всех надо. Для тебя же стараюсь, так что бороду не таращь на меня. Иди, готовься, вымирающий вид, а то и поспособствую.

Хионец покачал головой и надел привычную уже маску. Обман, опять обман. Так ли он представлял свою старость?

* * *

Как всегда, Зойке-Сойке не было покоя. Вечно она тянет меня куда-то, а я, дурак, иду. Вот на неделе загорелась: искала, куда бы на выходные отправиться, нашла «русский Стоунхендж», он же стоянка НЛО, он же таинственное святилище древнего и почти вымершего народа хион. Запрыгала, захлопала в ладоши, засмеялась. Поехали, поехали, ну пожалуйста, ну жалко тебе, что ли? Какая-то тысяча с человека, зато на свежем воздухе, пофоткаемся, а в программе пикник обещали! И все равно ей, Сойке моей, что у меня высшее техническое образование и скептический склад ума, и что в эту всю чухню желтопрессную не верю ничуть. Да и мне уже как-то все равно. Люблю ее, попрыгушку.

Автобус отправлялся в полдень от гостиницы «Центральной», такой же зачуханной, как и до боли милый пейзаж вокруг. Сойка принялась обкусывать заусенцы, я рассматривал спутников. Кстати, свободных мест не осталось, некая парочка с полными надежды лицами ждала, может, кто-нибудь вдруг откажется или кому-нибудь внезапно поплохеет от духоты. Не повезло им сегодня: автобус тронулся, расстроенные мины парочки проплыли за стеклом. Кондиционер заработал, когда мы почти уже начали задыхаться, а экскурсовод — когда половина салона практически заснула. Может, он того и добивался.

Мужчина средних лет с не слишком располагающей внешностью и печатью интеллекта на лысеющем лбу. Голос тихий, глухой, даже микрофон не спасает. Бубнил про какие-то загадки нашего века, окончательно усыпив тех, кто и так собирался прикорнуть, и нагнав дремотность на тех, кто еще держался. Я собрал зевок и волю в кулак и упрямо напомнил себе: «Пикник. Это воскресенье необязательно будет паршивым». Потом посмотрел на Сойку, сопевшую у меня на плече. Невольно

улыбнулся, убрал прядку за ушко. Какие у нее мягкие кучеряшки... Все-таки заснул.

Когда приехали, Соечка все сокрушалась, что продрыхла самое интересное. Я не мог видеть ее расстроенную мордашку и принялся пересказывать и наполовину придумывать-перевирать, а голос у меня не в пример громче, чем у этого бубнилы. В итоге любители НЛО слушали меня, а экскурсовод мямлил что-то еле слышно впереди, прокладывая тропку по жидковатому лесу.

Первым делом мы набрели на ларек. За прилавком, на котором рядочками были расставлены глиняные фигурки, разложены кустарные магнитики и прочие поделки, сидел сморщенный до почти нечеловеческого облика старик с монгольскими глазами и длинной чахлой бородой. Экскурсовод поведал нам, что это один из немногих оставшихся представителей народа хион. По-русски он почти не говорит, но если бы говорил, то рассказал бы красивые и поучительные легенды, созданные хионцами в их золотой век. Этот старик хранит древние обычаи и язык, возможно, он продемонстрирует группе какой-нибудь ритуал после экскурсии. Также можно будет приобрести сувениры, сфотографироваться в национальных хионских костюмах и пожертвовать на этнографические исследования и восстановление уникальных памятников хионской архитектуры. Экскурсовод еще что-то булькал, а Сойка скакала вокруг меня, счастливо щебетала и щелкала кадр за кадром. Старик ей особенно понравился. А еще вон тот амулетик из меха, полосочек кожи и красных бусинок. А еще глиняное блюдце с грубым петляющим узором, а еще... но мы же потом сюда вернемся, правда? И я хочу поговорить с этим хионцем, а экскурсовод переведет, я спрошу про легенды, может, можно купить книжку...

Я ее расцеловал. Как ее не любить, когда она такая... живая?

Мы двинулись дальше. Сойка забежала вперед послушать Бубнилу, а я думал про старого сухаря, который остался в ларьке. Наверное, он такой же хионец, как я капитан дальнего плавания. Да и вряд ли есть такой народ. И все это надувательство и вытрясывание денег. Ну и ладно. Я догнал свою птицу счастья, она тут же велела ее сфотографировать. Потом потребовала у какой-то полной дамы, чтобы та сфотографировала нас вдвоем, но у дамы руки явно были не оттуда, и ни один кадр моей девчушке не понравился. Потом на помощь пришел суровый мужичок, пару раз щелкнул — и загляденье, вертикаль не завалена, никто глаза не закрыл, лица пристойные и влюбленные, природа яркая и манящая. Спасибо, друг, выручил. Если есть у моей Сойки изъян — так это ее любовь пощелкаться. И так, и сяк, и наперекосяк, и десять кадров на одном и том же месте, в одной позе, пока не будет, по ее мнению, идеально. А, по моему, совершенно одинаковые снимки. И композиция никуда не годится, и свет не так падает. Ну и ладно, главное, чтобы ей нравилось.

Наконец, мы вышли к «Стоунхенджу». Если честно, мошеннички меня приятно удивили. Надо было постараться раздобыть такие каменюки, повырезать на них закорючести всякие, вкопать поживописнее да полгода

ждать, пока мхом обрастут. Интересно, окупилось? Экскурсанты разбрелись искать ракурс, Сойка злилась и нервничала, потому что люди совершенно не вписывались в эту древнюю красоту, весь кадр портили. Подожди пятнадцать минут, глупышка, они сами уйдут.

Бубнила что-то блеял про древний календарь, солнечные часы, обсерваторию, капище и посадочную площадку для НЛО — все в куче. Провел нас чуть подальше, показал плачущего идола. Вот идол был жутковатый: уродливый, почище истуканов на острове Пасхи, здоровый, в два роста, наверное, с синими потеками на пористых щеках. Эта синяя гадость, как нам не замедлили сообщить, в темноте светится и издает тонкий приятный запах. В сувенирной лавке можно будет приобрести пузыречек. Естественно, Сойке тут же понадобилась эта дрянь. Вся квартира у нас завалена разными побрякушками, которые ей однажды приглянулись, а потом были забыты с появлением новой безделки. Сойка и есть. И за что люблю?

Потом были фокусы. Нас отвели к каменному домику вроде часовенки, внутри была только обветшалая до полной неопределимости статуэтка в нише и под нишей — что-то вроде почти плоского каменного блюда. Предлагалось по очереди заходить, приносить малую жертву хионскому божку и загадывать желание. Сойка даже задрожала от нетерпения. И как она всему этому верит? Пихнула мне в руки фотоаппарат, нашарила горсть монет, побежала жертвовать. Успела первая. Минуту стояла в этой каменной будке, потом вышла просветленная, в сложенных ладонях несла страшненькую деревянную фигурку человечка. «Ты бы знал, что я загадала!» — таинственно прошептала она на ухо мне, бережно спрятала человечка в сумку и побежала снимать плачущего идола, пока все потянулись загадывать желание.

Последним пунктом перед долгожданным пикником была сцена НЛО-крушения. Двояковыпуклая линза, сплющенная и криво лежащая на каменном холме. Не пожалели деревьев ради такого аттракциона, посрубали, поломали, пообожгли макушки слева, будто падала тарелка и след оставила. Но я походил вокруг и нашел халтуру — свежие следы сварки. Видимо, наспех склепали экспонат в надежде, что больше народу привлечет.

* * *

— Ну, сколько?

— Пожертвований на три тысячи. За сувениры — пять с копейками. Ну, и за билеты, само собой. Минус автобус, бензин и пикник. Но это мелочи.

— А я тебе что говорил? Окупается!

— Достали меня эти фокусы. Выматывает.

— А меня не выматывает? Думаешь, легко эту чушь впаривать? Зато еще немного — и починим твой тарантас. И можешь хоть на все сто четыре стороны. А то оставайся. Видишь — здесь тоже можно неплохо заработать.

— Пошел ты. Пойду слизи залью.

Старик хионец пошевелил спрятанными в жидкой бороде термовибриссами, нашел в небе родную звездочку и почти по-человечески вздохнул.

* * *

В общем, экскурсия закончилась. Мы вернулись к ларьку. Старик из ларька успел расстелить дешевые пледы, разложить всякие бутерброды, фрукты и печенюшки. Пикник, конечно, вышел скудный, но чего жалеть: вон как Сойка радуется, завалила вопросами Бубнилу, скупила почти все блестящие сувениры (среди прочего пять пузырьков синей жижи — подружкам дарить), пожертвовала стольник на нужды вымирающего народа и, счастливая, впилась в сочную грушу. На обратном пути показывала мне бесконечные фотографии, щебетала, щебетала. Потом, задремывая, шепнула: «Знаешь, что я загадала? — Она вытащила деревянного человечка из сумки как великое сокровище. — Я загадала малыша». И улыбнулась тепло-тепло. Я взял уродика из ее рук, поцеловал Соечку в лоб. Да ты сама как ребенок, любимая. «Все, что хочешь», — ответил я. И она уснула.

Об авторе

Родилась в Курске в 1990 году. Окончила с красным дипломом Институт журналистики и литературного творчества (г. Москва), специальность – художественный перевод. В тот же период стала переводить с английского для издательства «Эксмо», на данный момент опубликовано 7 переведенных книг. После института устроилась в бюро переводов (владеет четырьмя иностранными языками), работает редактором отдела нефтегазовой тематики по направлению «бизнес, маркетинг». В школе писала стихи и рисовала, в институте стала ходить на мастер-класс фантастики и детектива под руководством В. Т. Бабенко, принялась за прозу. Опубликовано пока совсем немного, в основном, благодаря интернет-конкурсам. Подборка стихотворений, журнал «Девичник» № 22/23, 2007 г., рассказ «Записки о демоне», альманах «Этажерка» № 4, 2010 г., рассказ «Джунгли, стрельба и немного безумия», журнал РБЖ «Азимут», 2013 г., рассказ «Перемен», альманах «Антология Мифа-2013», Феодосия, рассказ «Зачем и почему», «Знание-сила. Фантастика», № 2/2014.

Павел Веселовский

Мой друг клойдер

повесть

Помню, что шел серебристый, невероятно звонкий дождь. Жестяной козырек подоконника исполнял металлическое стаккато, из окна тянуло пыльной летней сыростью и хорошо постиранными акациями. Я с усилием резал корку уже порядком зачерствевшего хлеба, стараясь не рассыпать крошки на пол, и чуть не разбил кончиком ножа блюдце. Выругался, потом успокоился и принялся нарочито медленно размазывать кубик масла по хлебу. Масло было желтее обычного. Как обычно, впрочем. Тикали часы над холодильником, но из-за шелеста дождя их слышимый ритм попадал в раздел кардиологической патологии. Щелк-щелк-пауза-щелк-пауза-пауза-щелк-щелк-щелк... Пыхнула молния, пару секунд спустя по дому раскатило артиллерией грома. Рядом!

Бережно отлепляя от крупной, месячной давности сырной головы тонкий пластик, утешал себя, что крошечный сепаратистский очаг плесени с другого края — просто свидетельство благородного происхождения продукта. Сегодня я выходной — это большой плюс. Выспаться все же не удалось — это очевидный минус. Неожиданно, как-то ностальгически и подло захотелось коньяку. Ма-аленькую рюмочку, но чтобы настоящий «Арарат», причем «Наири» двадцатилетней выдержки. Ох и фантазер, да...

Резко зазвонил телефон, лезвие сорвалось и испортило идеальный пластик кривым диагональным обрезом. Ну разумеется... Взял трубку левой рукой, и сразу же ощутил, что рука жирная от сыра. Ноосфера неудачников пристально следит за тобой, приятель.

— Алло! — недовольно буркнул я, косясь в окно. Пунктиры капель чертили уже ровнее и спокойнее, лужи на тротуарах полнели, дохнуло свежестью.

— Мишка? Мишка, это я, Коська! Парамонов... Распознал?

Как не узнать — этот голос сложно было спутать с другими. С легкой трещинкой в тембре, всегда смешливый, но беззлобный, как будто даже старческий. И в то же время глубокий, хара́ктерный. Я не видел своего одноклассника уже несколько лет, но вспоминал частенько.

— Приве-ет... какими судьбами? Ты откуда вообще?

— Слушай, я в городе, проездом... — в трубке что-то грохнуло, тут же

грохнуло и у меня, — ... больше некому позвонить, чувак. Нужна твоя помощь, честно говоря.

— А что стряслось? — никогда, никогда не бывало такого, чтобы с Коськой чего-то не стряслось, — так ты заходи в гости-то, чайком тебя напою?

Призрачная надежда, что Костя согласится прийти сам, конечно же, не сбылась.

— Не, не сейчас, времени нет, — голос его стал глухим, наверное, просто отвернулся от трубки, — ты мне здесь нужен. Слушай, неудобно просить, но ты не мог бы подойти прямо сейчас к мэрии? Тебе же недалеко, ага?

Я не без тоски поглядел на остывающий чай и приветливо изогнувшийся в тарелке бутерброд с сыром. Потом оценил плотность дождевой пелены. А зонтик у меня сломан. И вот вопрос, остались ли после вчерашнего сухие или просто чистые носки?

— М-м-м, — борясь с чувствами, промычал я в трубку, и далее с напускной готовностью:

— Конечно, давай подойду... Это очень срочно, Кость?

— Миш, давай я скажу открытым текстом: здесь началась ревербация* клойдов, сильнейшая причем. Я без тебя никак не обойдусь, пойми. Я в городе совершенно один, к кому мне еще обратиться? С меня пиво! Нет, с меня коньяк!

Тут он угадал, подлец. Коньяк был бы кстати. Я почесал затылок, пощипал себя за мочку уха. Мокнуть не хотелось. Опять эти клойды... С тех пор, как Константин закончил дипломатическое отделение МГИМО, а потом неожиданно увлекся геологией и несколько лет проторчал на буровых сначала в Африке, потом в Полинезии, потом еще черте где, клойды стали его основной профессией. А заодно, видимо, хобби, призванием и семьей. Правительство дало какой-то секретный, невероятно мутный грант, на который Коська три года просто мотался по миру, потом купил квартиру в Питере (и на какие шиши — ну не на грант же?) и начал пропадать совсем уже в неизвестном направлении. Мы плотно, весело и как-то обоюдоостро дружили со средней школы, не терялись и в студенчестве, но в статусе клойдера Коська быстро отдалился от меня — от всех нас — и появлялся наскоками, то с победными, но все равно непонятными, новостями, то пришибленный и молчаливый, но опять же неразгаданный. Предугадать, каким он прибудет в следующий раз и когда, было невозможно. Ташка, которая весь выпускной класс целовалась с Коськой, обиделась на него на первом курсе и чуть не женила на себе уже на третьем, окончательно бросив на защите диплома — она считала, что клойды испортили характер нашего общего друга. Я дипломатично отмалчивался, поскольку характер самой Ташки тоже вызывал во мне противоречивые чувства. Собственно, я и сам чуть не женился на ней четыре года назад, и эту историю у меня нет никакого желания рассказывать. Тем более, что Коська, скорее всего, ничего об этом не знал.

---

* Реверберация — это процесс постепенного уменьшения интенсивности звука при его многократных отражениях.

— Ага, — мрачно произнес я, обреченно цыкая зубом, — клойды, значит. Так, ну говори, где встретимся, я уже одеваюсь.

Из одежды на мне были видавшие виды семейники и черная китайская майка с масками пекинской оперы, деликатно прохудившаяся спереди — в незаметной черной прорехе одиноко торчал грудной волосок. Я тут же вспомнил, что футболку из Пекина привез мне именно Костя, и стало немного стыдно за свою такую сытую, домашнюю лень.

— Здорово! — радостно засипел Коська, — ты меня натурально спасаешь, чувак! Подбегай прямо к парадному крыльцу администрации, здесь кое-какой народ, а я с краешку прилип, аккурат под колоннами. Да, и это, Мишка, будь так добр, захвати свои стихи!

— Стихи? — тупо переспросил я, — ты сказал «стихи»?

— Да-да, тетрадку свою возьми, школьную, — нетерпеливо подтвердил Коська, — ну ты же не станешь уверять меня, что выбросил ее? Ведь сохранил, а?

Я сохранил. Но как он вообще вспомнил про нее?

— Слушай, Кость... Ладно, я пришлепаю к тебе по дождю, во имя Великого Космоса и твоей квадратной башки — но стихи-то тебе на кой ляд?!

Присказка про Великий Космос была нашим фирменным сакральным паролем, без которого не затевалась ни одна школьная афера.

— Послушай меня, чувак, просто возьми тетрадку, — умоляюще и страдальчески заскрипел Костя, — долго объяснять, ей богу. Нужно позарез! Тебе же не трудно, ну?

— Жди, — зло бросил я и повесил трубку. Понимая отчетливо, что чай ускользает от меня, я все же запихал за щеку жесткий и шершавый бутерброд, натянул джинсы и ветровку, отыскал в дальнем углу вещевого ящика пожилые, скрученные в тугой засушенный узел чистые носки. Тетрадку со стихами предусмотрительно вставил в полиэтиленовый файлик, который по совместительству должен был выполнять роль зонта. Хлопнул дверью, понял, что оставил ключи на зеркале, вернулся. Постоял секунду перед волшебной поверхностью: лицо помятое и небритое, глаза с красными прожилками и бегают, оправа на очках местами облупилась. Неумолимо приближалось тридцатипятилетие. Ну что ж, некоторые в моем возрасте уже лысеют.

Я не стал вызывать лифт и пошлепал кедами вниз по бетонным ступенькам, знакомясь по пути с шедеврами нецензурного граффити и образчиками неудачного гадания на картофельной шелухе и конфетных обертках.

* * *

В наш последний раз я встретил Костю в автобусе. Обычном рейсовом, отчаянно забитом «Икарусе», где меня прижали к щелям «гармошки» трое дурно пахнущих гастарбайтера и крашеная тетка необъятной толщины. Я ехал в офис пить растворимый кофе и флиртовать с бухгалтершами, с возможными вариациями на поедание пиццы и обсуждение диагноза моей машины, которая не то чтобы умерла, но уважать себя уже понемногу заставляла.

Из консервной массы тел появилась жилистая рука и хлопнула меня по плечу. Затем, скользя вдоль и даже где-то поперек объемной псевдоблондинки, в мой микромир выдавился Костя. Он был завернут в немыслимой пестроты пончо, на спине болталось гротескно маленькое сомбреро, а непослушные пшеничные волосы прихвачены красной лентой «а-ля Рэмбо». Он обаятельно улыбнулся тетке, извиняясь за вторжение. Тетка немедленно растаяла — когда хотел, Костя мог быть неотразимым. Было в нем нечто такое, широкомасштабное, робингудовское, смесь благородства, разгильдяйства и неожиданного бесстрашия, чем женщины на первых порах восхищались.

Мы попытались обняться, но в сложившихся условиях скорее просто позволили толпе плотнее стиснуть нас. После стандартных «А ты где?.. », «Ну, даешь!» и «Да так, помаленьку...» мы быстро поняли, что мне рассказывать совершенно нечего (а помнишь, ты все мечтал съездить на Кубу? Нет? Ага, был там в прошлом году — любопытное местечко...). И тогда начал рассказывать Костя.

Оказалось, он только что вернулся из Перувии, где, по его словам, назревало нечто кризисное. Я не слишком хорошо разбирался в политике, но Костя так смачно и интригующе живописал всю низость и продажность перувийской аристократии, идущей на коротком поводу у транснациональных компаний, что сразу же захотелось бросить работу, отрастить бороду, напялить бейсболку цвета хаки и уехать в прерии, защищать нарождающуюся демократию. Наш престарелый «Икарус» дергался и завывал, от скрипучей «гармошки» как-то вкусно пахло резиной и мазутом, Костя таращил свои и без того крупные глаза, похохатывая и излагая доктрину национал-культуризма в понимании некоего Альберто Гутиереса, вождя перувийских «революционариос». Я восхищался способностью своего одноклассника знать в совершенстве пять языков, цитировать по памяти Гомера и Кафку, писать иероглифами и в то же время виртуозно, легко и метко материться. Колыхающаяся рядом тетка благодушно улыбалась.

Из объяснений Кости стало ясно, что, несмотря на благородные начинания, у свободолюбивых коммандос Гутиереса рыльце было не только в пушку, но также и в текиле, кокаине и евродолларах. Вот как, заметил я. Да, вскричал Костя, ты же понимаешь, что именно этот сложный колорит девальвации песо, давления американских интересов, дождевого размытия русл пресноводных рек, массовой миграции перувийского истеблишмента с одной стороны, обнищания сельского населения северных районов — с другой, и создает отличные условия для резонансной активности клойдов!

Возможно, последнее слово Костя произнес чересчур громко. Крупная тетка вздрогнула, ее улыбка погасла; о чем-то бормочущие гастарбайтеры примолкли и покосились на нас; и вообще, мне показалось, что весь автобус как-то напрягся и притих. Клойдеров не то чтобы боялись или ненавидели, но старались избегать. Их репутация буревестников обычно делала их нежеланными гостями на любой вечеринке.

Костя как-то жалко улыбнулся: кажется, он уловил всеобщие флюиды

тревоги. Во мне проснулась дружеская солидарность, я откашлялся и отчетливо, окидывая взглядом весь салон, пригласил Костю вечером в кафе. Дескать, посидим, тряхнем стариной, можно и Артему позвонить, а? Расскажешь про своих клойдов, а я стихи почитаю. На что Костя, уже вполне совладавший с мгновенным приступом растерянности, дипломатично ответил, что непременно перезвонит. И что ему пора сходить, прости. И что был очень рад повидаться.

И он не перезвонил, а напротив, пропал на целую пятилетку. За эти годы в мире много чего произошло: взорвалась, зацепив осколками всю Панамерику, безумная революция в Перувии; телефоны превратились из тонких в гибкие и липкие; российские академики Старков и Майер получили Нобелевскую премию по физиоэкономике за доказательство теоремы Клойда; ну а мы с Ташкой успели сойтись, родить Генку и разойтись, так и не поженившись.

Впрочем, вру: кое-какие известия о Косте в этот период ко мне все же попадали. Первое заключалось в пространной, написанной путано и сложно статье в «Ассошиэйтед пресс», которую мне пришлось переводить по долгу службы года три назад. Речь там шла о прогнозе австралийских социологов (фамилии их я, конечно же, забыл через секунду после прочтения), предсказывающих катастрофическое падение производительности труда в Китае и Японии, грозившее неминуемым обвалом юаня. Австралийцы поначалу были весьма убедительны, но под конец понесли явную чушь, пытаясь связать индексы фондовых бирж Индокитая с графическими интерпретациями муссонных циклов в Желтом море. В огороде бузина, а в Киеве дядька! И я бы сразу выкинул газету в корзину, если не маленькая приписка курсивом в конце статьи: авторы выражают искреннюю благодарность русскому геологу К. Парамонову за предоставленные статистические материалы.

Второй раз весточка от Кости пришла не абы как, а через почтовый ящик. Год спустя после первого письма, машинально вытаскивая пачку бесплатной рекламы из жестяной коробки с номером моей квартиры, я ощутил под пальцами нечто плотное. Это была тонкая, но все же бандероль! В желтой оберточной бумаге, с настоящей сургучной печатью и множеством заграничных штемпелей. Адрес отправителя — ЮАР, Кейптаун, Вуртрекер-роад, Парамонов Константин. Занесло чертяку!

В конверте оказались дополнительно завернутые в пластиковый пакет небольшая, но чертовски хорошо изданная книжка стихов Льюиса Трункпа (известнейшего негритянского поэта), и письмо, написанное Коськиным почерком круглого отличника. Его я приведу полностью, полагаясь на свою память (единственное, на что мне никогда не приходилось жаловаться), тем более что текст невелик:

«Дорогой Михаил! Мишка, забодай тебя баран! Ты не представляешь, как я соскучился по тебе и нашему милому провинциальному городку! Извини, что пропадал столь часто и подолгу — такая работа, ничего не могу поделать. В оправдание скажу, что вспоминаю всех вас постоянно, и надеюсь, что однажды соберу всю шайку в лучшем ресторане города.

При встрече передавай привет Теме, Анджело и Петьке. Поцелуй от меня Ташу, если увидишь — целомудренно и без французских глупостей. Или не целуй — как хочешь.

Пишу тебе, фактически, сидя на краю Мыса Доброй надежды и болтая левой ногой в Индийском, а правой — в Атлантическом океане. Гальванические токи проходят сквозь мое бренное тело и вызывают побочное искрение мозговой коры — так что прости за сумбурный стиль. Что я делаю в Африке? Думаю, ты, как человек проницательный, уже догадался. Да-да, клойды разбушевались не на шутку, и я тут как тут. Если интересно, почитай тематическую прессу — похоже, что белое население готовит здесь настоящее восстание, все мои аэростаты и наземные зонды подтверждают это. Самому мне пришлось в целях маскировки загореть дочерна, чтобы не вызывать подозрений у местной охранки. Шучу. Нет, я просто постоянно ношу паранджу и закрытую обувь, а порой и перчатки. Не шучу ни капли. Словом, тут очень горячо, и мои фолианты растут, как на дрожжах. Надеюсь через пару лет оформить полноценную докторскую и получить массачусетский грант. Не потому, что престижно или деньги, а потому, что открывается доступ к некоторым штатовским лабораториям, подобных которым у нас просто нет. Я пока не знаю, как к этому отнесется РАН, но верю в лучшее.

Если ты спросишь меня, где я был эти два года, что делал, я смогу ответить коротко: пахал. Ей богу, никогда мне еще так не работалось, взахлеб, порою трудно, но дьявольски интересно. Пришлось, правда, поколесить по свету, бывал и в Португалии, и в Исландии, и в Гонконге, и еще много где; редко ночевал в одной гостинице дольше недели. Откуда деньги? Ха, если станут расспрашивать, скажи, что сдаю квартиру в Питере. Это почти правда. По понятным причинам, кое-каких подробностей я не могу раскрывать в письме, уж прости.

Знаешь, Мишка, я порой задумываюсь — к чему меня все это приведет. Порой мне действительно жаль отца, который искренне надеялся на мою карьеру дипломата, едва ли не прочил меня в консулы. Да, я мог бы стать консулом или даже послом. Ходить на приемы, кому-то вежливо улыбаться и врать, печатать отчеты, переправлять через границу секретные донесения в дипломатическом чемоданчике. Носить галстук. Жениться на своей переводчице. Ску-учно... И мама расстраивается, называет меня бродягой. Она вообще не понимает, что такое клойды, зачем они, какое отношение имеют к современному миру. А я не в силах объяснить. Ведь я даже тебе не в силах объяснить — хотя всегда признавал в тебе равного по интеллекту, уважал как друга и человека со светлой головой. Просто вся эта тема немного в ином измерении, мышление поперек, так сказать... Эх, Мишка, как бы мне хотелось порой взять тебя с собой, показать все свои записи, вместе посидеть на заре, когда розовый восход борется с уходящей грозой и все датчики зашкаливает! Знать все то, что знаю я, присутствовать при этом и не мочь ни с кем поделиться — это тяжело, поверь.

Я бы сказал — пиши в ответ, но ты и сам понимаешь: завтра-послезавтра мой обратный адрес уже поменяется... Телефон я не завожу, поскольку часто менять сим-карты слишком хлопотно. И потом, я нахожу необъяс-

нимую прелесть в обычной шариковой ручке и каллиграфических вензелях: это почти терапия. Есть и другие причины. Впрочем, у меня все еще есть электронная почта, я даже проверяю ее раз в два-три месяца, когда добираюсь до хорошего отеля. Адрес ты, я уверен, помнишь: «парамоша» и так далее... Расскажи про себя и город, если не лень.

Искренне твой, ни капли не загадочный Константин.

P. S. книжка стихов на английском, но перевод такой великолепный, что я не удержался и купил ее тебе. Оцени и сохрани! Как знать, быть может, однажды почитаем ее вместе...»

* * *

Через пару месяцев после получения бандероли я пошел пообедать в корпоративную столовку. Выбирая между ошпаренной курицей и каменноугольными котлетами, я предпочел жирно поблескивающий усталой вермишелью лагман. Балансируя подносом между увлеченно жующих коллег, я пробрался в самый угол тесного полуподвала без окон, посадил зад и отхлебнул водянистый компот. Кажется, им так и не удалось до конца размочить эти сухофрукты. Укрепленный на стене почти цветной телевизор надсадно хрипел международными новостями. И невольно вслушиваясь, я насторожился. Бойкий, стриженный бобриком корреспондент столичного канала вещал откуда-то из штата Миссури, где разгорался скандал с нападением на ряд зарубежных ученых. Упоминалась радикальная организация с говорящим названием «Ку-клукс-клойд», которой и приписывались эти акты насилия. Показали какой-то сгоревший офис, тело, накрытое простыней, потом толпы скандирующих манифестантов и полицейские дубинки. Затем на репортаж наехал кадр вежливого, причесанного на пробор ведущего, который поставленным голосом компетентно напомнил, что на прошлой неделе лидер мусульманской группировки «Аль-Сахеджа» призвал всех правоверных верующих не оказывать поддержки странствующим ученым-клойдерам, чьи исследования противоречат основным положениям Корана и являются контрпродуктивными. Ведущий хотел сказать что-то еще, но в этот момент по зданию отрубили свет, раздался дружный вопль разочарования мирно обедающих сотрудников и чье-то испуганное ойканье. Кто-то язвительно заметил, что боится в темноте есть сосиски. Трапеза была испорчена.

И все же вечером, уже сидя в домашних тапочках и не спеша потягивая светлое чешское, я прошерстил Интернет в поисках новостей по теме «Ку-клукс-клойд». Организация, разумеется, была скандальная, построенная по анонимному сетевому принципу, подобно тем группам техногенных анархистов, которые периодически пытались взломать сервера Пентагона и портили жизнь ядерным объектам Сирии. К моему облегчению, убитым в США ученым оказался какой-то датчанин, русских фамилий не упоминалось. Тогда я впервые осознал, что странная профессия Кости — не просто баловство или разновидность хиппи от науки, но нечто вполне весомое и вызывающее серьезное сопротивление влиятельных

людей. Потому что анонимные радикалы — это хорошо, но ведь кто-то им должен платить деньги...

Кажется, я даже написал на Костин электронный адрес пару писем, и кажется, они у меня даже получились. Там, конечно, не было стихов, но было много ностальгии и пространных философских размышлений о бренности провинциального бытия. Нет, пожалуй, ни черта они у меня не получились. Да и ответа я не дождался.

* * *

Но было второе бумажное письмо. Его я получил весной, буквально два месяца назад. И передала его мне, как ни странно, Таша. Как обычно, в воскресенье я зашел к ним погулять с Генкой, как обычно, с показным безразличием поздоровался с Андреем, крикнул сына. Из комнаты вышла Ташка, слегка располневшая за последнее время, но все еще очень аппетитная, и протянула мне листок бумаги. Пояснила, что это никакой не счет за садик, а послание от Парамонова (при Андрее она всегда называла Костю по фамилии). Причем послание это было вложено в конверт с обратным адресом московской академии гуманитарных наук, никакой фамилии Парамонова там не было — но предназначалось письмо именно мне. На мой вопросительный взгляд Таша только изящно пожала плечами и наказала проследить, чтобы Генка не снимал шарф.

В письме же было следующее:

«Привет, Мишка, это я, Костя. Буду проездом в городе, но не в этом месяце. Напал на мощный конгломерат, клойдов там не десятки, а тысячи или даже десятки тысяч. Сам с тобой свяжусь, так что не удивляйся, если что. Я сейчас буквально в центре воронки, пока не понимаю, каков алгоритм выхода. Но подозрения есть... Держи стихи при себе, это важно.

Парамонов.

P. S. Сожги письмо — на всякий случай».

Почерк был беспорядочный, создавалось впечатление, что писал Костя на весу или на коленке. Бумажка же, действительно, когда-то была квитанцией на оплату каких-то коммунальных услуг. Но вовсе не Костиных, а некоего гражданина Иберидзе М. Г.

Генка катался с горки, безбожно марая в песке новенькие штаны с подтяжками, а я мерз на скамеечке и размышлял о судьбе своего одноклассника. Письмо послушно сжег, попросив у проходящего опухшего мужика зажигалку. Бывшая квитанция весело принялась, мгновенно испаряя в атмосферу тревожные, непонятные, сложенные впопыхах слова. Со скамейки напротив две мамаши в пуховиках неодобрительно наблюдали за мной — вот еще, папа-растяпа, привел ребенка на площадку и бумагу жжет. Я попытался извинительно улыбнуться, и подкравшееся пламя немедленно обожгло мне пальцы.

Теорема Герхарда Клойда, того самого ненормального немца, что до тридцати лет успел заработать три миллиарда, а в тридцать семь решил, что прибыль и налоги — зло, распродал компанию, деньги подарил меди-

цинским фондам, переехал в Норвегию и начал жить там уединенно... так вот, эта теорема гласила, вкратце, что при определенных условиях множество отдельных гуманоидных личностей (читай — людей) выступает как описываемая математическим языком многомерная матрица; более того, некий функционал этой матрицы — опять же, при определенных условиях — способен прямо воздействовать на подобные же матрицы, но уже составленные из других элементов. Каких элементов, спросите вы? Спросите что-нибудь полегче, отвечу я. Может быть, кирпичей. Или деревьев. Или океанских волн. Или наборов шоколадных конфет в розничной сети крупного ритейлера! Поскольку Клойд неофициально считался сумасшедшим, большинство серьезных ученых не спешило вдаваться в его теории. В лучшем случае выкладки Клойда называли попыткой формализации философских рассуждений Вернадского о ноосфере. До тех пор, пока Старков и Майер не взяли и доказали теорему Клойда для ряда частных случаев — чисто математически. Да, случаи были частные, но доказательство верное! И свою Нобелевку они получили прямо под носом у некоторых ортодоксов, брызжущих пеной в сторону Клойда.

Чтобы не морочить вам голову своими дилетантскими интерпретациями скандальной теоремы, я лучше процитирую человека, чей авторитет в академических кругах непререкаем. Сэр Чарльз Брентон, профессор Оксфордского университета, доктор философии, в ответ на просьбу журналистов популярно пояснить теорию клойдов, ответил так: «Представьте себе Лувр, где на стене мирно висит полотно знаменитой «Моны Лизы» Микеланджело. Она, конечно же, слегка улыбается. Допустим, мы с вами каким-то образом пробираемся в начало шестнадцатого века и уговариваем Леонардо приопустить уголки губ Джоконде. Теперь она, бедняжка, явно грустит. Так вот, согласно Герхарду Клойду, в тот самый момент, когда Мона Лиза прекращает улыбаться, во Вселенной возникает небольшая, по меркам Солнечной системы, причинно-следственная, или, если хотите — информационная воронка, которая вращается и заставляет тысячи лиц на картинах тысячи художников, живших после Микеланджело, менять свое выражение. Портреты Ван Гога смеются и плачут, из-за зеленого яблока Магритта кто-то высовывает язык, Екатерина Первая показывает вам фигу... Более того, если они делают это сколько-нибудь слаженно, мы даже сможем с некоторой степенью точности предсказать изменения погоды в окрестностях Лувра или хотя бы Парижа. Звучит, конечно же, иррационально, но работы Старкова и Майера убедили нас в правдивости этих выкладок на примере залежей торфа в Западной Сибири и муссонных циклов в Индокитае».

Теперь вам все стало понятно? Уверен, что нет. Но похоже, что простая публика не смогла добиться большего от корифеев тензорного исчисления... Газеты и сетевые ресурсы охотно, к месту и не очень, публиковали фотографии престарелого Брентона, увлеченно иллюстрирующего свои пояснения жестами: седобородый сэр то натягивал пальцами улыбку до ушей, то печально опускал их под усами, то проделывал в воздухе магические пассы, изображая эту самую тензорную воронку. Судя по всему, дед развлекался от души.

Однако, несмотря на явный провал популяризации теории клойдов (так немедленно стали называть сами возмущения в пространственно-информационном поле событий, ведущие к взаимодействиям матриц... простите, это опять цитата!), наука, что называется, «нашла применение в народном хозяйстве». Более того, заинтересовались и военные. Поползли слухи, что при американском агентстве АНБ организован чуть ли не институт по изучению клойдов, что МОССАД забрасывает опытных клойдеров в сектор Газа, что на Тайвани создана секретная группа клойдеров-телепатов (по-моему, явная чушь), которая пытается контролировать такую же группу в Шанхае, но только без телепатических способностей.

Название «клойдер» постепенно обрастало скандальной славой, рядом со словом «клойдер» частенько можно было уловить фразы «вызвал катастрофу», «спровоцировал конфликт» или «разжег». Я представил себе милейшего, интеллигентнейшего Костю, разжигающего какой-то мировой пожар — даже костер — и понял, что все это точно не про моего друга. Никакой он не поджигатель, и не пожарник, и не факир — он, скорее, художник от науки, или, если угодно, фотограф от политики. Зная Костю, я предполагал, что его безмерно увлекает сама возможность созерцать какие-то живые, значимые события, чувствовать себя очевидцем глобальной истории. Но не просто зевакой, а скорее аналитиком, который знает и предугадывает малейшие изменения в раскладе сторон, в курсе этих роковых исторических «Титаников», которые бороздят мировой океан человечества, норовя то и дело напороться на предназначенный им айсберг...

* * *

Дождь сделал вид, что прекращается: из суетливо-панического, беспорядочного, брызгливого душа он превратился в солидную, размеренную и тяжеловесную капель. Одна такая капля метко шлепнулась мне на правую линзу очков, разделив мир на две части — резкую-графическую и размытую-акварельную. Я перепрыгивал лужи, потяжелевшими боками явственно ощущая, что мне уже не двадцать. Но сиренью во дворе пахло именно как в двадцать, когда я простаивал под окнами Ташки по полночи, не решаясь ни позвонить, ни уйти. Вспоминать это было и сладко, и неприятно.

Как я ни старался, на подходе к центральной площади кеды уже неблагородно похлюпывали, а джинсы потемнели по щиколотку. Да, перед мэрией были какие-то люди, человек тридцать — небольшая цветастая клумба зонтиков, полукругом высаженная вокруг компактной группы любителей летних водных ванн. Перед крыльцом администрации отважно мокли пятеро... активистов? Представителей... кого? Штрейкбрехеров? Зеленых? Я, признаться, мало интересовался политической жизнью города. Пятеро мокнущих что-то негромко объясняли толпе, никаких громкоговорителей у них не было. Неподалеку невозмутимо стоял наряд полиции в дождевиках, их рации периодически хрюкали, а с дубинок капала вода. На ступенях же примостилась съемочная группа местной телеком-

пании — оператор и камера под прозрачным куском полиэтилена, да еще хрупкая девушка в джинсах и с микрофоном.

Потом я заметил Костю. Он и еще несколько невзрачных на вид мужчин прятались под карнизом крыльца, подпирая розоватые колонны административного гранита. Костя тоже увидел меня и помахал рукой. Я аккуратно обогнул толпу под зонтиками и быстро забежал под сень портала. Проходя мимо телеведущей, услышал, как она негромким, но хорошо поставленным и неожиданным для тонкой фигуры контральто говорит в микрофон что-то о требованиях лидеров шахтерских профсоюзов...

Мы коротко пожали руки, словно бы виделись только вчера. Но это было не так: Костя прилично изменился. Некогда угловатое, всегда готовое улыбнуться лицо его порядком оплыло, появились мешки под глазами, наметились морщины. Волосы, как и прежде, были непослушны, да только на макушке их осталось совсем немного. Неужели пьет? — подумал я и тут же решил, что это все-таки усталость: в глазах у моего одноклассника светился хорошо знакомый мне огонек упрямства и легкой сумасшедшинки.

— Ты молодец, что пришел, — спокойно сказал Костя своим надтреснутым голосом, — стихи с собой?

Я молча продемонстрировал ему обрызганный дождем файлик. Он кивнул, потом долго, прищурившись, смотрел на небо. Там, похоже, замешивался весьма неаппетитный кекс из темно-фиолетовой тучи и горстки раскиданных по краям света серых клочков тумана.

— Зондов тут у меня, конечно, нет, — проговорил Костя как ни в чем ни бывало, как будто два часа до этого подробнейшим образом объяснял мне, чем он тут занимается, — но я связался со знакомыми ребятами из метеоцентра, они мне подкинули цифр по старой дружбе... Короче, Миха, будет буря, причем не из последних...

Я отлично чувствовал холодные мокрые носки; прожеванный сухой бутерброд настойчиво просил чая; но хуже всего было дурацкое ощущение своей полной никчемности на этом гладком каменном крыльце в этот неприветливый вечер.

— Слушай, Кось, — начал я, зябко поводя плечами, — ты мне расскажи вкратце, что за срочность такая у тебя произошла, зачем тебе мои стихи, зачем тебе мэрия и эти люди. Ты же понимаешь, я ни черта не соображаю в клойдах, в клойдерах, в клойдинге, или какие еще ботанические термины ты употребляешь. А еще лучше — вот послушай меня — давай пойдем куда-нибудь в кафе, где тепло и кофе горячий, желательно с корицей, где можно посидеть на мягком диване и совершенно никуда не торопиться. Вот за все эти годы, что ты уехал из города — когда нам еще удавалось это сделать?

Костя посмотрел на меня долгим испытующим взглядом, и на лице его тенью прошла знакомая мне легкая, ироничная и как бы сожалеющая улыбка, которая всегда означала, что он придумал какую-то шкоду, до чего мы, остолопы, без него никак не могли допереть. Улыбка прошла и растворилась, оставив на помятом лице лишь внутреннее напряжение и усталость.

— Может быть, и кофе, — непонятно ответил он, — но вероятность невелика. А стихи твои мы используем как якорную константу, да... Ты ведь не переписывал их со школы?

— Да я почти забыл про них, — честно признался я, — даже не знаю, зачем их храню вообще.

— А я вот не забыл, представь себе. И между прочим, некоторые были очень даже ничего.

— Да брось, — фыркнул я, — что хорошего может написать сопливый юнец семнадцати лет? Крылья, ангелы, гитара? Кровь, свеча и декольте?

— Вот-вот, — хихикнул Костя, лишь очерчивая улыбкой морщины, — видишь, еще помнишь. Нет-нет, Миха, что-то в них было, не спорь.

— В них были сопли, — упрямо кивнул я, — но какое это имеет значение? Ты собрался декламировать мои детские стихи перед администрацией?

— Я собрался оставить тебе наследство, — сказал Костя уже совершенно без улыбки, — и за это заранее извиниться. А что касается мэрии... тут просто много свидетелей, очень удобно.

Я поморщился:

— Знаешь, у меня всегда было плохо с кроссвордами и судоку; можешь говорить по-русски, без аббревиатур и иероглифов? Какое наследство, трах тебя тибидох?

— Имени Великого Космоса, я полагаю, — серьезно ответил Костя и, придвинувшись поближе, заговорщицки прошептал: — Ты еще помнишь наш секретный код? Восьмой класс, уроки химии? Квадраты, диагонали?

Я отодвинулся и внимательно всмотрелся в глаза друга: не пьян, но может быть, что-то курит? Кто их знает, этих перувийских гутиересов, на что они подсадили моего одноклассника в своих чертовых пампасах, или что у них там?

— Я полностью в адеквате, Михаил, — зло и с насмешкой сказал Костя, очевидно, разгадав мои мысли, — не смотри на меня так. Хотя, впрочем, наоборот — смотри именно так... да, точно: можешь, если хочешь, врезать мне по морде. Я серьезно, давай, двинь мне слегка, как будто рассердился.

— Ты сдурел, Кось? — растерянно покачал головой я, — что с тобой происходит?

— За нами наблюдают, — опять перешел на полушепот Костя, — и было бы хорошо, если бы мы прилюдно поссорились. Так ты помнишь код?

— Ну, что-то помню, — пожал плечами я, — семерной квадрат, кажется, и пары диагоналей...

— Молодцом, — кивнул Костя, — память — твое лучшее качество. Теперь вспомни-ка, книга стихов, что я присылал тебе из Кейптауна, еще сохранилась?

— Африканский поэт? Ну, должна была, я подарки не выбрасываю... — произнес я и тут же понял, что оговорка вышла неловкая.

Костя хмыкнул:

— Не красней, чувак, я лишь рад, что ты ее так и не прочел — так было нужно. Так вот, запомни: книга — это и есть кроссворд; а школьный код — это ключ. Помнишь, как переписывались на последней паре? Вот, оттуда и пляши.

— Куда плясать-то? — недоуменно спросил я, — что там, в книге?

— Мои выкладки, — серьезно прошептал Костя, — все сливки, все филе, все экстракты и эликсиры. И еще кое-что, что позволит тебе держаться в стороне. Я вот, к сожалению, не сумел... Все в сокращенном виде, но раскрутить можно. Но у тебя должно получиться, я много раз перепроверял.

— Я сейчас точно тебе врежу, — беззлобно и устало пробормотал я.

— Понимаешь, — продолжал Костя, не обращая внимания на мою реплику, — я выбрал тебя по нескольким причинам. Во-первых, я тебя хорошо знаю — и это главный комплимент; во-вторых, у тебя память; и в-третьих, ты не клойдер.

— Вот именно, — яростно прошептал я, — я не клойдер! Какого черта ты мне пудришь здесь мозги своими загадками?

— Я же сказал, — печально вздохнул Костя, — что заранее извиняюсь за все это... Но больше некому, Миша, больше просто некому.

Он редко называл меня Мишей — это должно было насторожить, но я был слишком растерян. Он опять отвернулся в небо, потом глянул на наручные часы — очень странные на вид, я успел заметить на круглом циферблате четыре расположенные крестом треугольных окошка, в которых мелькали светящиеся циферки.

— Еще пара минут, — напряженно возвестил Костя и посмотрел мне в лицо. Какое-то мгновение я принимал его взгляд, потом опустил глаза.

— Что за часы? — надо же было что-то сказать.

— Не часы — ядруканс, — нетерпеливо пояснил Костя. Ну конечно же, я должен был знать это название с детства, разучивать его на пионерских линейках и прописывать в тетрадках каллиграфическим почерком. Ядрукансы поют романсы? Черт бы побрал этих клойдеров!

— Помнишь, я писал тебе про массачусетский грант? — вдруг спросил Костя.

— Ну, что-то припоминаю...

— В общем, чувак, мне его, видимо, не получить... Дай сюда тетрадку.

Я послушно протянул Косте файлик. Он еще раз бросил взгляд на свой «ядруканс», чем бы это ни было, не спеша извлек из папки плоды моих школьных воздыханий, файлик вернул мне.

— Ты козел, Мишка, — отчетливо, громко и зло произнес Костя, разрывая мою тонкую тетрадку по корешку, — ты тупая, бездарная падла!

И прежде, чем я успел открыть рот, Костя рванул листки еще раз поперек и швырнул мне в лицо.

— Да что за... — начал было я, но Костя не дал мне договорить: он быстро шагнул ко мне и, сопровождая свои действия крепким словцом, резко толкнул в грудь. Да так, что я отлетел на метр и пребольно приложился спиной и затылком об колонну.

— Пошел вон отсюда! Я все знаю про тебя и про Ташку! — презрительно прошипел Костя, после чего сам круто развернулся и сбежал вниз по ступенькам.

И в этот момент подоспел драматический небесный аккомпанемент: сверкнула вспышка, молния прорезала площадь пополам, длинно и с рас-

становкой раскатился гром: дыщь-тыдыщь-рум-бурум-бурум-тыдыщь! Немедленно заорали сигналки всех припаркованных подле мэрии машин, где-то взвизгнула женщина.

От удара на глаза невольно навернулись слезы. Я смотрел в спину быстро удаляющегося Кости: серый плащ уже темнел на его плечах от усиливающегося дождя, левая штанина старых джинсов была неловко подвернута. Рядом со мной хрипло квакнула рация, и краем глаза я заметил, как поднес к уху рукав своего дождевика один из стоявших вместе с нами под карнизом мужчин.

От клумбы зонтиков перед крыльцом отделились два серых цветка, под ними прятались два комплекта одинаковых черных брюк и ботинок. Два зонтика энергичными шагами догнали Костю где-то у противоположного края площади, он приостановился. Из-за быстро мутнеющей пелены дождя я не видел лица Кости и тем более — лиц подошедших. Видимо, они о чем-то разговаривали. Потом подъехала черная «Ауди» с затемненными стеклами, один из мужчин сделал приглашающий жест. Все втроем — Костя и два серых зонта — они сели за заднее сиденье, машина отчалила и покатила в направлении улицы Весны, оставляя за собой небольшой, но уже пенный кильватерный след. Это был последний раз, когда я видел своего одноклассника.

Я подобрал обрывки тетради, кое-как запихнул их в папку и побрел домой. Было инстинктивно обидно и интуитивно тревожно. На затылке наливалась шишка. А ведь обещал коньяк, почти с ненавистью подумал я. Стараясь не думать про серые зонты, зашел в ближайший универсам и купил бутылку «Московского». Не «Наири», конечно, ну и черт с ним.

На следующий день, сидя в офисе и с отвращением попивая кофейный состав «пять в одном», я лениво просматривал местные новостные сводки. Весьма типичный репертуар: налетевшая на ночной город буря посрывала часть шиферного покрытия бюджетных пятиэтажек, жертв нет, нового шифера тоже; мэр торжественно перерезал ленточку на открытии свинокомплекса «Три поросенка» (я живо представил себе упитанных Нафа-Нафа, Ниф-Нифа и Нуф-Нуфа в парадных смокингах, поедающих фуршет); в стриптиз-баре «Бабка Ёжка Плюс» подрались работники кирпичного завода и таксисты, участников потасовки разнял тот же самый злокозненный ураган, вырвавших из рук дерущихся причину разногласий — банкноты. Таксисты и вольные каменщики погнались за рублями, и одного из них сбило троллейбусом. Одно сообщение было особенно экстравагантным: по свидетельству очевидцев, в районе пересечения проспекта Гагарина и улицы Тридцати трех борцов была замечена шаровая молния. Якобы светящийся шар неуточненной природы вылетел из подворотни, проследовал вдоль проспекта, громким электрическим треском распугивая поздних прохожих, после чего залетел в форточку на втором этаже здания местного отделения государственной службы безопасности. Спустя несколько секунд прохожие услышали громкий взрыв, а из окон второго этажа ГСБ повалил черный дым. Пресс-служба МВД подтверждает факт локального возгорания в здании ведомства, но ни о какой молнии

там не слышали — причина возгорания была чисто бытовой и пожар быстро потушили собственными силами бдительных работников. Жертв нет, а разрушений и подавно.

Я перечитал новость еще раз. Возможно... Всплыли в моей проклятой, такой непогрешимой памяти строки Коськиного письма: «... нахожусь буквально в центре воронки, пока не понимаю алгоритм выхода». Я увидел Костю, сидящего на казенном стуле перед лысым человеком в погонах, на стене — официальные портреты и грамоты, на столе — стопки папок. Человек в погонах что-то негромко спрашивает, Костя отвечает со своей отсутствующей полуулыбкой: в этот момент в раскрытую форточку тихо и плавно вплывает светящийся шар, невесомый и трескучий, двигается в направлении сидящих. Человек в погонах что-то кричит, хватает Костю за рукав, тащит к двери, но тот упирается, завороженно глядя на сгусток энергии. Полковник (да, это непременно должен был быть полковник) распахивает дверь, кого-то яростно зовет — и в этот момент вспышка, оглушительный треск, потом — темнота... Возможно, так оно и было; возможно, все было совершенно не так: мне в любом случае не узнать.

Тот офисный день длился особенно долго. А дома меня ждал недопитый коньяк.

Спустя несколько дней ко мне домой пришел вежливый молодой человек с красными служебными корочками (но вовсе не полковник, нет), и стал задавать поначалу весьма неопределенные вопросы про меня и Костю. Просил рассказать о нашей дружбе, о знакомстве с Таисией Георгиевной Безымянных, о заграничных поездках гражданина Парамонова. Когда я так же вежливо поинтересовался, чем вызваны эти расспросы и не случилось ли с Костей «чего», он лишь рассмеялся и уверил меня, что с Константином Петровичем все в порядке, но, увы, всех деталей своей тематики он, по понятным причинам, раскрывать не может. Такая работа, извините! Так вы следователь, предположил я, ничего толком, разумеется, не рассмотрев поначалу в его корочках. Нет-нет, уверил он, я лишь специалист научно-технической службы. Вы ведь не будете из-за этого отказываться от сотрудничества? Да нет, пожалуй, пожал плечами я. Замечательно, обрадовался он. А кстати, из-за чего вы поссорились с Константином Петровичем, можно поинтересоваться? Я объяснил. Он серьезно покивал головой — да, дела сердечные бороздят такой глубокий след в нашей жизни, вы абсолютно правы... А не оставлял ли Константин Петрович каких-то вещей или записей на хранение? Нет, честно отвечал я, только книжку присылал из Южной Африки, можете сами взглянуть. Службист долго и внимательно рассматривал сборник стихов незабвенного Трункпа, великого южноафриканского гуманиста, подло замученного в застенках сомалийского гестапо; цокал языком, признавался, что даже с его скромным знанием английского горячие строки пробирают до глубины души. Я дипломатично согласился. А вы сами стихи пишете, как бы невзначай поинтересовался уже на пороге. Уже нет, признался я, так, баловался по молодости, чистой воды графомания,

не о чем говорить. Скромничаете, погрозил он мне пальцем и с обаятельной улыбкой распрощался. После него в квартире остался запах крепкого одеколона и почему-то сыромятной кожи. Последнее, видимо, померещилось.

Ну, а потом грянули Карельские события, и всем стало как-бы не до клойдов. Европа трещала по швам, и Пакт о Третях заставил многих пассивных созерцателей живо заинтересоваться политикой. Волны эмигрантов захлестнули Прибалтику, Германию, Польшу, Беларусь и, конечно же, Подмосковье. Швейцария закрыла границы, приостановив действие шенгенской визы. И среди многочисленных репортажей с засыпанных пеплом улиц Питера, Осло и Хельсинки никто, наверное, не обратил внимания на короткий некролог, тиснутый в центральной прессе от имени РАН: сожалеем о трагической гибели доцента СПбГУ, доктора геологических наук, бла-бла-бла, Константина Петровича Парамонова, который долгие годы работал на благо бла-бла-бла, посвятив свою жизнь изучению перспективного направления физиоэкономики и теории клойдов... осуществлял работы в горячей точке под Петрозаводском в рамках государственной программы бла-бла-бла... его группа попала под одну из первых волн так называемого «Онежского цунами»... почти не оставил после себя монографий или записей, полностью отдаваясь практической деятельности...

Помню, что я отложил газету и долго сидел в тупом, сером оцепенении. Что-то ворочалось в голове, что-то тяжелое и неудобное, и я понимал, что от него не избавиться анальгином. Я вспоминал, как мы с ним писали хокку наперегонки — на уроках истории, конечно. Я мог бы вспоминать такие вещи целыми днями. Потом я прошел на кухню, где на полочке рядом с макаронами стыдливо притаилась бутылка чего-то, купленного еще вчера. Взял ее, скрутил пробку, поднес к носу: заманчивый, гадостный запах. Мне стало противно, и я аккуратно вылил содержимое бутылки в раковину. Потом помыл посуду и даже, кажется, убрался. С каждым движением в голове становилось все яснее. Что-то просилось наружу, как давным-давно зачатый, но забытый и почти рассосавшийся нежеланный ребенок. Ну же, не сопротивляйся...

А потом — щелк! — все стало на свои места. Помните это банальное — что в критические моменты перед глазами человека проносится вся его жизнь? Так вот, у меня было по-другому. Как будто я заснул крепким летаргическим сном — лет этак в тринадцать-четырнадцать, когда все мечты значили столько же, сколько и реальность — а проснулся только сегодня. Больше двадцати лет протянулись в режиме пленочного негатива, все вывернуто наизнанку, все неуместно и скомкано. И вот закончилось.

Я порылся в пыльном ящике для инструментов и выудил оттуда старую, поцарапанную, но мощную лупу. Достал с полки томик неподражаемого Льюиса Трункпа (я понятия не имел, почему же он столь неподражаем), положил рядом чистый блокнот и ручку. Семерной квадрат и две диагонали — этот нехитрый криптографический прием позволял нам безнаказанно списывать контрольные по химии и алгебре под носом у преподавателей. В сущности, и лупа-то была не нужна, просто с ней удобнее.

Я поднял книжку и отвернул против света первую страницу. Ничего — понятно, обычная мера предосторожности. На второй странице уже кое-что было — несколько светлых, едва заметных светящихся пятнышек. Наколотые тончайшей английской булавкой, они не могли броситься в глаза тому, кто не присматривался специально. Буквы прокалывались по квадрату, орнамент которого задавался первыми семью литерами текста, ну а дальше «наколки» уже соотносились с порядковыми номерами букв русского алфавита. Технология примитивная, но действенная. Я переписал символы и позиции, провел вычисления, записал результаты. Я покрывал страницу за страницей блокнота и к полуночи сумел расшифровать только треть книги. Послание от Кости вполне помещалось в этой трети, далее шли формулы, библиотечные коды, комментарии и ссылки. Вот что он мне написал (все знаки препинания и разбивку на абзацы я добавил по своему усмотрению):

«Привет, дружище. Я знаю, что в английском ты не силен, и негритянские стихи — вовсе не твой конек. Книжка должна была пылиться до лучших — или худших времен. Раз ты добрался до шифра, то что-то произошло. Не исключено, что со мной. Но это не так уж важно: ты можешь или сжечь эту книженцию, или раскусить орешек до конца. Это очень простой выбор, и тебе предстоит его сделать. Видишь ли, когда я более или менее понял, с чем связался, было уже поздно: моя индивидуальная матрица навсегда сцепилась с потоком клойд-заряженных событий, и я стал меченым. Ты вполне можешь этого избежать — если внимательно прочтешь и осмыслишь все, что я тебе оставляю. Если пожелаешь, я научу тебя, как оставаться незаметным, не втягиваясь в эпицентр воронок, и относительно спокойно наблюдать происходящее — и даже где-то контролировать его. Не скажу, что это очень просто, но привыкнуть можно. Мы оба с тобой не дружили с математикой, и уж если я справился, ты тоже сможешь. Прочтешь пару учебников по алгебре и матричному анализу, память у тебя не чета моей.

Тебе совсем не нужно знать, почему со мной случилось то, что случилось. Если бы я здесь подробно рассказал тебе всю историю своих путешествий и взаимоотношений с солидными и скучными дядями в кожаных креслах, ты стал бы причастен. Сейчас твоя степень связанности с моею судьбой определяется только периодом юности, и с каждым годом будет лишь слабеть. Так что расслабься и не вздумай ворошить грязное белье.

Теперь о деле. Если ты замыслил спалить книжку в пламени забвения, дальше читать настоятельно не советую.

Сами клойды — всего лишь очередной закон природы, или, скорее — неожиданный побочный эффект от столкновения нескольких законов. Нет в них ничего загадочного или волшебного, это просто технология. Ею можно овладеть или пренебречь. Лично для меня они были глотком свободы: исследуя их, я позволял себе бессовестно пренебрегать общественными договорами, не заботиться о налогах, плевать на границы и межправительственные соглашения. Я парил над пустынями и горами, как кондор, я был полезен многим и не должен никому. По крайней мере, я так

считал. Как видишь, Великий Космос посчитал по-другому. Тебе должно повезти больше — но чем клойды станут для тебя, я понятия не имею. В какой-то момент тебе может показаться, что ты настоящий маг. Я, например, более-менее уверенно научился вызывать грозу и еще кое-какие эффекты по мелочи. Волшебство? И близко нет. Всегда помни, что это иллюзия, поскольку сила противодействия материала будет равноценна приложенной: за все приходится платить. И все же вдохновляющие моменты будут, это я тебе обещаю.

Честно говоря, я завидую. Тебе и тем, кто научится клойдингу лучше, чем это удалось мне или самому старику Герхарду. Знаешь, он совсем свихнулся в своей Норвегии — или очень ловко притворяется, даже и не знаю. Точно могу сказать, что ему очень одиноко. Не будь таким, ладно?

Будь аккуратен. Много неприятных людей — как наших, так и не очень — захотят заключить с тобой контракт, а еще лучше — взять в рабство. Уверен, ты и сам об этом догадываешься. Следуя моим алгоритмам, ты не вызовешь подозрений и связи будет трудно отследить: но язык-то у тебя длинный, я это хорошо помню. Поэтому помалкивай. Тренируйся только за городом — для начинающих крайне сложно сосредотачиваться среди людей или сложной электронной техники. Избавься от телефона, а все расчёты проводи только на бумаге. Знаю, звучит религиозно, но поначалу это необходимо.

Предполагаю, что порой тебе придется сталкиваться с другими. Меня, как ни парадоксально, клойдеры всегда раздражали: все они были истеричными и самовлюбленными эгоистами. В лучшем случае — надменными занудами. Будь с ними осторожнее: они могут быть как раз из тех, кто уже заключил контракт. Я бы им не доверял.

Вот и все, дальше — только наблюдения и факты. Глупо говорить это взрослому мужчине, но вот мой главный совет: старайся трижды обдумывать последствия всех своих экспериментов. Даже не будучи в радиусе воронки, ты можешь вызвать побочную реакцию в другом слое событий и там-то оказаться в точке бифуркации. Первая заповедь клойдеров: не балуй. Это шутка, но ты понял.

P.S. я видел фотографии Генки у Таши на страничке: он классный. Я бы на твоем месте гордился.

P.P.S. забодай тебя баран».

* * *

Помню, что солнце было похоже на подсвеченную снизу глазунью: плавилось и манило. Апельсиновым подбородком оно утопало в уже и так изрядно нагретом море, оттуда к нашим ногам протянулся алый язык. Небо готовилось стыдливо покраснеть, но мы не делали ничего плохого. Просто держались за руки и смотрели на волны: они были мелкие, мирные, робко терлись о наши ноги и игриво крали песок между пальцев. Ее кожа была темна, и я чувствовал себя настоящим бледнолицым — несмотря на вполне приличный, укрепившийся за полгода кубинский загар.

Она была красива, эта дочь Кубы, потомок каких-то безумных революций и суровых барбудос. Нас познакомил Дэн Айронхед — пронырливый, очевидно хитрый американец откуда-то из Сиэтла. Кажется, журналист. Непременно пошлю ему бутылку, как доберусь до отеля. А лучше сразу ящик. А еще было бы неплохо подробнее расспросить его про эту затею с Фондом имени Парамонова — но аккуратно, не светясь и демонстрируя полнейшее незнание тематики. За семь прошедших с момента гибели Кости лет я отлично научился делать это. Я вообще многому научился.

Ромовый фестиваль бушевал далеко позади нас, карибские ритмы и гавайские расцветки электризовали глаза и уши — но она была серьезна. Она почти всегда была серьезна, без этой латиноамериканской легкомысленности и тропической лени: за это я и полюбил ее. За это и за то, что мы поняли друг друга с первых же минут. Мгновенно поняли, что оба — вольные стрелки, поняли, что нет за нами никаких контрактов, поняли, что одинаковые. А если я ошибаюсь? Я — могу; а вот клойды просто не умеют...

— Сегодня обещали ливень, — заметила она, искоса глядя на меня и лукаво улыбаясь, совсем чуть-чуть.

— Но его не будет, — спокойно ответил я.

— Нет...

И она прижалась к моему плечу щекой. Становилось душно. Мы, не сговариваясь, попросили ветер.

Об авторе

Настоящая фамилия – Алексеев. Родился 1972 г. в Красноярске, где и проживает. Окончил Красноярский Государственный университет по специальности математика (логика), в данное время работает в родном городе журналистом-редактором. Писать фантастику и прозу начал в 2003-2005 гг. Фантастические рассказы публиковались в сборниках «Медный век» (Екатеринбург, 2014), «Кото-собачий разговорник» (Санкт-Петербург, 2015), этой осенью выйдет сборник фантастических рассказов красноярских писателей «Нерассказанный сон» (Красноярск, 2015); дипломант красноярского краевого литературного конкурса им. И. Рождественского (поэзия, проза, гг. 2014 и 2015).

Владимир Лукановский

Океан надежд

— Позвольте представить вам выдающегося и непревзойденного писателя. Да, это Ян Искусный, автор пятнадцати (или шестнадцати? — неважно) бестселлеров, причем, вышедших подряд. А главное, всегда, я повторяю — всегда точно знающего желания читающей публики, сто процентов попаданий! Такой интуиции завидуют все маркетинговые службы всех ведущих корпораций, торгующих всякими побрякушками! — говорящий захихикал, но для этого ему пришлось прервать поток своей пьяной речи. Это привело к безвозвратной потере инициативы.

Годы успеха выработали в писателе сдержанность — он не стал реагировать на колкость пьяного выскочки, с ним он разберется позже с помощью знакомых издателей и критиков. Вместо этого Ян аккуратно приобнял спутницу хихикающего оратора, оттеснив того плечом, и завел с ней вежливый разговор, чередуя банальности с комплиментами и легким флиртом. Девушка не была красавицей, но чем-то привлекала, может быть гибкой, почти кошачьей грацией, а может прямым, внимательным взглядом удивительных глаз. Похожие глаза, тогда еще начинающий писатель, уже видел. Четырнадцать лет назад глаза цвета темных малахитовых прожилок так же внимательно рассматривали его.

— Скажите, Ян, как вам все-таки удается столько лет подряд угадывать настроения людей, писать о том, что им интересно, чего они ждут? — прервала девушка поток банальностей. — Почему никому другому это не удается с такой завидной регулярностью?

— А, вы тоже хотите стать писательницей, хотите знать секрет, — Ян подмигнул и погрозил пальцем, — у меня много знакомых, я мог бы ...

— Я не хочу писать.

— Ну, раз конкуренция с вашей стороны мне не грозит, возможно, стоит вам сказать, — писатель сделал еще одну попытку перевести разговор в шутку, но наткнулся на серьезный взгляд. — Океан надежд — неисчерпаемый источник.

Говорить он этого не хотел — уж слишком пафосное высказывание для беседы с молодой девушкой. Но отреагировала она неожиданно: широко раскрыла глаза, не удивленно, а понимающе, как будто давно ждала именно этих слов, и слегка улыбнулась. Девушка хотела что-то сказать, но тут писателя отвлек очередной знакомый с пресными поздравлениями. Когда Ян отделался от дежурной вежливости, девушки рядом не было.

Вечер шел своим чередом: живая музыка, напыщенные речи, крепкие напитки и шампанское, легкие закуски; злопыхатели и почитатели — куда без них, дежурные улыбки, завистливые глаза и пустая болтовня. В общем, атмосфера, к которой Ян Искусный — виновник торжества — не только давно привык, но и считал ее лучшим способом убить время. Но сегодняшний вечер был испорчен девушкой с удивительными глазами, а точнее ее внезапным и бесследным исчезновением.

Утро следующего дня выдалось до отвращения ясным, наполненным гомоном птиц и жужжанием насекомых. Ян не мог понять, как вся эта флора и фауна за окном может так беззастенчиво и даже нагло заниматься своими делами, когда у него не просто не было хоть сколь-нибудь важного дела, но даже мысли забились в самое далекое подсознание и вытащить их оттуда невозможно. Солнце, не способное рассеять пустую серость, раздражало.

Чтобы хоть как-то поднять себе настроение, писатель стал перебирать события двух недель — времени с момента выхода его последней книги. Воспоминания о бесконечной череде встреч, автограф-сессий, интервью для экстравиденья и банкетах результата не дали. С каждой новой книгой, неизменно коммерчески успешной, эмоции его слабели. Если после выхода в свет первой книги, Ян Искусный буквально купался в лучах славы, почти год наслаждался всеми радостями жизни успешного человека, то на этот раз двумя неделями он был сыт по горло.

Валяться в постели было так же тошно, как и встречаться с поклонниками или, скажем, выбирать новый дом или машину, поэтому Ян решил не шевелиться и попытаться сосредоточиться на какой-нибудь мысли. Это оказалось сложно. На помощь пришло внезапное воспоминание — глаза цвета малахита.

— Нет, слишком рано, — писатель перевернулся на другой бок. — Когда это было? Четырнадцать лет назад? Да, я тогда собирал материал для первой книги, так и не написанной. О чем я хотел написать? Хоть убей, не помню... Что-то про знахарей.

Ян сделал еще одно усилие вернуться к реальности — попытался припомнить, как звали обладательницу удивительных глаз. Но мысли, блуждая и виляя, снова убежали на четырнадцать лет назад.

Он был знахарем или колдуном, говорил медленно и уверенно, а Ян не мог оторваться от его темно-зеленых глаз. Писатель тогда был молод, сомневался, даже пытался высмеивать, но поверить хотел. И тогда колдун показал ему другой мир.

«И почему, собственно, рано. Он тоже мог ошибаться. А мне сейчас это просто необходимо». — Ян оживился и вылез из-под одеяла. Подготовка, хоть и не требовала особых усилий, всегда была волнительной — сердце часто и глухо стучало в ушах, голова слегка кружилась, ладони потели, а подушечки пальцев покалывало. Усевшись удобней на измятой постели, писатель глубоко вдохнул, прошептал какие-то непонятные слова и...

Другая вселенная, четвертое измерение, мир идей древних философов или мир духов северных племен — Ян так и не узнал, как называется это место. Он привык приходить в себя, как после обморока, привык к пере-

ключению картинок: только что смотрел на стену своей спальни, а теперь перед взором клубятся облака и виден далеко внизу лазурный океан. Но вот к чему привыкнуть так и не смог — к невесомости и отсутствию физических ограничений в передвижении.

Для того, чтобы восстановить подзабытые навыки, Ян сделал несколько петель и отсек несколько кусков от легкого облака. «Это как на велосипеде ездить — нужно лишь раз научиться», — подумал писатель. Настроения долго забавляться с облаками не было, и он стал определять свое местоположение.

Прямо под писателем колыхался Океан надежд. В первый визит в этот мир Ян нырнул в воду с безумной храбростью, но больше никогда этого не делал. Под спокойной поверхностью неслись, перемешивались и закручивались в водовороты, потоки эмоций, желаний и надежд миллиардов людей. Ян точно знал, что это чувства, пока еще не принявшие четкой формы, не сложившиеся в слова и образы; устремления, рожденные подсознанием.

С трудом подавив в себе желание повторить безумный прыжок в воду и раствориться в столь желанных и потерянных эмоциях, Ян стал вглядываться в горизонт. Там в легкой дымке виднелись острова. Но то были не обычные острова из камня и песка, не было там растений и животных. Тем не менее, они были пропитаны жизнью. Каждый из островов состоял из бесчисленных полупрозрачных сфер разных цветов, которые обладали своим магнетизмом, своей силой притяжения — рядом уживались только сферы с одинаковыми цветами. Кому как не Яну Искусному было известно, что каждый шар — это чья-то мечта.

С высоты были видны самые большие острова. На севере — серебристо-золотой Остров Богатства; рядом с ним такой же огромный, с высокими обрывами — серый Остров Власти. Заслоненный этими двумя великанами, расположился сравнительно небольшой, сияющий, как утренний луч, Остров Свободы. Именно здесь Ян Искусный первый раз проник в одну из сфер — так появился его первый роман. Тогда писатель еще читал письма, одно из них выражало благодарность и удивление, насколько точно произведение отвечало чаяниям читателя. После этого Ян перестал читать письма, а количество сфер свободы выросло, но не значительно.

На востоке располагались сразу несколько островов, цвет их менялся от голубого до фиолетового, тут были все оттенки синего. Самые большие — Остров Чуда, две трети сфер которого появились благодаря детям; и Остров Веры.

Остров Покоя, насыщенного болотного цвета, возвышался на западе и полностью закрывал от Яна изумрудный Полуостров Истины. Рядом с этими участками суши, как и в других местах океана, иногда поблескивали небольшие скопления сфер всевозможных оттенков и полутонов, но писатель никогда не изучал их внимательно — успех приходит через большинство.

На юге взгляд упирался в Континент Любви с протяженным бордовым Хребтом Страсти и обширной тёмно-розовой Равниной Семьи. Из облаков континент казался тускло красным, но Ян знал, что нет острова с большим

количеством оттенков. «То, что нужно»,— подумал писатель и ринулся к красной суше.

Приблизившись к континенту, Ян сбавил скорость и медленно опустился на черно-красные сферы берега. Тут писатель был многократно — хороший роман обязательно завязан на любовной истории, конечно, взятой из жизни. Береговые сферы когда-то пропускали свет, имели чистые красные оттенки, но были отравлены ревностью и многие стали почти черными. Несчастная любовь, мечты, дожидающиеся своей смерти — хороший материал для писателя.

Но сегодня Ян посетил этот мир не для того, чтобы собирать материал для нового бестселлера. Ему нужны эмоции. «Выпью яду, разочаруюсь, заболею и буду мучиться — хорошее начало. А потом найду чистый цвет и вылечусь, опять узнаю любовь».— Он подобрал подходящую сферу почти у самой воды. Но погрузиться в неё не успел — услышал какой-то шорох.

Слева по берегу на двух когтистых лапах кралась огромная тварь, вместо передних лап — два огромных серых крыла, которые, медленно двигаясь, издавали звук далекой каменной лавины. Ян Искусный называл этих местных обитателей горгульями. Они были в каком-то смысле утилизаторами — уничтожали мечты погибших людей. Звери поедали мертвые сферы, из которых выливалось содержимое и окрашивало их морды и переднюю часть туловища. Поэтому всегда можно было определить, откуда тварь — по цвету фартука.

Зверюга, с темно-красным фартуком, уставилась на писателя. Обычно горгульи долго разглядывали человека, после чего начинали беспокоиться и даже проявлять агрессию, но к этому времени Ян всегда успевал изучить три-четыре сферы и убраться подальше. Но этот зверь явно не в первый раз видел писателя: медленно приближаясь, горгулья шевелила крыльями и скалила клыкастую морду.

«Не успели забыть, вот почему рано»,— в панике подумал писатель. В то же время тварь задрала голову и пронзительно завыла, а через мгновение тишины со всех сторон раздались сотни таких же визгов, вылившись в чудовищную какофонию. По спине писателя пробежали мурашки. Он почувствовал, как животный страх сковывает его.

Ян попятился. Подняв взгляд к бордовому горному массиву, писатель увидел быстро приближающуюся стаю горгулий. Полет их был зрелищем фантастическим — скорость была сравнима со сверхзвуковым истребителем, при этом крылья двигались хоть и непрерывно, но крайне медленно. Из рук человека выпала сфера и отозвалась хрустальным звоном, от которого горгулья, подкравшаяся уже на расстояние вытянутой руки, шарахнулась в сторону.

Что могут предпринять разъяренные горгульи, писатель не знал, но, судя по огромным клыкам, ничего хорошего ему это не сулило. Воспользовавшись замешательством отскочившей твари, Ян сделал два больших прыжка и взмыл в воздух. Он надеялся оторваться от стаи за счет скорости, но понял, что просчитался. Вода проносилась под ним так стремительно, что превратилась в серовато-голубую ленту, а большие острова

проскакивали, как столбы мимо скоростной электрички. Стая быстро приближалась, все так же визжа и мерно взмахивая крыльями.

Впереди клубились черные облака — опасный, но все же путь к спасению. Задрав траекторию, человек ворвался в грозовой фронт как раз в тот момент, когда первые горгульи должны были настигнуть его. Влетев в плотные облака, Ян резко повернул налево и помчался вдоль границы бури. Прикрываемый плотной завесой, он с огромной скоростью уносился от стаи.

«Как я вас, глупые твари», — самодовольно подумал писатель. Но вдруг из облаков прямо на него вынырнула огромная горгулья. Единственное, что Ян успел заметить перед столкновением — удивленные глаза зверя, видимо тоже не ожидавшего встречи. Потом было легкое ощущение падения и мрак.

В голове разливались жгучие языки лавы — каждый, медленно пробивая себе путь, захлестывал нейронные цепи писателя эмоциями. Страх, жалость, гордость, радость и ненависть — общие для всего человечества и позабытые Яном Искусным чувства уверенно впитывались в его плоть. Писатель лежал на отмели крохотного островка. Открыв глаза, он медленно перевернулся на спину и всмотрелся в небо — гроза отступила к горизонту, а вместе с ней, видимо, и горгульи. Подняться на ноги оказалось делом не легким — купание в океане оказало эффект шокотерапии.

Вглядываясь в горизонт, Ян не различил ни одного острова, пейзаж был абсолютно незнаком. Под ногами, плотно теснясь друг к другу, лежали бирюзовые сферы разных размеров. Было в них что-то странное, они как будто мерцали, слегка меняли цвет. Всего сфер было около сотни, не больше, слишком мало, чтобы писатель интересовался ими раньше. Но сегодня он не искал популярности.

Поднять ближайшую сферу оказалось не просто — размером была небольшим, но весила значительно. Выглядела она весьма хрупкой, однако энергия и сила буквально пронзили Яна, когда он вгляделся в сферу: мечта маленькой женщины помочь обездоленным и спасти беспомощных.

Следующий шар был испещрен вставками из какого-то черного дерева, твердого, как камень, но все же серьезно потрескавшегося. Стремление человека и его народа освободиться еще исполнилось не до конца.

А сферу, лежавшую рядом, Ян побоялся брать в руки. Несмотря на чистый бирюзовый цвет, идеально гладкий шар буквально излучал опасность. Но все же он был защитником, благодаря ему излучение не вырвалось наружу, а силой его насыщало все человечество.

Эти сферы принадлежали уже погибшим людям, писатель определил это безошибочно, но горгульи не добрались до этого места, а значит, мечты еще могут осуществиться. Ян прошел по островку, добрался до противоположного края и тут заметил необычную сферу. Она была маленькая, словно съежилась до размера яблока, серовато-голубой, настолько тусклой, что отчаянно контрастировала с яркими красками острова.

Сфера удобно легла в руку — как будто всегда там была — и Ян почувствовал, что нашел потерянное. Да, это он сделал эту мечту серой и неприглядной. Он должен был сделать этот остров большим и ярким,

видным издалека, а вместо этого старательно тушил когда-то чисто горящую мечту.

Ян Искусный оглядел небольшой островок, шар в его руках начал понемногу светлеть. «Что ж, лучше поздно, чем никогда. И начну я с книги. А назову ее «Эра Миротворца».

Об авторе

Родился в 1985 г. в Свердловске (ныне Екатеринбург). Там же вырос и учился в УГТУ-УПИ, позже ставший Уральским Федеральным Университетом им. Ельцина, на Химическом факультете, специальность биотехнология. Сейчас живет и работает в г. Геленджике. Публикаций на данный момент нет.

Игорь Харичев

Если бы он проиграл...

— Шведы не пригодны для демократии. Приходится это констатировать. Похоже, Шведская Федерация — не та страна, которая может когда-нибудь стать настоящей частью Европы — с горечью проговорил Рольф Тоштендаль, известный шведский историк. — Мы — Азия. Люди восточной культуры.

Профессор Рольф Тоштендаль работал в университете Упсалы и жил здесь же, в Упсале, в старой части города. Это был худощавый человек семидесяти лет с лысой головой и в сильных очках с озабоченным взглядом. Он прекрасно говорил по-русски. Мы сидели в кухне его двухкомнатной квартиры с бутылкой хорошего французского вина. Он принял меня, гражданина Киевской Руси, весьма приветливо, согласился поговорить. Собственно говоря, именно для разговора с профессором я и прилетел в Стокгольм, а потом приехал автобусом в Упсалу.

— Профессор, ваш диагноз неутешителен, — мягко заметил я. — Есть ли для него основания?

— Самые серьезные. Я придерживаюсь такой точки зрения, что в жизни каждого государства есть поворотные моменты или, как иной раз говорят, ключевые точки на временной шкале, определяющие развитие на столетия вперед. На мой взгляд, таким поворотным моментом было Полтавское сражение. Для Швеции оно стало знаком того, что усилия Карла Двенадцатого по обретению статуса великой державы увенчались успехом, что позднее было закреплено завоеваниями на востоке и юге, а для России Полтавское сражение означало сотрясение основ великодержавия, которое со временем и вовсе было утрачено. Уверен, что если бы Карл Двенадцатый, а вместе с ним Швеция, проиграл бы, наша история начала бы развиваться по-другому. А так мы пошли по экстенсивному пути развития.

Это было крупнейшее сражение Северной войны между русской армией под командованием Петра Первого и шведской армией во главе с Карлом Двенадцатым. Оно состоялось утром двадцать восьмого июня тысяча семьсот девятого года в шести верстах от города Полтава на Украине. Разгром русской армии привел к перелому в Северной войне и началу господства Швеции на Севере и Востоке Европе.

От Полтавы Карл пошел на Москву, без особого труда захватив ее. После этого шведские войска двинулись в направлении Казани, которая тоже пала, вслед за тем был покорен Урал. Швеция обрела свои очертания в Европе, раскинувшись на территории Норвегии, Финляндии, Дании,

Польши, Белоруссии, но главное, России, вплоть до Черного моря и Уральского хребта. Петру Первому осталась только Юго-Западная часть Украины, которую назвали Киевской Русью и которая уже никогда не помышляла о расширении своих пределов. Зато Швеция, получившая к тому времени название Шведской империи, продолжила свои устремления на Восток. Вы, конечно же, все это знаете. Восемнадцатый век, присоединение больших территорий Сибири, Дальнего Востока, попытки их освоения. В тысяча семьсот восемнадцатом году умер Карл Двенадцатый, совсем недолго, один год правила Ульрика Элеонора, а заканчивали движение на Восток сначала Фредрик Первый, представитель Гессенской династии, а потом Адольф Фредрик и Густав Третий из Гольштейн-Готторпской династии. Швеция стала огромным государством, не случайно сменивший Густава Третьего Густав Четвертый Адольф сказал в тысяча восемьсот пятом году, что главная проблема Шведской империи — ее размеры.

Профессор Тоштендаль невесело улыбнулся, давая понять, что согласен с Густавом Четвертым Адольфом. Протянув руку, он взял бутылку, налил вина в широкие стаканы, поднял свой.

— Давайте выпьем за то, чтобы между нашими народами сохранялись нормальные отношения. Несмотря ни на что. По крайней мере, мне этого хотелось бы.

— Мне — тоже. — Я глотнул рубиновой жидкости: вкус был отменный. Французы не разучились делать вино. Слова «несмотря ни на что» прозвучали не случайно, в последнее время отношения между Шведской Федерацией и Европой стали весьма напряженными. Я еще выпил вина. — Значит, проблемы в размерах Швеции?

— Да, — профессор охотно кивнул, — размеры Швеции являются ее проблемой. Но далеко не единственной. На мой взгляд, огромной ошибкой Карла Двенадцатого было то, что он не отменил крепостное право на русских территориях после их вхождения в состав Швеции. Учитывая численность населения, проживавшего там, оказалось, что подавляющую часть подданных Шведской Империи составляли крепостные. К тому же, не говорившие по-шведски — его учили только дворяне. По имеющимся сведениям, Карл Тринадцатый в тысяча восемьсот одиннадцатом году, то есть на второй год своего царствования, поднимал вопрос об отмене крепостного права, но встретил яростное сопротивление со стороны помещиков и вынужден был отступить. А потом началась война с Наполеоном, о довоенных планах пришлось забыть. И только в тысяча восемьсот шестьдесят первом, после сокрушительного проигрыша в шведско-турецкой войне, когда стало ясно, что развитие страны зашло в тупик, Карл Пятнадцатый отменил крепостное право. На мой взгляд, это было сделано слишком поздно. К началу двадцатого века в обществе не успели сформироваться значительные группы, четко осознающие собственные интересы и готовые отстаивать их. Не было сколь-нибудь заметных зачатков гражданского общества.

Как известно, Карл Пятнадцатый хотел дать всем подданным конституцию, но не смог сделать это — столь высоко было сопротивление дворянства после отмены крепостного права. Пришедший после него на трон

Оскар Второй также воздержался от дальнейших преобразований. А потом случились вооруженные выступления в Стокгольме, в Москве, спровоцированные большевиками, и Густав Пятый, сменивший Оскара Второго в тысяча девятьсот седьмом году, вынужден был пойти на уступки: даровать конституцию и учредить парламент. Это способствовало началу нормальной политической жизни, а вслед за тем — расцвету экономики, но в тысяча девятьсот четырнадцатом началась Первая мировая война, отрицательно сказавшаяся и на экономическом росте, и на политической стабильности. Все это подготовило драматические события, разразившиеся в тысяча девятьсот семнадцатом году, которые начались в феврале отречением от трона императора Густава Пятого, а осенью привели к захвату власти большевиками под руководством Ленина. Вальдемар Ленин был на четверть шведом, еще на четверть — евреем и на половину — мордвином. Но он отстаивал совсем не идею превосходства той или иной нации. Он был ярким представителем коммунистической идеи, причем, худшей части этих представителей — большевиков. Тех, кто всегда старался давить меньшинство, кто привык действовать насилием. Особая ирония в том, что большевики насилием гнали народ в светлое будущее.

Мне трудно было сдержать усмешку.

— Дорогой профессор, я представляю, кто такие большевики. В нашей стране они тоже были. Хотя, к счастью, власть им не удалось захватить. В отличие от вашей страны. Я в общих чертах знаю, что было дальше. Разразилась гражданская война. Против коммунистов выступили монархисты и сторонники демократии. Было пролито много крови. Но большевики победили, после они стали строить свою коммунистическую империю. Перенесли столицу из Стокгольма в Москву, закрыли границу, отменили всю частную собственность, стали преследовать бывших дворян, офицеров. Потом непосильными налогами разорили крестьян и вызвали голод. А после этого железной рукой Леона Троцкого провели индустриализацию, попутно расстреляв уйму людей.

Профессор Тоштендаль оживился.

— Да, именно так. Вы, Андрей, хорошо знаете нашу историю. Конечно, ключевыми событиями были отмена частной собственности и попытки полного подавления государством человеческой индивидуальности. Если первое было сделать относительно легко, второе коммунистическая власть пыталась делать все семьдесят четыре года своего существования.

Дело вовсе не в Троцком и не в Ленине. Коммунистическая власть могла построить лишь тоталитарное государство с мобилизационной экономикой. Такая экономика хороша, чтобы строить танки и бомбардировщики. Но разве можно запланировать, например, сколько нужно красных женских туфель тридцать седьмого размера или серых в полоску мужских костюмов пятидесятого? Для этого нужна рыночная экономика, а она не бывает без частной собственности.

Вторая мировая война разразилась по вине нацистской Германии, мечтавшей захватить весь мир. Но она не представляла исключение. Союз Социалистических Республик Швеции тоже хотел захватить весь мир.

Поэтому я разделяю мнение, что если бы Германия не развязала войну, ее развязал бы Союз. Тоталитарное государство всегда агрессивно.

Хотя Союз готовился к войне, нападение Германии застало его врасплох, отсюда столько погибших в первое полугодие, отсюда столь долгое и масштабное отступление, в ходе которого были оставлены Стокгольм, Хельсинки, Петербург, Великий Новгород. Врага удалось остановить только на подступах к Москве, и то ценой огромных усилий. А потом были сражения на Юге страны, потеря Крыма. Немецкие войска дошли до Волги. И лишь невероятными усилиями нам удалось остановить врага, отбросить, переломив ход войны. Ошибкой немцев было то, что они хотели поработить Союз, превратить его население в рабов. Если бы они освобождали многонациональное население от коммунистического режима, они добились бы успеха. Но Гитлер и его окружение думали только о захвате чужой земли.

Победа над Германией стала возможна лишь благодаря созданию антигитлеровской коалиции, благодаря совместной борьбе с врагом. В одиночестве Союз не смог бы одолеть нацистскую Германию. После войны многие жили надеждой, что хорошие отношения между Союзом и другими странами останутся на долгие времена, может быть, навсегда. Но хорошие отношения быстро разладились, уже в сорок восьмом началась холодная война, обернувшаяся гонкой вооружений. Союз не успел восстановить разрушенную войной экономику, люди голодали, жили в нищете, а страна тратила ресурсы на танки, самолеты, бомбы. Некоторое потепление в международных отношениях наступило только после смерти Троцкого осень тысяча девятьсот пятьдесят пятого. Но гонка вооружений продолжалась, как и холодная война. Именно гонка вооружений подорвала экономику Союза.

Тут я не выдержал, прервал профессора:

— Уважаемый Рольф, разумеется, в истории нет сослагательного наклонения. Произошло то, что произошло, и иного не могло быть.

Профессор энергично помотал головой из стороны в сторону:

— Дорогой Андрей, ваша формулировка не точна. Всегда есть несколько возможностей для развития той или иной критической ситуации. Конечно, реализуется только одна из них. То есть, иное могло быть, хотя и не случилось. Поэтому правильнее сказать так: произошло то, что произошло, хотя были возможности для иного развития событий. Вот почему я говорю: если бы Карл Двенадцатый проиграл,— а это было вполне возможно,— развитие нашей истории пошло бы иначе. В этом случае Швеция на данный момент была бы небольшой страной, но весьма удобной для жизни. Скорее всего, мы, как сейчас Киевская Русь, имели бы развитую промышленность, выпускали качественные автомобили, самолеты, жили бы в добротных домах. И не знали бы никаких проблем с властью, с правами человека. Это было возможно. Только история пошла по другому пути. Реализовалась другая возможность.

Я не думал легко сдаваться:

— Но какая разница, могло это случиться или не могло? Это не случилось, и все тут.

Глаза профессора горели нетерпеливым светом, хотя голос по-прежнему оставался спокойным:

— Ну, как вы не чувствуете разницу? Невозможность и не реализованная возможность — это принципиально разные вещи. Историк обязан их различать, чтобы лучше понимать суть исследуемых событий, их подлинное значение. Чтобы находить те самые поворотные моменты, ключевые точки на временной шкале, которые определяют развитие на столетия вперед.

Если говорить о Полтавском сражении, то план шведского командования строился на внезапности атаки и на убеждении, что русская армия, также как и в битве при Головчине, будет пассивна в наступлении и в основном станет обороняться. План включал в себя два этапа. Первый — шведская пехота ранним утром под прикрытием темноты неожиданно для противника атаковала редуты и прорвалась в тыл русских в пространстве между их редутами, устроенными между Будыщанским и Яковецким лесами. Затем последовал удар шведской кавалерии по русской коннице, сосредоточенной за редутами. На втором этапе атаки шведы штурмовали русский опорный пункт, и одновременно с этим шведская кавалерия охватила его с севера, тем самым, обрезав пути отступления русским войскам, что в конце концов привело к их полному разгрому. Вполне могло быть так, что шведы не смогли бы захватить все редуты, например, третий, самый укрепленный. Или русская конница — драгуны под командованием Александра Меншикова — смогли дать отпор шведской коннице. Собственно говоря, один раз это произошло, и тогда Карл Двенадцатый приказал шведской пехоте двинуться на помощь кавалерии сквозь линию редутов, чем спас положение.

В ситуации, когда сражающиеся силы примерно равны, роль случайности становится решающей. И эта случайность может определить будущее страны. Я уверен, что если бы Карл Двенадцатый проиграл, история Швеции сложилась бы иначе. А так мы продолжаем тащить за собой непосильный груз проблем даже после того, как коммунистический режим пал. У нас по-прежнему громадная территория, на которой нет нормальных дорог, нормального жилья, у нас по-прежнему люди живут в ужасных условиях. У нас нет независимого суда. Но главное — нет нормальной экономики. Страна держится только на нефти и газе. Да, это дает многомиллиардные прибыли, но значительную их часть забирает себе узкая группа людей.

— И все эти проблемы Шведской Федерации порождены победой Карла Двенадцатого в сражении под Полтавой? — Великое сомнение наполняло мой голос.

— Нет, конечно. Корни многих проблем уходят в глубь веков. Но то, что развитие Швеции пошло по экстенсивному пути, определила именно эта победа. — Профессор на секунду замолчал, потом поднял на меня вспыхнувшие глаза. — Поворотный момент подобен железнодорожной стрелке. Она не создает поезд, она пускает его на тот или иной путь. И потом он движется по этому пути. — Рольф Тоштендаль опять протянул руку к бутылке, налил мне и себе вина. — Давайте выпьем...

Тут я прервал его:

— Профессор, простите, но я хочу сказать тост. Вы меня убедили. Поэтому предлагаю выпить за поворотные моменты в истории, за то, чтобы проходить их правильно. Я попробовал представить себе, что сейчас твори-

лось бы в нашей стране и как бы мы жили, если бы Карл Двенадцатый проиграл. То есть, если бы Петр Первый победил. Слава Богу, что этого не произошло. За поворотные моменты в истории.

Я коснулся моим стаканом стакана профессора и неспешными глотками выпил вино. Редакционное задание было выполнено — я взял интервью у профессора Тоштендаля. Мой взгляд устремился за окно — там раскинул свои улицы небольшой городок Упсала, находившийся на краю огромной страны рядом с ее давней столицей. Если бы не старый, заслуженный университет, о нем никто бы не знал. И мне подумалось: «Если бы он проиграл тогда, стал бы наш Киев столицей государства?..»

Об авторе

Родился в 1947 году в Куйбышеве (ныне – Самара). Окончил физфак Латвийского Госуниверситета, работал в НИИ в Москве, в Администрации президента РФ. С 2004 г. генеральный директор журнала «Знание-сила». Секретарь Союза писателей Москвы. Романы «Кремлевские призраки» (2000 г., новая редакция – 2011 г.), «Будущее в подарок» (2012), «Своя вселенная» (сокращенная версия – 2008, полная версия – 2015), сборник повестей и рассказов «Мы и Россия» (2013). Повести и рассказы публиковались в журналах «Кольцо А», «День и ночь», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Информпространство».

Фёдор Титарчук

Креативное Бюро Его Святости

— Привет гениям креатива и шутовства! — в помещение ввалился долговязый Алавур. Его напарник, невысокий, щуплый, но очень харизматичный Залибванг лишь махнул в ответ, катаясь в кресле на колесах и потягивая тягучий напиток смоляного оттенка.

— Загар у тебя прямо адский! Только вот нимб посинел... — заметил он. — Как отдых?

— Отдых! — упал в свое кресло Алавур. — О том остались лишь воспоминания.

— И? — утро рабочего дня в креативном отделе начиналось всегда скучно и уныло, потому Залибванг требовал подробностей.

— Пляжи преисподней — райский уголок! — процитировал он их общее с Залибвангом творение, некогда специально сочиненное для рекламы туристического бизнеса в преисподнюю.

— Неужто так же прекрасно, как в наших плакатах?

— Я бы сказал, что наши плакаты не отражают и сотой доли тех удовольствий, что способен предоставить туристу Ад.

— Ну, ты не путай туризм с иммиграцией! — рассмеялся Залибванг. — Надеюсь, грешницы еще в аду не перевелись? — подмигнул он коллеге.

— Этого добра там хоть отбавляй! — тягучая жидкость а-ля смола выползла из автомата и упала на дно чашки Алавура. — Развлечения на любой вкус! Узаконенная проституция со святошами и старыми девами, сафари на извергов или отбивные из языков словоблудов! Все десять грехов в исполнении! Не жизнь, а сладкий райский сон!

— Только вот нашей зарплаты на пару недель рая и хватает! — ухмыльнулся Залибванг.

— Не самое плохое у нас положение, — парировал Алавур. — Кризис. Поток свежих душ растет день ото дня, на Земле так вообще невесть что творится, так что не нам жаловаться...

— Это да, — согласился Залибванг. — Тут на днях, пока тебя не было, один из отдела рассмотрения жалоб прихожан — те, что жалобы по ячейкам, типа «на рассмотрение канцелярии Всевышнего», «на топку котлов», «вредоносная муть» и тому подобное, — пояснил, потягивая вторую чашку смолоподобной субстанции, Залибванг, — вдруг отцом едва не оказался.

— Ну и что тут такого? — не понял коллега.

— Да ты погодил, не перебивай! — отмахнулся Залибванг. — Приходит, значится, жалоба по их линии. Возносит мольбу некая прихожанка и гово-

рит что-то вроде: «Вошел в мои палаты небесный ангел и овладел мною! Говорил, что сын наш станет властелином мира...» И тому подобная чушь. В иной ситуации подобные обращения отправили бы на растопку котлов в преисподней, а тут новичок, из того же отдела, раз да усмотри в том опасность возможного прецедента, некогда имевшего место и приведшего... Ну ты знаешь к чему?

— Да уж, пришлось нам тогда попотеть с раскруткой «сына божьего». Как по мне — результат вышел превосходный!

— Так вот, углядел этот млодо-демон в том вероятную опасность, да и переправил все это «куда следует»!

— Да ты что?! — удивился Алавур. — Неужто туда? — он указал куда-то вверх.

— Именно! — подтвердил Залибванг. — А там, как понимаешь, шутить не любят.

— Да уж, Ежов, Мюллер, Берия да и железный Феликс не зря их тренировали...

— А у них был выбор?

— Это уже иное, — постарался вернуть в исходное русло разговор Алавур. — Что там с этим, лже-отцом?

— Разыскали вопрошавшую, допросили с пристрастием, отчего та сразу же по возвращении ушла в монастырь, уверовав в контакт с силами Ада, но вот папашу отловили...

— И?

— Им оказался мелкий клерк из того же отдела рассмотрения жалоб. Воспользовался, так сказать, служебным положением. При рассмотрении жалоб отбирал вот таких — набожных и глупых баб из глухих селений, изучал их образ жизни... — улыбался Залибванг, ему история казалась забавной. — Вот так и получалось — днем тихий незаметный клерк на третьеразрядной должности второсортного отдела, а ночью — маньяк-обольститель.

— О как! — удивился Алавур. — Запрет на сношения с земными никто еще не отменял! — резюмировал он. — В свое время мы много хлебнули от подобных инцидентов.

— Да если бы пошел он только по «Соблазнению опекаемых», то дело бы на том и закончилось, — подмигнул Залибванг. — Но Служба Божественной Безопасности и Произвола не может позволить мараться по таким пустякам. Потому парень пошел совсем по ином делу! — жидкость в чашке закончилась, и он с пренебрежением швырнул чашку на стол. — Здесь «Посягательством на трон и имя Всевышнего» попахивает. Так что, под вышку подводят нашего маньяка.

— Да уж, вышка — это наказание, которого я бы не пожелал и врагу, — содрогнулся Алавур. — Быть выброшенным в мир людей, в эту пучину страстей, необустроенности и произвола...

— Да еще и быть обязанным исполнять все божьи заповеди!

— Ну, уж это высшая мера несправедливости! — согласился Алавур. — И зачем мы их только тогда придумали?

— Так нужно было, — со знанием дела кивнул Залибванг. — Иначе концепция не складывалась полностью.

— Тебе виднее, — согласился с ним коллега. — С парнем-то что будет? Как ты считаешь, удастся ему выкрутиться? Или... вниз?

— Это демону-то вывернуться у ангелов из СББиП? Да не смеши ты меня. Они как заполучат в свои лапы демона, так...

— Я вот порой думаю, что уж лучше бы в СББиП демоны заправляли. С ними хоть договориться можно.

— Крамольные мысли тебя посещают! — взвился оратором Залибванг. — А меж тем все наши мысли и поступки, быть может, задокументированы в Небесной канцелярии.

— А если даже и так, то ничего я крамольного не произносил, — поправился Алавур. — Для протокола, — он выкрикнул куда-то вверх, издавая попутно хихикающие звуки. — Были времена, когда службой заведовали демоны... И справлялись...

— Ну, уж ты тут вообще загнул... — отмахнулся от него Залибванг, впрочем без каких либо опасений.

— А знаешь, какие в преисподней чертовки?! — забросив за голову руки, ударился в сладкие воспоминания Алавур. — Стройные ножки, упругие открытые ягодицы, ухоженные копытца. А глаза! Глазищи полные огня!! Не в пример нашим нимбоносным бледным пеганкам с васильковыми глазами.

— Это на любителя! — не согласился Залибванг. — Кому-то и вычурную святость подавай...

— Ну, уж точно не тебе! — хлопнул по плечу Алавур. — Кто из нас был женат на бесовке?

История супружества с огненноокой Жарин для Залибванга была больной темой, невзирая на то, что прошло уже два с лишним года. Их страсть длилась не долго, но оставила животрепещущую рану на сердце Залибванга. В итоге Жарин ушла к куратору их департаментом, с которым ее на одном из вечеров и познакомил Залибванг.

— Ну да ладно, — осознав свою оплошность, выправлял ситуацию Алавур. — Пока меня не было, что тут произошло нового?

Залибванг, потеряв желание шутить и делиться сплетнями, перешел к работе:

— Согласно данных аналитического отдела, рейтинг Его Святости, он же Всевышний, упал ниже красной черты. Все без исключения религии и идеологии теряют влияние среди паствы. Пряники вроде рая или коммунизма, обещания вечной кары или отсутствие денег в их мире уже не приводит людей к богу. Мир становится безбожным и скатывается в греховность.

— О! Истину открыл! — усмехнулся Алавур. — Рейтинг Его Святости падает на протяжении уже нескольких столетий. Жизненный цикл этой цивилизации уже перешел стадию насыщения и катится по наклонной, находясь в стадии спада.

— И там, наверху, сочли, — Залибванг указал пальцем в потолок столь многозначительно, что Алавур смолк на полуслове. — Сочли, что полумерами уже здесь не обойтись.

— Это как же не обойтись? — удивился Алавур. — Может, новую религию?

— Не пойдет! — отрезал Залибванг. — Помнишь, как мы с тобой когда-то разрабатывали первые примитивные религии?!

— А то! — рассмеялся Алавур. — Все эти поклонения восходящему солнцу и танцы вокруг тотема или костра. Да, были времена. Нас просто несло тогда... Мы только приступили, после старой команды... И работы было много.

— Человечество тогда было разобщено — это факт. Под каждое племя своя религия, свои верования, свои святыни...

— Но, признай, мы тогда и филонили много. Кальки на почитание солнца и божества ночи...

— Времени и сил не хватало, — согласился Залибванг. — А исследователи там, на Земле, теперь голову ломают, как так получилось, что в разобщенных племенах, никогда не имевших контакт меж собою, столь сходны верования и предания?

— Ищут прародителей. Сами изобретают легенды... Нам бы у них учиться надо. — шутил Алавур.

— Ну так просили же стажера и помощника из вновь представившихся в свое время... Не срослось.

— А как забавно с олимпийцами у нас получилось! — рассмеялся Алавур, ударившись в воспоминания.

— Да перепили мы тогда, — эта тема Залибвангу была не очень приятна. — Перепили, а проект горел. Срочно нужно было нарождающееся культурное общество направить в нужное русло...

— Вот и создали культ почитателей вина, женских красот и...

— И жертвоприношений! — ерничал Залибванг.

— Ну, если головную боль после похмелья на несвежее мясо списывали, — напомнил ему партнер. — И чья тогда была фраза: «Да гори оно все огнем!»?

— Да, забавно вышло. И что интересно, идею с первого раза и Совет подмахнул.

— Мы же с одной вечеринки тогда вернулись. В одном русле мыслили... — вспомнил Алавур. — Мне больше битва за атеизм запомнилась. Два года шел спор, не подорвет ли это веру в Его Святость? Не уведет ли в сторону? Не перехватит ли власть Бесовское Отрепье?

— Баталия была еще та, — согласился Залибванг. — Нимбоносные с пеной у рта отстаивали святость и непогрешимость Его Святости, копытная бесота напротив — требовала перемен и свобод для земной паствы...

— И получили мы то, что получили — компромисс, который не устроил ни кого, но зато был реализован строго по инструкции и потому давший самые непредвиденные результаты.

— Ну, это как водится! — согласился с ним Залибванг. — Помнишь, как в инструкции допустили неточность сказания о количестве пальцев для крестного осенения...

— Из-за мелкой опечатки на Земле война вспыхнула. Так что, новая религия не котируется?

— Не-а... — ехидничал Залибванг. — Аналитический отдел утверждает, что у населения Земли выработался устойчивый иммунитет на разного рода

религиозные и идеологические учения, поклонение «золотому кошельку», естественно, не в счет, ибо не возвеличивает Его Святость.

— Тогда концепт — благосостояние связано с верой в Его Святость...

— Деньги — это прерогатива того, чье имя не произносится...

— Тогда пророка или святого им!

— Последний из пророков окончил свои дни в психушке...

— А если региональную войну во имя веры?

— Да уже с пяток таких запустили. Воюют, а результат тот же...

Как-то не заметив того, от обычной болтовни они перешли к обсуждению рабочих вопросов.

— Социальное потрясение...

— Было. Возрождение задумывалось совсем иначе...

— И что?

— Устаревшая система рухнула и дала путь тому, что привело к падению веры и, как следствие, Его позиций. Так что Социальными потрясениями больше не балуемся. Табу.

— Тогда культурная революция?

— Было. Из последнего — сексуальная...

— Да уж...— Алавур вспомнил, как радостно потирали демоны свои волосатые лапы на заслушивании результатов этой активности. Тогда, говорят, Его Святость даже своих креативщиков заподозрил в сговоре с бесами и самим... Чье имя здесь старались не упоминать.

— Кризис мировоззрения!

— Да весь мир сейчас единый кризис. Одним больше, одним меньше — никто и не заметит...

— Новую псевдо-религию?

— Со старыми не знаем что делать. Да и с нарождающимися бороться случается.

— Природный катаклизм?

— Если таковой и будет, то с катастрофическими последствиями. Здесь все дело идет к...

— Ты о зачистке?

— О ней самой! — улыбнулся Залибванг.— И если мы тут не найдем решения, то все ею и кончится.

Последняя зачистка, вошедшая во многие религии как Всемирный потоп, был реакцией на потерю управления ситуацией. Кто-то готов был поспорить с таким решением, но принятое Там, оно не обсуждалось.

— Ты это серьезно? — не верил своим ушам Алавур.

— Серьезней не бывает,— подтвердил Залибванг.— Информация по самым проверенным каналам.

Алавур прекрасно знал все эти каналы. Очередная секретарша в одном из департаментов, проболтавшаяся при пикантных обстоятельствах. Алавур порой подозревал, что по количеству похотливых похождений Залибвангу больше подошло бы место где-то в бесовских пенатах, но рожденный «в свете», он оставался нимбоносным и служил в креативном отделе Его Святости.

Зачистка проводилась не впервой и каждый раз приводила к изменению

баланса сил как внутри иерархии, так и между силами нимбоносных и бесовских. Последние так и норовили перехватить внимание Его Святости, если и вообще не посягнуть на трон. Многие же специалисты, востребованные в присутствие мира, населенного достаточным количеством людей, оказывались ненужными и в лучшем случае сидели на минимальных окладах, ожидая изменения ситуации, а то и просто уволенными в один день. К таким отделам принадлежал и креативный, орудие Его Святости, мозг и источник идей, которые в иных условиях просто никому становились не нужны. В прошлый раз Алавур и его напарник как-то перебились, пересидели, изошли от скуки, даже придумали шахматы и рубились в них до потери сознания, но что будет в этот раз, — им было неведомо.

Сказать, что Алавур и Залибванг были на хорошем счету у Его Святости, стало бы преувеличением. Как существа креативные, порой балующиеся запрещенными препаратами, водящие связи с враждебным лагерем, принимающие временами от тех подарки и даже имеющие сношение с представительницами противоположного пола из бесовского отродья, они не по всем параметрам соответствовали той святости, что была записана во всех основополагающих документах канцелярии Его Святости. И пока они выбрасывали наверх нестандартные идеи, пока воплощали их в жизнь, им многое прощалось. Порой они оступались, грешили, разглашали, прелюбодействовали и срывали сроки. Ими часто были недовольны. Им ставили в вину их поведение. Их боялись за возможность очередного финта с рекомендациями на исполнение той или иной программы. Пара пророков, побывавших по их разнарядке на Земле, после этого грозились очень сильно их травмировать, и потому решением Его Святости тем было запрещено даже приближаться к Алавуру и Залибвангу.

Их не любили, как не любят неординарных выскочек, вносящих сумятицу в налаженную жизнь болота канцелярии Его Святости. Бесы на них собирали подробное досье, искали способы заполучить их, подкупить, скомпрометировать, очернить да замарать, — лишь бы те проводили вполне определенную политику. Одно время даже подымался вопрос, чтобы в группу ввести уравновешивающее количество бесов, дабы... Но Его Святость своим решением отверг эти поползновения, поставив на вид тому, чье имя здесь не произносится...

Так уж складывалось, что Его Святость, по понятным только ему причинам, относился к креативщикам покровительственно, но не все же однозначно, видимо, желая иметь под рукой хоть кого-то, кто может удивить его чем-то новым, внести разнообразие и поднять волну на том самом болоте канцелярии.

В случае же зачистки, когда будут приниматься решения о судьбах многих, скорее всего все вопросы по сотням тысяч служащих, больших и малых, будет отдано на рассмотрение отдела персонала, и те в первую очередь рассчитаются с ними. Алавур и Залибванг как-то имели неосторожность в проект создание церкви на Земле включить в исполнители и персональщиков. Те справились, положили тысячи своих адептов и люто возненавидели креативщиков. После увольнения, скорее всего, ими сразу же займется СББиП. Залибванг как-то умудрился поиметь отношения с дочерьми их

бессменного руководителя, и тот бы давно задавил Залибванга своими руками, если бы... А тут такая возможность...

Залибванг вздрогнул, представив эти бесстрастные голубые глаза...

«Нет уж! — взял себя в руки он. — Зачистке не бывать! Нужно решение!»

— И когда нужен ответ? — как будто прочел его мысли Алавур.

— Сегодня! — прошептал тот.

— Как это сегодня?! — удивлению не было предела. — А год-два на сбор информации, столько же на ее обработку... Провести тесты, плотные проекты, обкатать теорию... Подготовить презентацию? Когда это все делать?

— Здесь все намного проще, — усмехнулся горько Залибванг. — Им просто нужна идея. Хоть какая-то идея, которая может спасти ситуацию. Если таковой не окажется сегодня к четырем часам — пиши пропало. Говорят, Его Святость устал от человечества. От их мелких интрижек. От непослушания, от искажения его слова, от все...

— Выпороть...

— Порки уже не действуют. Ты и сам это прекрасно знаешь... Потому...

— Потому мы должны выдать на гора идею.

— И спасти человечество! — помпезно произнес Залибванг. — Есть идеи?

* * *

— Классика?! Да? — перешептывались Алавур и Залибванг, стоя у стены в зале заседаний.

— Конечно! — соглашался второй.

По их опыту, креативные идеи, взрывающие атмосферу их отдела на долгие часы, как правило, не были поняты «косноязычными и нетрезвомыслящими» (цитата) субъектами в креслах из человеческой кожи. Убедить в том, что сексуальная революция будет иметь свои плоды спустя несколько столетий, а не сейчас, как того требовали, или объяснить причину ряда неудач с проектами реакционного национализма, им попросту никогда не удавалось. Потому всегда «рулила» излюбленная классика — давно проверенные и всем понятные шаблоны, с каждым разом дававшие все больше и больше осечек, но от того не переставшие в головах ответственных лиц служить эталоном добросовестной и качественной идеи.

— Да ты сегодня просто красавчик! — ущипнула за ягодицу Залибванга Жарин. — Я уж подумываю, не вернуться ли к тебе?! — подмигнула она, прищурив свои огненные глаза. И покачивая упругими ягодицами, обтянутыми тоненькой юбкой из новомодного материала, привезенного с Земли, удалилась в сторону собравшейся группы «сильных мира сего».

Залибванг тяжело сглотнул. Его бросило в жар. Воспоминание о прошлом, о жарких ночах и днях ревностных терзаний вновь напомнили о себе. «Что не говори, а чертовки куда привлекательней нимбоносных!» — отметил он про себя, понимая, что реагирует сексуально, что ни в коей мере не подобало представителю его вида, вида нимбоносных. «Но что делать?! — успокаивал он себя. — Работая над человеческим материалом, создавая для них программы, которые должны привести к вполне определенным резуль-

татам, волей или неволей, но обязан погружаться в их мир, приобщаться к социуму и пропускать через себя все установки, руководствуясь которыми люди принимают решения». Это объяснение их уже ни раз выручало, когда подымался вопрос об асоциальном поведении, разборы пьяных загулов, общения с бесовским отродием и запросы на тестовое общение с душами только что преставившихся. Его Святость не то чтобы покрывал их, нет, он был недоволен, должно быть, даже более чем кто либо, но пока был результат и пока было на то волеизъявление Его Святости, им все сходило с рук.

— Не теряй голову! — не менее заворожено проводил взором Жарин и Алавур. Ходили слухи, что и он успел войти в списки ее почитателей, но эта тема никогда не подымалась в присутствии Залибванга, отмучавшегося с ней что-то около года.

Отбивая неспешную дробь ухоженных копыт модельной походкой, время от времени подчеркивая свое изящество движением хвоста с пушистой кисточкой на конце, она подошла к компании общавшихся демонов и нимбоносных, незаметно провела рукой по спине одного из них и практически сразу же вступила в общение.

— Хорошо, пускай будет классика! — не отрывая от нее взора, пробубнил Залибванг, хотя ему так и горело предложить свой вариант, который обязательно был бы отвергнут. Это он знал. Прекрасно знал, но нечто внутри не давало покоя, требовало сделать нечто в знак протеста.

— Вот и прекрасно! — похлопал того по плечу Алавур. Их местоположение в стороне, вне группы сильных мира сего, вполне было объяснимо. Как младшие специалисты, они не обладали теми регалиями, что и члены Совета. Но в силу своего положения и особого отношения Его Святости к отделу креатива, они выступали на Совете в качестве советников и главных разработчиков. Двойственность своего положения они прекрасно понимали, и эта двойственность сказывалась и на отношении членов Совета, вынужденных делить одно помещение с условно-допущенными. Отчего отношение к креативщикам здесь было не то чтобы прохладным, но уж достаточно натянутым. Элита не желала видеть в своих рядах кого-то, кто... Но их вынуждали. И свое скрытое раздражение этим фактом члены Совета, естественно, выплескивали в мелких пакостях в адрес именно креативщиков.

Помещение в одном из самых высоких зданий, находящееся в стеклянном пентхаусе, откуда открывался прекрасный вид на окружающий его Рай, на горизонте закрываемый клубами дыма, источаемые лежащим дальше и ниже пресловутым Адом, заполнилось присутствием Его Святости. Никто не мог похвастаться, что когда либо воочию видел Его Святость, но присутствие того ощущалось сразу же. Мгновенно добродетельное и прощающее присутствие вызвало трепет в каждом и все присутствующие, бросив сразу же свои дела и заботы, поспешили занять места за общим овальным столом. Гневить Его Святость было себе дороже, так как критерии оценки и логики Всевышнего коренным образом отличались от любой известной и были зачастую просто непостижимы.

— Предлагаю начать,— предложил Его Святость. Естественно ни кто из присутствующих не услыхал ни единого звука, слова родились в их мозгу.

Это было одной их тех причин, за которые члены Совета недолюбливали Залибванга и Алавура — при общем присутствии Его Святость имел возможность обращаться избирательно, к тем, кого считал компетентным в том или ином вопросе, не ставя в известность остальных. Естественно, каждый сразу же начинал подозревать худшее и ощущать себя ущемленным. Злиться и упрекать Его Святость не имело смысла — так прямиком и вылететь из Совета имелись все шансы, а вот вернуть свою обиду креативщикам — это завсегда пожалуйста.

— Повод нашей встречи ни для кого не секрет. Но чтобы мы все понимали, о чем пойдет речь, и ни у кого не возникло сомнения в необходимости принятия радикальных мер, прошу начальника отдела аналитики зачитать краткий доклад о состоянии дел на Земле и уровне управляемости происходящими процессами, — молвил Его Святость.

— Добрый день, уважаемые коллеги! — поднялся Цифирон, худощавый святоша, погруженный в себя и в свои вычисления, которые так и грозили вырваться из-за пары старомодных стекол, местившихся у него на носу. — Проведенный анализ нашим отделом предполагал сбор информации как в полевых условиях, так и путем опроса преставившихся на небеса...

— Спасибо за описание методики, — прервал Его Святость. — Прошу зачитать выводы.

— Да, конечно, — поперхнулся Цифирон. Его нимб сразу же стал красным от волнения. Аналитики, как и еще несколько подразделений, сплошняком состояли из нимбоносным, ибо доверия к коварным бесам у Его Светлости было немного. Не то, чтобы он им не доверял, — они были спецами в своем деле, нимбоносные в своем. Всем свое место и свои задачи.

— Интегральные показатели Человеческой добродетели и Лояльности поклонения уже давно не подымаются выше красного уровня, что свидетельствует...

— У Вас некорректные методики оценки! — возразил тучный демон, уже как сотню лет курирующий направление альтернативных религий и идеологий. Будучи воином в прошлом и по призванию, стараниями того, чье имя не упоминается, стал администратором, но своей воинской хватки и присущего демонам вероломства не утратил. Креативщики, разработавшие за последние сто лет ни одну религию и с десяток идеологий, результаты, к которым привело их внедрение в человеческие массы, видели исключительно в особенностях куратора и применяемых им методах. Куратор же все нападки в свой адрес отвергал напрочь, будучи демоном авторитарным и не терпящим возражений, он все списывал на человеческий материал, на ошибки, заложенные при разработке и планировании, а так же на козни иных отделов. Он вполне уверенно заявлял каждый раз, что его ошибок здесь нет, быть не может, и все является происками его врагов.

— Методики разработаны и опробованы уже на протяжении тысячелетий, — парировал Цифирон, не отрываясь от листа бумаги. — Напряженность за последние несколько лет выросла в полтора раза, вероятность полномасштабной войны приблизилась к отметке в семьдесят пять процентов, уровень религиозности и набожности упал до двадцати пяти процентов. Подавляющее большинство верующих приходится на традиционные рели-

гии племен, пребывающих в состоянии каменного века, удаленных от очагов цивилизации. В разрезе же цивилизационных групп, уровень набожности и готовности жертвовать собой ради Его Святости снижается год от года... Коэффициент корреляции между развитием существующих цивилизаций и падением веры равен девяносто восемь процентам...

— Это все хорошо,— прервал один из бесов, ни слова не понявший из сказанного.— Что из этого следует?

— Все предельно просто! — ответил ему нимбоносный Симон.— Мир катится ко всем чертям! — шутка понравилась присутствующим, и если бы не присутствие Его Святости, как всегда безэмоционального, то смех бы залил помещение.

— Это понятно,— присутствие здесь Гидивула, куратора сразу с полсотни проектов, в которых он понимал не более, чем в человеческих душах, объяснялось квотой того, чье имя не упоминается. Полная некомпетентность Гидивула в каких бы то ни было вопросах в полной мере компенсировалась его агрессивной натурой и абсолютной лояльностью тому, чье имя не упоминается.— Кто виноват? И что делать? — высокомерно бросил он.

— Ситуация зашла в тупик,— тем временем продолжал очкарик-Цифирон.— Все последние наши мероприятия носили больше косметический характер и их эффективность ниже любой критики,— взоры присутствующих сразу же устремились в сторону креативщиков, вжавшихся в кресла.

— Я бы не стал так критично относиться к работе креативного бюро,— вступился за них Моргул, куратор их проектов и теперь новый муж Жарин.— Парни не раз выручали нас, выдавая на гора идеи, менявшие мир и духовность в значительной мере... Думаю, у них и сейчас припасено нечто... Это так, Залибванг? Я прав, Алавур?

— Я вынужден настаивать на том,— Гидивул встал,— что мы зашли в тупик, и все попытки решить эту проблему как-то иначе, чем полной очисткой, приведет только к продолжению агонии.— Речь была столь не похожа на то, как излагал свои мысли косноязычный Гидивул, что у большинства присутствующих стали круглыми глаза и даже отвисли рты. Залибванг всем своим нутром ощутил, что говорит сейчас не глупый и продажный демон, а Сам, чье имя... Преображение Гидивула было столь значительным, что даже Его Святость напрягся, пристально рассматривая оратора, выискивая знакомые ему черты.

— Любое промедление — смерти подобно,— меж тем продолжал демон.— Я настаиваю на перезагрузке, очистке Земли от цивилизации, ввержение человечества в первобытный хаос и уже на основе этого построение нового общества, в котором будут отсутствовать те самые пороки, о которых...

— До боли знакомые мысли! — наконец подал голос Его Святость, и все присутствующие напряглись. В помещении запахло озоном и жареным.— Я думаю, следующим предложением будет изменение структуры существующих институтов, допуск к управлению значительного числа демонов и разделение власти с сами знаете с кем?!

— Я о другом! — ссутулился Гидивул, потрясая головой. Присутствие силы, контролировавшей его до того, исчезло, и он не понимал, отчего

взоры присутствующих здесь устремлены в его сторону и выражают нечто недоброе.

Сверкнула молния, зал заполнил грохот грома, и пышная шевелюра Гильдивула превратилась в оплавленный клок пакли.

— Я, я... — не понимал он. — Я же только... — опустился он на место, даже не притрагиваясь к испускающим тонкие клубящиеся струйки дыма волосам.

— Впредь подобное будет пресекаться исключением из Совета и изгнанием провинившегося на Землю! — пояснил справедливый громовержец, не объясняя, как водится, мотивацию своего поступка. Быть одержимым пред Его Очами случалось и ранее, но угроза ссылки на Землю, к людям, в их богом забытый мир, к грязи, к борьбе за существование, к копошащимся в бесполезных телодвижениях людишкам... Такое могло напугать кого угодно. И раз уж то было угрозой Его Святости, то ни обсуждению, ни обжалованию не подлежало.

— Предлагаю закончить с разбором ситуации, — поспешил сменить направление заседания Моргул. — И без того понятно, что мы в тупике. Налицо выход человечества из-под контроля Его Святости и, как следствие, упадок нравственности, гордыня, нарушение всех заповедей, норм и приличий, поэтому есть два мнения — провести очистку, как последний способ решения проблемы, либо прибегнуть к более тонкому и оперативному вмешательству, о котором нам сейчас поведают наши специалисты из креативного отдела. Как Вы помните, именно им принадлежат сотни идей, позволившие поднять человечество до уровня, которого оно в предыдущие разы еще не достигало. Не позволим же мы трудам наших тысячелетий вот так просто кануть в преисподнюю?! Я предлагаю использовать нечто альтернативное и эффективное, что, как меня заверили Алавур и Залибванг, имеется в их арсенале. Прошу предоставить им слово.

Красноречие — конек Моргула, благодаря которому он и поднялся столь высоко. Благодаря которому он так легко привязал к себе Жарин, благодаря которому он так же легко ввел ее в Совет и благодаря которому Залибванг и Алавур не раз выходили сухими из липких и грязных переделок. Но, увы, на сей раз у них чего-то действенного в арсенале не было, поэтому взял слово Залибванг:

— Уважаемые члены Совета, поклонение Его Святости, — прокашлялся Залибванг. Жарин одарила его горящим взглядом своих огненных глаз, облизала раздвоенным языком губы и подала вперед пышную грудь, проделав все это столь естественно и незаметно для окружающих, что Залибванг покраснел. Жарин, несмотря на то, что они давно расстались, порой заскакивала к нему, как, впрочем, и к десятку-двум иных. Ничего не поделаешь — женская бесовская натура. И если дело выгорит, то планы на предстоящую ночь и утро завтрашнего дня вполне определены у Залибванга.

— Ситуация, безусловно, критическая, — боролся он с краснотой и тяжелым дыханием. — Я немного волнуюсь, потому что использование чего-то нового, креативного и доселе неопробованного может и даст необходимый результат, но, скорее всего, будет иметь непредсказуемые далеко идущие последствия. — Он потянулся к стакану воды, и стакан сам, под-

чиняясь воле Его Святости, прыгнул Залибвангу в руку. Присутствующие переглянулись. Это была честь, которой удостаивались немногие. Расклад сил явно менялся, и каждый расценивал о своем месте и действиях на ближайшее будущее.

Жарин, почувствовав перемены, повторила свои соблазняющие манипуляции, что было сразу же отмечено большинством присутствующим, за исключением разве что Моргула.

— Я предлагаю прибегнуть к классической, многократно проверенной многоходовой активности, — все внимание было приковано к Залибвангу, отчего тот смутился еще более. — Культурное потрясение и уход цивилизации на несколько шагов, быть может даже десятков шагов, назад. К состоянию, в котором мы могли бы изменить вектор развития! — закончил он.

— Это примерно так же, как было с Римской империей и темными веками в Европе? — поинтересовался аналитик.

— Что-то похожее, — Залибванг кивнул, ловя волну. — Примерно то же, что было с Китайским миром, с Древними цивилизациями Нила, Южной и Центральной Америк. — Насчет Америк, это он зря ляпнул, так как там как раз все и не случилось, приведя к уничтожению цивилизаций как таковых. Но на то они и креативщики, друзья пиарщиков, находящихся примерно в таком же состоянии «обожания» со стороны совета, чтобы неудачу преподнести как свой грандиозный успех. К слову, с чем многие были не согласны.

— Да ну! — возразил Гидивул. — Это уже было! — махнул он рукой, ища союзников. — Все это уже было. Только оттягиваем развязку.

— Да вам бы, бесам, стереть человечество с лица Земли и остаться едиными любимыми творениями Его Святости, — парировал на это Моргул, и сам недовольный предложением, но коли сам Его Святость подал до того стакан воды креативщику, то пойти против них он не посмел.

Сам же Его Святость оторопел. Он ожидал чего угодно, но не старой истории с падением Римской империи, миллионах жизней, расцветом нескольких из самых одиозных религий, припасенных до того на черный день, веках темноты и убийств его именем... Но все же смолчал, выжидая продолжения.

— Суть проекта состоит в том, — продолжил Залибванг, — дабы на планетарном уровне устроить социальный взрыв. И мы это сделаем, если нам позволят. Мы подымем весь негатив, вскроем все незажившие раны, объявим пороки добродетелью, вознесем на пьедестал попрание целомудрия и доброты, мотивируем убийства, похоть, чревоугодие, ненависть и прочие смертные грехи. Возвеличим человеческую гордыню и подымем волну такого масштаба, что захлестнет все устоявшиеся цивилизационные центры, сметет их, покроет налетом грязи и человеческих испражнений. И только после этого, после того, как человечество откатится на несколько столетий назад, только после этого мы запустим процессы обратные. На возникшем навозе произрастут ростки того, что приведет следующие цивилизации к благоденствию и почитанию Его Святости как того, кто позволил им стать таковыми, — бойко закончил речь креативщик.

В зале повисло молчание.

— А в чем различие между этим и тотальной зачисткой? — поинтересовался куратор силовиков, который почуял массу работенки для своих ведомств.

— Многим! — уверенно отвечал Залибванг. — Мы не уничтожаем человечество и не стираем память о предыдущей цивилизации. Мы ее просто перезапускаем. Ломаем тупиковую ветвь, крушим стены и подпорки, которыми оброс мир сегодня, расчищаем место для нового строительства, но не убиваем в людях память, не истребляем их практически до малой группы, как то часто бывало ранее. Мы сохраняем их цивилизацию, но рушим их мир...

— Или наоборот, — поправил его Алавур.

Если вдуматься, то предложение не было столь радикальным, как его преподнесли. Ничего нового, лишь эффект масштаба — теперь участвовал весь мир, а не отдельные, пускай и значительные территории, в остальном — классика. Но то, как это все преподносилось, чувствовался некий полет мысли, креативность идеи и нечто взывающее к романтизации предприятия.

Его Святость задумался, бесы воспылали, чувствуя открывающие перспективы, нимбоносные напротив, почуяли предстоящую массу работы — им бы зачистить мир и ждать, пока все разовьется вновь, креативщики же вздохнули с неким облегчением — им удалось выкрутиться. Если предложение отвергнут, то им дадут время для подготовки нового предложения, а там как сложится...

Его Святость выразил определенные сомнения. Он ничего не говорил, но что-то в плане его смущало. Что именно, он не озвучивал, но стоило лишь первым симптомам сомнения появиться, как собравшаяся братия сразу же бросилась с критикой на мероприятие, которое тут же взяли под защиту идеологи и авторы — Алавур с Залибвангом. Им ставили в вину масштабность, на что те отвечали, мол, проблема масштабная и операция должна соответствовать.

Куратор силовиков посетовал, что в прошлый раз он потерял на Земле в психбольницах или от нервных расстройств более полусотни отборных агентов и потому... На что ему возразили, что, с одной стороны, нужно сделать соответствующие выводы о подготовке бойцов, с иной — потери на войне неизбежны.

Говорили об опасности выхода из-под контроля ситуации, что было парировано тем, что запустить чистку можно в любой момент, но попытаться спасти ситуацию — первоочередная задача.

— Меня в целом устраивает предложение, — спустя пару десятков возражений, наконец, вмешался Его Святость, и все возражения сразу же исчезли. — Как вы видите механизм реализации.

А вот с механизмом как-то вышло неудачно. Сама идея, как отметил Его Святость — неплохая, но вот реализация... Собственно, реализация всех «неплохих идей» как-то последние пару тысяч лет страдала.

— Мы тут думали, что может... — тянул время Залибванг в надежде, что решение само придет. И оно пришло, правда, не оттуда, откуда его ждали, и не то, которым хотелось бы хвастаться.

— Мы запустим святых! — взял инициативу Алавур.

— Святые — это уже пройденный этап,— вполне резонно заметил Цифирон.— Их эффективность...— он принялся сыпать цифрами, которые ни кто оспаривать и не собирался, как, впрочем, и слушать тоже. Использование святых в мире, где в них уже никто не верил — было давно признано неэффективным.

— Это нечто новое! — горел нимб Алавура.— Выслушайте, а потом решайте.

— Давайте дадим слово,— предложил Его Святость, и все сразу же не просто замолчали, а заткнулись и даже ерзать перестали.

— Мы запустим не одного Святого, или Пророка — это к обсуждению, а сразу двух! — он смолк, ожидая реакции, но так как реакция произведена не была, то пришлось продолжить.— Сразу два пророка. И оба не крайности, как мы до того делали. Никаких добрый-злой. Никаких святой-порочный. Они в себе будут включать и святость, и порок, и доброту, и жестокость, ибо люди многолики, и запрос как на доброту, так и на жестокость зачастую ютятся в одной черепной коробке. Два воина-пророка, консолидирующие людей вокруг себя, настроенные и не враждебно, и не дружественно меж собой, периодами сталкивающиеся, периодами действующие заодно — этакая мешанина человеческих низменных чувств, которые они и призваны возглавить, поднять волну и оседлать ее...

— Но как они это будут делать? — не выдержал Его Святость.

— А мы их не станем ограничивать,— пояснил Алавур.— Мы дадим им право выбирать, право грешить и не быть ограниченными заповедями и инструкциями — полная свобода. Все неудачи наших Пророков и Святых в том и кроются, что они были ограничены творить зло! — резюмировал он.

— Надо же,— пробормотал Его Святость.— Я как-то не задумывался...— он вновь смолк.— С иной стороны, я готов был бы услышать нечто подобное от демонов или одержимого проклятым Гидивула, но такой подход от креативного отдела нимбоносных!..— он был удивлен и смущен.

— Мы даже появление проработали,— продолжил сочинять на ходу Алавур.— Большое скопление людей, скажем, некие протестные выступления, и вот, в ответственный момент столб огня с неба, и в этом столбе спускается наш Пророк, несущий весть о том, что мир прогнил. Что Бог недоволен людьми, недоволен, что небольшая часть узурпировала мирские богатства и не дает развиваться остальной части. Именно поэтому он послал своего избранного бойца... Но узнав о том же тот, чье имя не произносят, послал и своего демона. Он будет похож на первого, говорить тоже, и даже делать то же самое, но он зло... Таким образом мы расколем протестующих и создадим управляемый хаос в их среде...

— Интересно, интересно,— все не принимал решения Его Святость.— Мне нужно посоветоваться с моими консультантами...— и Его Святость перешел к общению с Советом, исключив из него приглашенных экспертов, практически выставив тех из беседы. Алавур выдохнул — такого экспромта он от себя не ждал и встретился с негодующим взглядом коллеги. Идея с двумя пророками тому очень не нравилась, ибо сулила неуправляемость ситуацией и массу головной боли с администрированием активности.

Совещание с Советом длилось до получаса. При этом ни слова, ни звука не долетело до ушей спецов, в число которых почему-то попал и аналитик. Он все это время сидел навытяжку и со стеклянными глазами взирал куда-то в сторону адского дыма, клубившегося на горизонте видимости.

— Мы закончили совещание, — наконец вернулись к ним Его Святость и Совет. Решение явно было принято, но от того, с какой радостью потирают руки и лапы здесь присутствующие, как алчно взирают на креативщиков демоны и с какой ехидинкой в уголке рта бросают косые взоры нимбоносные, Залибвангу стало как-то не по себе.

— Мы принимаем это решение как базовое, — продолжил выносить вердикт Его Святость. — Оно вступает в силу с настоящей минуты, — чеканил пункты он, которые тут же ложились в протокол как непреложная истина и указание к исполнению. — На сборы у вас десять минут. — закончил Его Святость.

— Какие сборы? — не понял Алавур.

— Что? — переспросил Залибванг.

— Я в тебя верю, дорогой! — прошептала ему Жарин. — Выкатив вперед свою шикарную грудь. — Возвращайтесь героями!

— Но мы же идеологи... — кричал Залибванг, в душе проклиная Алавура с его двумя Пророками. — Мы не солдаты! Каждый должен делать свое дело... — их уже несло по коридорам реальности, по ходу экипируя и давая инструкции к выживанию.

— Вам будет оказано всемерное содействие! — услыхали они удаляющийся голос Его Святости.

— Я так же буду вечно рядом! — прошипел тот, чье имя не произносят вслух. — Нас ждут прекрасные времена!!! — добавил он.

— Да уж, точно прекрасные! — мелькнуло в голове Зелибванга, он уже видел тот самый огненный столб, совсем недавно ударивший с небес в грешную Землю. И его несло к нему.

Об авторе

Родился в 1977 году в Харькове, где проживает по настоящее время. Закончил местный инженерно-экономический и после скитаний по местам работы, остановился на профессии маркетолога-аналитика/аналитика рынка/бренд-менеджера (как-то все слилось воедино). Работа интересная, но, к сожалению, не самая оплачиваемая.

Печатался в электронных журналах: «Магия ПК», Газета «Ридне село», BGITAL. RU, Relga, Квадрига Аполона, Великорос, Золотая пектораль, Штабное радио, ЛитГраф.

Андрей Мансуров

Бум-бум! Чарли идет в поход!..

(пародия на штампы в боевиках и прочих «мочиловках-стрелялках»)

— Раз-два!
— Три-четыре!
— Три-четыре!
— Раз-два!
— Кто бежит по плацу в ряд?
— Это — скаутов отряд!
— Бодрые!
— Умелые!
— Сильные!
— И смелые!
— Лучше, чем солдаты!..
— Будем мы служить!
— Доблестью и честью!..
— Родине служить!

На пикете восемьдесят три полагалось упасть прямо в грязь, и отжаться.

Чериков так и сделал, со злорадством наблюдая, как новенький из пятого на третьем отжимании уронил пижонские очки прямо в густую коричневую жижу, а Митька Сидоров опять намочил в глубокой луже всю ширинку, после чего уже не отжимался, а ругался, снова поднявшись во весь рост. Инструктор указал пальцем:

— Сидоров! Отбой. В казармы.

Сам Чериков работал четко — уголком, держа пресс, и не касаясь поверхности ничем, кроме груди — иначе отжимание не засчитают! Да и успеет он. В-смысле, испачкаться. А пока — лучше не таскать на себе лишний килограмм грязи...

Инструктор громко считал вслух:

— ...девятнадцать, двадцать! Взвод, закончить отжимание! Встать! Бегом марш!

Снова замелькали мимо бело-черные березы, мокрые коричнево-серые стволы сосен и елей. Слепящие лучи буквально насквозь пронизывали голый еще лес, создавая ощущение, что сейчас не весна. А лето. И бегут они не по лесу, а по плацу, где отродясь не было даже малейшей защиты от солнца.

Впрочем, на плацу было бы тяжелей — там препятствий понастроено гораздо...

Бодрящий, пропитанный почти невыносимой свежестью воздух вливался в легкие, неся восхитительные запахи пробуждающейся к новой жизни Земли. Да, весна, мать ее...

Вот только им не до ее красот и ностальгирования!

Тяжело и шумно дыша в затылок бегущему впереди правофланговому — Сереге Букину — Чериков незаметно оглянулся: точно! Из тридцати их осталось всего двенадцать.

Новенький, сидя прямо задницей в грязи, протирал очки, похоже, тоже ругаясь.

Митька достал носовой платок, и пытался оттереть переднюю часть камуфляжных штанов, а Вовка и Саня просто ушли в сторону — к деревьям. Саня, привалившись спиной к шершавой сосне, матерится так, что слышно и в двадцати шагах. Вовке, похоже, плохо: он позеленел, встал на колени, скрючившись, словно его сейчас вырвет прямо на подстилку из прошлогодней прелой хвои...

Инструктор, буркнув что-то в переговорник на предплечьи, снова затянул:

— Раз-два!

Поредевший хор хрипловатых дискантов отвечал:

— Три-четыре!

— Три-четыре!

— Раз-два!

— Кто опасен, как снаряд?

— Это — скаутов отряд!

— Крепкие!

— Здоровые!

— Умные!

— Суровые!

— Всех врагов Десанта!

— На ... мы убьем!

— Доблестною службой!

— Деньги зашибем!

Дальше шло еще около пятидесяти куплетов, (куда менее пристойных) которые полагалось вызубрить как «Отче наш» (а если точнее — еще лучше. За незнание молитвы в карцер не сажали, и вообще: наряд на чистку туалета — скорее отдых, чем армейские будни), и примерно три километра лесом.

Наконец они быстрой трусцой выбрались к прогалине. Снег только стаял, и апрельская жидель превращала сто метров Большой Песочницы во все пятьсот. Однако деваться некуда: утопая почти по колено, они двинулись к дальнему концу, высоко задирая ноги в десантных полусапогах, и стараясь только двигаться побыстрей, чтоб чавкающая трясина не затянула совсем уж глубоко... Иначе — без посторонней помощи не выбраться!

Инструктор спокойно перешел зону грязи по наведенным мосткам.

Добравшись до твердой почвы, Чериков развернулся, чтоб взглянуть назад, оперевшись соскальзывающими от пота ладонями на штаны у колен.

Сердце гулко стучало в уши, и он только старался дышать больше через ноздри — застудить легкие не хотелось бы!

Поскольку сегодня он добрался первым, у него имелась возможность чуть отдышаться: грязево-песчаное болото — его стихия! Потому что размер обуви — сорок три, а весит он на пять килограмм меньше самого легкого бойца их подразделения. То есть — он среди них почти как танк. С «гусеницами». «Площадь опоры» больше.

На поле остались Лемон и Годзилла — ну, Годзилла-то завяз чуть не с первых шагов (еще бы! Меньше надо жрать!), а Лемон — не добежав каких-то шагов тридцать...

Инструктор приказал:

— Взвод! На полосу препятствий бегом марш! Раз-два!

— Три-четыре!.. — десятеро, превозмогая многочасовую усталость и оставляя на тропе ошметки полужидкой грязи, снова ломанули по просеке...

Чериков (или Чарли, как его звали во взводе), подумал, что неплохо бы перестроиться в хвост колонны — сзади, вроде, уходит меньше сил. И видно всех. Неспроста же профессиональные велогонщики так и делают.

Сделав вид, что завязывает шнурок, он приотстал. Затем легко (еще бы — отдышался же!) догнал, наблюдая теперь за затылком Вована. А что — бритый, блестящий от пота, в меру загоревший... Совсем как его.

На полосе препятствий сходу срезались Кент и Жиха. Их обеих прихлопнула выскочившая из-под искусно замаскированной «кочки» сеть. Остальные рассыпались. Наивные! Думают, что так больше шансов проскочить мимо ловушек и препятствий!

Чериков, единственный из всего взвода, уже добиравшийся сюда в этом сезоне, переместился за спину Сереге. Поскольку тот тяжелей его килограмм на восемь уж точно, хоть какая-то страховка.

Сработало! Серегу утянуло под землю щупальце «Вьюна»!

— Чарли! Первое предупреждение! Не прятаться за спину впереди бегущего! Остальных тоже касается! Бежать шеренгой! — до конца изрытого и утыканного противотанковыми ежами из швеллера, и заборами из колючей проволоки и штабелями шпал участка, осталось не больше ста шагов.

Чериков успел заметить растяжку — перепрыгнул. А вот Крот не успел...

Теперь защитную майку и камуфляжные штаны — только выбросить. Потому что обидно-позорная и неотстирывающаяся желтая краска, изображающая «поражающие элементы осколочной мины», когда высохнет, все равно сделает ткань ломкой.

Толика «расстреляли» в упор из выскочившей вдруг из-под ветки, якобы случайно упавшей с дерева, круглой башни с пулеметом. «Пули» пятидесятого калибра взрывались фонтанчиками уже голубого цвета — еще более обидного.

Чериков, повинуясь инстинкту, вдруг бросился ничком в лужу. И вовремя!

Над местом, где должно было оказаться его тело через секунду, прошла

«струя огнемета»: фиолетовое облако краски! Зная, что до «перезарядки» две секунды, он успел-таки бросить «гранату» — снятую с пояса болванку с нейтрализатором механизма ловушки. К сигналу Инструктора: «Взвод! Дальше бегом марш!» он еле-еле успел. Иначе тоже отослали бы в казарму, как не уложившегося во «временной норматив».

— Раз-два!..

Теперь на выкрики Инструктора отвечало всего трое: Жабон, Курт и Чарли.

Добрались до стрельбища минут за десять — бежать все время приходилось то вверх, то вниз, так что дыхание сбивалось почти у всех. Ну и сволочи придумывали эту трассу — стрелять метко, задыхаясь, чертовски трудно!

Вот Курт и не выбил положенных девяноста из ста... И для него наступил отбой.

Инструктор, вдруг склонивший голову, и сильней прижавший явно что-то необычное вещавший наушник к уху, словно бы удивился сам:

— Взвод! Объявление! Победителя ждет Портал!

Портал! Черт возьми! В жилы Чарли словно влились новые силы! Правда, он не сомневался, что сопящий Жабон ощущает то же самое: достижима Цель Всей их Жизни!!!

Оба они, двигаясь теперь почти плечо в плечо, с неприязнью и подозрением поглядывали друг на друга: знали, что, если оба одолеют Бассейн, придется драться!..

Словно для того, чтоб они меньше отвлекались на дурацкие мысли, Инструктор взвинтил темп бега:

— Раз-два!..

Поскольку назад он больше не оглядывался (незачем!), Чарли удалось не пропустить момент, когда Жабон попытался сделать подсечку! Ответить, правда, он ничем не успел — следил лишь, чтобы не сбиться с дыхания, отдававшегося уже в висках...

Бассейн с сиропом пришлось переплывать вначале на лодках, а затем, когда пошла «жидкая» зона — кролем. Так куда быстрей, чем на тяжелом баркасе!

Инструктору легче: он перешел Бассейн по бетонному бортику. Добрались все трое одновременно. Значит — поединок!

В забранный проволочной сеткой восьмиугольник вошли с разных сторон. Теперь уже не торопились: знали, что осталось последнее испытание. Соперник. А затем — Дверь.

Жабон как всегда попытался запугать грозным видом. Содрал и отбросил майку, оскалил полный желтоватых зубов рот, поиграв большими дельтавидными: все-таки пятьдесят три кило отлично тренированных мышц! Не говоря уж о молниеносной реакции.

Чарли старался, напротив, никак эмоции на лице не проявлять. Зато отслеживал прищуренными в щелочку глазами движения зрачков противника. Знал, что в клешни качка-Жабона попадать нельзя ни в коем случае! Заломает на болевой... Ага, есть!

От первого захвата удалось уйти, нырнув влево, одновременно выбросив в хуке правую руку: Жабону здорово досталось прямо по печени!

Однако, хотя Чарли знал, что противнику чертовски больно, внешне это проявилось лишь в усиленном сопении, и непристойных ругательствах. Ну, этим-то в Лагере никого не удивить...

Следующий выпад Жабон сделал лишь через полминуты — ждал, чтобы отойти от болевого шока. В это время Чарли, всегда ведущий игру «от противника», не спешил и ничего не делал, просто кружа вокруг Жабона, и восстанавливая дыхание.

От быстрого нырка в ноги совсем уйти не удалось: левая клешня Жабона зацепила его за голень! Теперь оба растянулись на траве, но у Чарли оказалось преимущество: он упал на спину, отлично все видел, и смог тяжелым полусапогом нанести точный удар в затылок зарывшегося по инерции лицом в землю, противника.

Жабон потряс головой. Буркнул: «Ну погоди же, я...»

Что именно тот собирается с ним сделать, Чарли слушать не стал, вместо этого, оттолкнувшись от земли торсом и руками, умудрился пяткой попасть в челюсть, приоткрытую для очередного слова. Жабон инстинктивно отвернул голову, что его и погубило: в челюсть с другой стороны врезался окованный носок сапога.

Жабон всегда жаловался, что когда ему попадают в челюсть, у него искорки сверкают перед глазами. Так ли все произошло и в этот раз, Чарли выяснять не стал. Вместо этого он, словно кошка, пружинисто запрыгнул на спину повалившегося ничком и застонавшего врага, и докончил дело «удушающим» приемом. Инспектор кивнул:

— Довольно! Чистая победа!

Чарли, отдуваясь, поднялся со спины Жабона. Тот в бессильной ярости колотил кулаком по пожухлой траве, обращаясь уже к спине победителя:

— Сволочь ты, Чарли! Подловил-таки! А всегда прикидывался таким тихим, работающим «от противника!» — в голосе звучала и злость, и... уважение.

— Извини, Жабон. В следующий раз повезет. — Чарли, даже не оглянувшись, вошел.

Чернота.

Тишина. Пронзительная какая-то. Или это у него свистит в ушах?..

Странно.

Однако он продолжал идти вперед — под ногами ощущалась твердая поверхность. Вдруг что-то подалось, и он почувствовал, что летит. Летит вниз, касаясь локтями и сапогами стен чего-то вроде наклонной шахты или тоннеля...

Что за черт?! Или...

Да нет — вроде тут, дальше, ловушек и испытаний быть уже не должно!

Он влетел в светлое пространство — падение сразу замедлилось, и на белый пол он спустился уже так, как если б просто сошел со ступеньки... В одной из четырех стен абсолютно пустой белой комнаты имелась дверь. Откуда шел свет, сказать оказалось невозможно: словно бы отовсюду. А вот тело... Словно стало легче! Не в силах поверить, он сглотнул: значит, он уже на Корабле! Там, говорят, тяготение куда меньше земного!

— Внимание, прибывший! Пожалуйста, проследуйте в душевую, а затем на санитарную обработку.

Оглянувшись на потолок — голос звучал, вроде, оттуда, — Чарли прошел в дверь. А что — обычная душевая. Вот только крана под рожком... Два. Неужели?.. Точно!

Он быстро разделся, и, следуя указаниям, бросил одежду и обувь в приемник утилизатора. Огляделся еще раз — куда пристальней. Бусинок глазков видеокамер понатыкано во всех углах. Совсем как у них в казарме.

Воду он сделал погорячей — надо пользоваться, раз уж дают!

Поскольку «руководящих» распоряжений не поступало, он «нежился» добрых десять минут, пока, наконец, не решил, что хватит. В-смысле, хватит валять дурака.

Если верить слухам, теперь его ждет работенка куда посерьезней и потрудней, чем не скурвиться, и преодолев лютую и подлоковарную дедовщину, пробиться к элите Скаутов... Чего это ему стоило, лучше не вспоминать: только нервы портить.

Зато теперь!.. Вспомнив о скудном пайке матери, он невольно дернул щекой.

Остается надеяться, что все эти мучения и унижения были не зря...

Вперед!

Санитарная обработка заключалась в опрыскивании голого тела аэрозолем из тоненьких насадок на потолке, полу и стенах следующей за душевой комнаты.

Чарли хмыкнул: вспомнился документальный фильм про строительство суперкаров: так же роботы окрашивают их кузова... И уж можно быть уверенным: непрокрашенных участков не остается!

В следующей комнате его освещали голубым, ярко-красным и вообще невидимым светом: только кожу покалывало.

Далее пришлось выпить какую-то гадость из большого бокала, и сунуть руку в отверстие металлического ящика — его укололо. Прививка?..

Дальше он попал в комнату с одеждой, лежащей на стуле.

О, Боже! Мундир Космодесантника!.. А-а!!! Наконец-то!

Одевать его он начал, даже не дождавшись команды сверху.

Обалдеть! Размер — точно его! Погоны первокурсника. Литеры КВДУ из чистого золота! А как, наверное, смотрится на голове новая фирменная фуражка Кадета!!!

— Теперь сядьте на стул. Вам предоставляется возможность передать послание вашей матери. Можете сообщить, что вы зачислены в Высшее Гвардейское Десантное Училище. Рекомендуем тщательней подбирать выражения — следующий ваш сеанс связи состоится не ранее успешного окончания вами первого Курса.

Мысли распались на фейерверк восторгов и паники. Год без матери!

Ну правильно — он уже на корабле, и сейчас или чуть погодя его с другими отобранными из сотен и тысяч Лагерей кандидатами отправят... Учиться!

— Ма!.. — он постарался вложить в голос как можно больше оптимизма, — Я прошел! Представляешь?! Я сейчас уже на борту, и скоро меня

отвезут в Высшее, учиться. Буду Курсантом в гвардейском десантном! — что еще сказать?! Мысли разбегались, словно тараканы от баллончика с ДДТ. — Ма, я так рад... Я знаю, что и ты рада — хочу, как Избранный, поздравить тебя — твой сын, представляешь, Прошел Отбор! Один на тысячу!!! Ма!!! Ты не поверишь — я сам не думал, что именно сегодня... — он все же вынужден был прерваться — из глубины сердца клокотало и поднималось нечто неописуемое! Смесь и ужаса перед будущей тяжкой работой, и радости — за прошлое: он смог, он смог вытерпеть и преодолеть!..

Но матери нельзя показывать, как он жутко... боится. Этого самого Будущего.

— Словом, целую тебя, и тетю Олю, и Василия Дмитриевича, и всех наших! Правда, вот позвонить... Сказали, что следующий сеанс — только через год, когда закончу Первый Курс. Ладно, ма, спасибо, что терпела все это... — он снова вздохнул, вспомнив ее натруженные коричневые от излучателей гладильного цеха руки...

— Ну... теперь уж я постараюсь! Оправдать... Ну, все. До свиданья! Еще раз целую! — он выдавил самую ослепительную улыбку, на которую был способен, и помахал рукой. Красный огонек у объектива погас.

Паузу нарушил голос «с неба»:

— Курсант, пройдите, пожалуйста, в Диспетчерскую.

Диспетчерская оказалась крохотной комнаткой, поделенной пополам прозрачной перегородкой. За ней напротив входа на простом стуле сидел друд. Для Чарли в его половине помещения стула не было.

Рассматривая тоненькие конечности и непропорционально большие черные колодцы глаз на уродливой редьке головы, Чарли подумал, что все верно: такие не станут мараться беганьем и ползаньем по завоевываемым планетам. Пошлют космодесантников.

И уж тем более такие — не свяжутся с физическим трудом или доброй дракой, раз у них есть боевые и рабочие роботы, управляемые, хоть с орбиты, мысленными командами.

— Приветствую тебя, прошедший отбор и испытания кадет.

— З-здравствуйте.

— Теперь, когда ты прошел санобработку, и отправил Послание, я могу сообщить тебе... — показалось Чарли, или в безликом голосе после крохотной паузы вдруг прорвалось что-то вроде ехидного торжества?! — Правду. О твоей будущей судьбе.

Чарли напрягся. Оглянулся назад — точно! Ручки в двери нет! И дверь наверняка бронированная — как и стены! Ну вот чуяла его внутренняя сущность, его помогавшие пройти через весь этот четырехлетний ад инстинкты охотника и бойца, что есть, не может не быть, какого-то подвоха во всей этой мясорубке!.. Сейчас начнется.

И точно.

— Моя задача, как это говорят на вашем языке, поглумиться над тобой перед твоей смертью. Дать тебе понять всю степень унижения, и бессилия, в котором находится твоя родная планета, и все оставшиеся на ней жители.

Поглумиться... Словечко-то какое!.. Он, изо всех сил стараясь выглядеть спокойным, спросил:

— А за каким ... вам нужно надо мной глумиться?..

— Это — просто. Ведь ты — разумен. Значит, можешь понять разницу между овцой, просто забитой на бойне, и... овцой, которую до этого четыре года терзали, били, унижали и заставляли работать до седьмого пота! И знаешь, для чего только?

Он просто покачал головой — не хотел показать этому... Этой твари, что он сломлен, раздавлен и унижен как тоном, так и злым смыслом того, что сейчас, как он чуял, скажет этот... друд.

— Да-да, именно для этого. Записать то, что ты будешь ощущать сейчас. Так что не старайся напускать на себя независимый и гордый вид — приборы снимают и записывают для нас все твои показатели: и кардио, и энцефало — и все прочие граммы! И — главное! — все твои мысли! Без ощущения паники и беспомощности поверженного врага наша... м-м... Миссия не имела бы того... Смака. Соли. Наслаждения, которое мы все испытываем, глядя на то, как вы бегаете по своим Полигонам, деретесь в казармах, и унижаете более слабых. И, разумеется, мы воспроизводим себе через Шлемы Ощущений, ваши терзания в моменты, когда, как сейчас тебе, всем вашим «избранным» беднягам открывается Истина! Это для нас... Ну, как для вас — шампанское! Или — черная икра! Слышал о таких *деликатесах*? Теперь — о деле. Да, ваши Лагеря позволяют воспитать и обучить самых ловких, сильных, отважных и целеустремленных Бойцов. Будущих Воинов. И мы и правда, могли бы использовать их для наших... Скажем так — планов! (Чарли представил себе другие планеты, куда ступали сапоги друдских наемников, и «прикормленных» лизоблюдов! Жуть! Хорошо, что сам он не застал эпоху покорения родной планеты...) Но! Солдат у нас хватает, и главное сейчас для нас — даже не ресурсы... А ваши Эмоции. Страх. Боль. Унижение. Чувство беспомощности мышки в лапах кошки... Поэтому Отобранных мы и уничтожаем в первую очередь. Ваши страсти — самые сильные. И мы вовсе не посылаем никого с земли на «работу» в другие Миры, как «сообщают» все эти «счастливчики». Те же кадеты, кто «не прошел», остаются там, дома. Вымещать свою злость, разочарование и комплексы на вас же, работая полицейскими...

— Но как же!.. — Чарли подумал, что поймал врага на несоответствии слов фактам.

— Огромные зарплаты, которые все «отобранные» якобы перечисляют родственникам? Это для нас все равно, что бросить кость собаке, срезав с нее мясо. Ты и понятия не имеешь, сколько мы уже выкачали из ваших недр... И еще выкачаем. А понять, узнать, что все эти десантники-пехотинцы на самом деле попросту сразу убиты, вам не удастся никогда!

— Но... Как же письма и видеообращения?!..

— Ах, это... Поверь: то обращение, что ты записал, просто будет обрабатываться компьютерными программами. Они соответствующим образом станут менять погоны, «старить» твое лицо, добавят шрамов, сделают грубей голос, и якобы злей, жестче — характер... А уж текст напишут психологи. Твоя мама, как и все остальные, еще лет сорок будет получать наши подачки, и благодарить наши Миссии за то, что могут «выпендриться», как это говорится у вас, перед соседями. И жить в относительном достатке.

Чарли сжал кулаки, чувствуя, как к горлу подкатывает. Слезы? Нет. Он уж забыл, когда плакал — Лагерь отучит и не от такого!.. Ярость! Чистая, полыхающая словно огонь адских печей, Ненависть!!! Но...

Нет, он не позволит этим тварям насладиться даже своими эмоциями — он постарался успокоиться. Но все равно... Что-то оставалось. Потому что узнать вот так, в лоб, что он... Что над ним проводят «курс глумления...»

Нет, что-то тут не так! Может, это — очередное Испытание? Проверка лояльности? Сообразительности?

— Нет, это не проверка.— А ведь точно, они считывают его мысли!!! Теперь голос снова стал равнодушен. Видать, решил дополнительно «поддать» ему еще «унижения»,— Это простой и рациональный способ очистить вашу планетку от нежелательных для нас, друдов, элементов. Потенциальных главарей. Тех, кто мог бы стать Лидерами. Зачинщиками. Бунтов против нас. Нам всякие «революции» и беспорядки среди рабов не нужны. Нам нужна ваша методичная и спокойная эффективная работа. На рудниках. У топок домн. На заводах и фабриках, где вы создаете материальную основу для процветания нашей Империи. До тех пор, пока не выработаете все. А тогда, если будет на то наша особая милость,— он выделил эти слова, как бы давая лишний раз понять, что все зависит только от них — Хозяев и «погонщиков» человеческого стада,— мы, может, даже оставим вас... Прозябать. Так что насладись последними своими эмоциями — чувствами загнанной в угол и униженной крысы, которую сейчас станут топить. Зная, что все твои унижения, боль и жертвы оказались напрасны, можешь злиться... Или рыдать. Мы и смерть твою... Запишем! Прощай.

Пол под Чарли провалился, и он... действительно оказался в воде! И сразу понял — когда ему придется вдохнуть ее в раздираемые нехваткой кислорода легкие, никто не будет спасать его «в последний момент!» И еще он думал, как же мерзки и отвратительно изощренны эти друды! Вместо того, чтобы истребить под корень туземное население, оставили себе послушных и вынужденных работать за кусок хлеба обезоруженных рабов... Над которыми еще и гнусно глумятся, даря иллюзию Свободы Выбора Судьбы...

Он больше не сдерживал эмоций: ненавидел, ненавидел, НЕНАВИДЕЛ!!!

И верил он, делая последний вдох, и теряя сознание, лишь в одно: отольются кошке мышкины слезки! Не может *такое* остаться безнаказанным!

Рано или поздно найдется кто-то, кто отомстит! Отомстит за...

Об авторе

Родился в 1960 году. Окончил Ташкентский Институт Ирригации. Живет в Ташкенте. Публикации: рассказ «Госпожа Нагайна» — журнал «Космопорт» (Белоруссия), рассказ «Другое Солнце» — журнал «Мир Фантастики», рассказ «Тоннельные» (под псевдонимом «Гидротехник») — журнал «Фантаскоп», рассказы и путевые очерки в журнале «Новозеландский вестник» (Новая Зеландия) и др. Автор сборников «Янтарные капли», «Океан». Рассказ «Занимательное почвоведение» занял первое место в номинации «Фантастический рассказ» на 3-м этапе Конкурса «Великое кольцо» в 2013 г.

Анна Райнова

История одной кочерги

Солнце еще не поднялось, когда молодая жена местного фермера Марта возвращалась в поселок с утренней дойки. Разгар лета — тепло. Дорога стелется под ноги, слышится птичий гомон, суховей гнет травы к земле, игриво раздувая юбку ситцевого платья. Благодать! Женщина даже песню грустную затянула про русалок-утопленниц, исчезающих вместе с рассветом. И надо же, диво-дивное: светло вдруг стало, как днем. Впереди, играя цветными огонями, летающее блюдце нарисовалось, прям как в телевизоре недавно показывали. Марта моргнуть не успела — в днище корабля, скрипнув, открылся люк, откуда и высунулся зеленый человечек.

— Ой! — взвизгнула нечаянная контактерша.

— Зюхр! — гаркнул пришелец, помахал зажатой в трехпалой руке кочергой из голубоватого металла и как швырнет ее очумевшей от неожиданности бабе прямо в лоб.

Больно, надо сказать. Марта аж чувств лишилась. Когда очнулась, тарелочки как не бывало. Привиделось, подумала женщина и тут же нашарила в дорожной пыли ту самую кочергу. Марта закусила губу, неча орать на всю округу. Народ на смех поднимет, да и муж проснулся поди. Завтракать ждет.

Женщина поднялась, отряхнула платье и, прихватив с собой кочергу — крепкая штуковина, в хозяйстве пригодится, — отправилась домой. Дорогой заметила, что видит как-то странно, картинка такая яркая, что аж глаз режет, и грудь распирает от желания повиниться перед всеми, кого успела обидеть за свою недлинную жизнь. Совсем рехнулась баба.

На пороге дома лицом к лицу столкнулась с мужем. Оглядев Марту с ног до головы, мужик изменился в лице, отшатнулся и ринулся в сени. Не поздоровался даже. Наверное, понял, с кем живет, решила женщина, бросаясь вслед с надеждой вымолить прощение. Но фермер и слушать ничего не хотел. Бегал от родной жены, как черт от ладана. Сердце женщины не выдержало, когда он пнул попавшегося под ноги домашнего любимца Ваську, с диким воем залетевшего под лавку. Что делать, пришлось кочергой успокоить раздухарившегося супруга. Тот вмиг растянулся на полу и замер без движения.

Что только Марта не делала: и трясла бездыханное тело и водицей холодной в лицо брызгала, и по щекам хлестала. Отчаявшись привести мужа в чувство, помчалась звать соседа-фельдшера, по случаю дня рождения сильно принявшего на грудь. Местный эскулап никак не мог сообра-

зить, чего от него требует безумная баба, и откуда ему в лицо брызжет соленая вода. Ужели крыша прохудилась? Наводя резкость, фельдшер воззрился на женщину и сразу протрезвел, разглядев торчащий из ее головы тонкий отросток, увенчанный шариком изумрудно-зеленого глаза с продолговатым зрачком. «Допился до чертиков», — успел подумать мужик, прежде чем свалился без чувств.

— Эй, вставай, муж помирает! — всплеснула руками Марта и добавила. — Это я виновата.

Тут-то из лысого темени фельдшера и проклюнулся тонкий отросток. Спустя минуты инопланетные глаза разглядывали друг друга. Люди все про себя поняли, осознали и ощутили. Оставленный дома фермер тоже очнулся с дополнением, приласкал забившегося в угол Ваську и отправился искать работников, которым ежемесячно недоплачивал зарплату. А те двое, в свою очередь, стали бегать по деревне, вымаливая прощения односельчан и, конечно, обильно поливать их слезами.

С утра пораньше дел невпроворот, третий глаз на макушке у соседа разглядишь не сразу. Прозревали, куда деваться, даже слепые. Некоторым становилось так стыдно, что, очухавшись после обморока, они шли оплакивать собственные огрехи на речной бережок. Слезы из третьего глаза били струей, смешивались с проточной водой. Трудно сказать в какой пропорции. Точно известно одно: месяца не прошло, как вирус справедливости охватил всю планету.

Что тут началось! Президентов и правительства пришлось переизбрать — прежние добровольно подали в отставку. Находившиеся в состоянии войны страны братались. Корпорации отказывались от сверхприбылей в пользу бедных. Воры и коррупционеры радостно раздавали награбленное добро. Полицейские кланялись прохожим. А уж что творилось в тюрьмах...

Когда волна покаяния улеглась, даже отъявленные лодыри взялись за работу. Каждый уразумел, каким талантом одарен, и нашел свое место в жизни. Вдохновенно ведь можно и грядку полоть, так что никого перекоса в сторону мечтательных фантазеров не случилось.

И стали мы жить при зюхрокочергизме. Благодать! Прежде каких только ... измов не было. А представить себе вот этот и мне сейчас трудно.

Марта во всех подробностях рассказала о встрече с зелененьким человечком, понаехавшим в ихнюю дыру ученым с разными хитрыми приспособлениями, отдала им кочергу. До сих пор изучают. Пока не ясно, нарочно ли зюхры стукнули нас по башке этим простым с виду предметом, или имела место случайность. Много и других вопросов к пришельцам возникло, только ответить на них пока некому.

Одно выяснили точно: удар кочергой по любой другой части тела добавочных изменений в человеческом организме не вызывает.

Об авторе

Настоящая фамилия – Романько-Косая. Родилась в 1976-ом в Барнауле. Далее жила на Украине в городе Николаеве. После средней школы поступила в НГУК, диплом

режиссера культурно-массовых мероприятий. С 1994 года артистка балета Николаевского академического театра драмы и музыкальной комедии.

Первая фантастическая повесть «Неправильный танец снежинок» написана в 2002 году, когда Анна уже переехала в Израиль. Рассылкой своих произведений не занималась, писала «для души». В 2009-м получила предложение опубликовать рассказы в сборнике «Десятка» Харьковского издательства «Умная книга». Рассказ «Глазунья» опубликован в №10/2011 журнала «Люблю читать», мистический рассказ «Лиза» — в №5/2012 в «Искателя Украины» и в №3/2014 «Смены», там же «Плюшевый мишка» — №3/2015. В сетевом журнале Павла Амнуэля «Млечный путь» опубликованы НФ рассказы: «Садовник», «Перст указующий» и «Бессмертие отменить», а также фантастическая повесть «Корабль в море Спокойствия», написанная в соавторстве с Кириллом Берендеевым. Мистический рассказ автора «Неелыч» опубликован в №7/2014 журнала «Эдита unzensiert». Рассказы «Длинный день» и «Дельфин» опубликованы в №59/2015 «Эдита» Гельзенкирхен.

С 2013 года Анна является редактором альманаха фантастики «Астра Нова» и с недавнего времени — журнала «Эдита» Гельзенкирхен.

Сергей Филипский

Начальник Игр

Андрей Успехов шел по тропинке, вьющейся меж пыльных веточек полыни. Слева простирался пустырь, справа тянулся нескончаемый бетонный забор.

Вот тропинка юркнула в терновую рощицу и вынырнула на зеленый луг. Тихая речушка неспешно несла свои воды куда-то вдаль. Мостка через речушку не было. Как перебраться через нее, было не понятно. Да и надо ли перебираться? Андрей не знал. Поэтому он просто пошел вдоль речушки, поглядывая на стайку бегемотов, резвящихся в ней.

Он зашел в кусты, а когда кусты прервались, он увидел перед собой большой недостроенный кирпичный сарай.

— Вы Андрей Успехов? — раздался голос откуда-то сбоку.

Андрей поискал глазами и увидел: какой-то старичок с длиннющей белой бородой, в расписанной серебристыми знаками Зодиака синей мантии и с золотистого цвета посохом.

— Да, — сказал Андрей. — А вы кто?

Старичок приблизился:

— Я — великий волшебник Дверочкин.

— О! — обрадовался Андрей. — Вас-то мне и надо!

— Я к вашим услугам, — приосанился старичок.

— Меня предупредили, что вы — большой знаток окрестностей.

— Вообще-то, да. Бродя тут в поисках совершенствования моей магии, я хорошо узнал округу.

— Дверочкин! Подскажите: где тут космопорт?

— Космопорт?

— Ну да. Место, откуда стартуют космические корабли.

— А! Понял, что тебе надо. Есть неподалеку одна обшарпанная будка. Вполне сойдет за космопорт.

— Ты мне объяснишь, как до нее добраться?

— Более того. Я тебя туда провожу.

— Вот и ладненько. Ну что, пошли?

— Идем.

И они двинулись вдоль недостроенного сарая. Внезапно из-за его угла выпрыгнул кто-то шипящий. Сперва Андрею показалось, что перед ними — летающая крыса. Присмотревшись, он понял, что так оно и есть — летающая крыса. Огромная, размером с кабана, с широкими перепончатыми крыльями. Летающая крыса тут же принялась плеваться огненными сгустками.

— Поберегись! — крикнул Дверочкин. — Это крысодракон.

— А как беречься-то? — спросил Андрей.

— Не попадай под пламя, которым он стреляет.

— Постараюсь.

— Да уж постарайся... Эх, до чего же хорошо, что я с тобой!

— Это почему?

— Да потому что я — лучший в мире укротитель крысодраконов.

Дверочкин выставил перед собой свой посох, из которого вырвалась яркая молния, ударившая в крысодракона. После этого крысодракон, потеряв всякое желание выпускать огонь, умчался прочь, порхая над кочками.

— Ловко вы его! — сказал Андрей.

— У меня с ними разговор короткий, — откликнулся Дверочкин. — Ну что, идем в космопорт?

— Было бы неплохо.

И они направились дальше...

За недостроенным сараем находилась цистерна, рядом с которой стоял сиреневый домик-будка — изрядно обшарпанный.

— Вот он, космопорт, — объявил Дверочкин.

Они подошли к будке. Возле нее присутствовал человек в оранжевом комбинезоне. У человека был торчащий вверх нос, приподнятый подбородок, веселая улыбка сквозь усы и лучащиеся радостью глаза.

— Это Куропаткин, — сообщил Дверочкин. — Главный тут.

Куропаткин отсалютовал, прижав на мгновение пальцы к своей оранжевой кепочке:

— Константин Кириллович. Комендант космопорта.

— Андрей Успехов.

Комендант поморгал-поморгал и сообщил:

— Если вам нужен лайнер до Земли, то вы немного опоздали.

— Вот как? — огорчился Андрей.

— Да.

— Мне действительно надо на Землю. А когда будет следующий?

— Не скоро, ох, не скоро. Если точнее, то на следующей неделе. Лишь в четверг.

— Сегодня среда.

— Верно подмечено.

— А раньше, значит, никак?

Комендант пригладил свой торчащий из-под кепочки чубчик и поведал:

— Есть, впрочем, один вариант.

— Какой? — спросил Андрей.

— Видите, там яхты стоят?

Андрей посмотрел. В поле, покрытом ковылем, топорщились устремленные ввысь огромные серебристые сигары — космические корабли, на некотором расстоянии друг от друга, числом эдак с десяток.

— Вижу, — сказал Андрей.

— Вон та, с надписью «Созвездие», с тремя красными полосками, — уточнил комендант.

— Вижу.

— Она, кстати, отправляется на Землю.

— Когда?

— Вот-вот, или даже раньше. Они охотно возьмут пассажира. Но существует одно условие.

— Какое?

— Вы должны предоставить в мое распоряжение пять бегемотов.

— Зачем? — удивился Андрей.

Комендант снял свою кепочку и принялся теребить ее в руках:

— Видите-ли, тут такое дело... В общем, если я капитана «Созвездия» лично не попрошу, он ни за что не возьмет вас попутчиком. И будете вы куковать здесь, в космопорту планеты Симфония, под солнцем Бетельгейзе, целых восемь дней...

— А бегемоты вам для чего?

Комендант поместил кепку обратно поверх своей растрепанной прически и решительно выдохнул:

— Создам бегемотовую ферму.

— Разводить бегемотов собираетесь! — сказал Андрей.

— Ну да.

— Ради молока, надо полагать?

— Нет. Не ради молока. Я буду поставлять бегемотов в зоопарки. При условии, конечно, что они, бегемоты, будут не против там жить.

— А как вы об этом узнаете?

— Просто спрошу у бегемотов. Я знаю, как с ними разговаривать.

— Ну разве что если так.

— В общем, я согласен на то, чтобы вы дали мне пять бегемотов. И — счастливого пути! Что? А? Подходит вам такой вариант?

— А кроме бегемотов, деньгами, вы готовы принять?

— Нет. Мне бегемоты нужны.

— Бегемоты, значит?.. — задумчиво произнес Андрей.

— Бегемоты! — кивнул комендант.

— Есть тут речка неподалеку...

— Да. Карасевка называется.

— Так вот. Видел я только что, как в ней бултыхаются как раз целых пять бегемотов.

— О! Это они!

— Кто они?

— Да бегемоты, исчезнувшие с циркового космического корабля! Ну а теперь, когда они нашлись, все замечательно. Бегемоты возвращаются в цирк, и я теперь ему, цирку, ничего не должен.

— А были должны?

— Да. Ровно пять бегемотов. Потому что исчезли они как раз в мое дежурство.

— А как же бегемотовая ферма?

— Какая ферма?

— Ну, о которой вы только что говорили.

— Это я привирал.

— Зачем?

— Привычка такая.

— Понятно.

Андрей глянул на простирающееся поле. Сказал:

— Эх, хорошо здесь у вас. Почти так же, как на Земле. Но на Земле все-таки лучше!

— Это ты еще Степного Рыцаря не видел! — вкрадчиво произнес Дверочкин и взмахнул своим посохом.

Немедленно после этого из-за цистерны выехал двугорбый верблюд, на котором восседал закованный в сверкающие латы рыцарь. Вот верблюд остановился. И раздался голос рыцаря, гулкий, будто из бочки:

— Приветствую тебя, странник Андрей Успехов.

— Здравствуйте, — ответил Андрей.

— Перед тобой сейчас открыты две дороги. Одна — с планеты Симфония на космической яхте на Землю. И другая — ты и так уже на Земле, а окружающие тебя обитатели планеты Симфония — всего лишь голограммы со звуком. Так какую же дорогу ты изберешь?

— Но это же очевидно, — сказал Андрей. — Вон стоит яхта, на которой я сейчас отправлюсь на Землю.

— Что ж. Ты сделал выбор.

Степной Рыцарь посторонился, и Андрей с комендантом подошли к яхте «Созвездие».

— Прошу вас, — комендант сделал приглашающий жест.

Андрей взялся за поручень трапа и... его рука схватила пустоту. В тот же момент перед Андреем на расстоянии метра прямо в воздухе возникла светящаяся надпись: «Игра завершена».

— Что такое? — Андрей рывком повернулся к коменданту.

Тот рассмеялся:

— Вот видите. Вы все-таки на Земле. В пригороде города Былинска. А ваши недавние приключения на планете Симфония — не более чем компьютерная игра.

— Компьютерная игра? — озадачился Андрей.

— Ну да. Правда, впечатляет?

Андрей провел ладонью по лицу:

— Очень. Готов был держать пари, что я нахожусь на другой планете в окружении персонажей жанра фэнтези. И даже полынь меня не насторожила. Я был уверен, что это люди привезли ее на Симфонию с Земли... Стоп! А почему я все еще в окружении этих персонажей? Почему они не исчезли? Дверочкин, Степной Рыцарь...

— И я.

— И вы. Игра-то ведь закончилась!

— Игра закончилась. Это верно. Но, видите ли, Андрей, эта игра — нового поколения. Проецирует на местности свои объекты. И в процессе вашего участия в этой игре произошло вот что: игра до того оказалась неотличимой от реальности, что... подменила собой реальность. И теперь персонажи игры живут своей жизнью, не зависящей от компьютера. Но зависящей от вашего к ним отношения.

— Это как?

— Ну, если вы не против того, чтобы эти персонажи продолжали существовать, то они продолжат свое существование. Если же против, то, увы, им предстоит уйти в никуда.

Андрей посмотрел на окружающую его действительность, на устремленные в небо носы космических кораблей, на Степного Рыцаря и Дверочкина, на коменданта, на пятерку завороженно взирающих бегемотов, на крысодракона, застенчиво выглядывающего из-за будки... И сказал:

— Не могу я отправить вас обратно в небытие. Оставайтесь.

— Ура! — завопил Дверочкин. — Я всегда знал, что Андрей Успехов — настоящий Начальник Игр!

Об авторе

Родился в 1960 году на Дальнем Востоке в городе Шилка Читинской области. После школы поступил в Воронежский государственный университет. Окончил физический факультет. В настоящее время работает художником-дизайнером.

Пишет юмористическую фантастику. Первая значимая его публикация — в московском журнале «Сокол» (№ 1, 1995): рассказ «Увидеть мир по иному». Публиковался в журналах «Техника-молодежи» (Москва), «Юный техник» (Москва), «Губернский стиль» (Воронеж), «Порог» (Кировоград), во многих газетах. Рассказы Сергея Филипского вышли в первом сборнике воронежских фантастов «Ликвидация последствий» (1999), а в двухтомнике «Страницы Воронежской прозы» (2004), в который вошли произведения писателей, жизнью и творчеством связанных с Воронежским краем — рассказ «Волшебный кошель». В 2010-м вышла книга фантастических приключенческих повестей для детей «Шпионы крадутся хитро» (г. Воронеж). Филипский — лауреат воронежской премии имени журналиста А. А. Пятунина. В № 2 (11) за 2010 год «Знание-сила: Фантастика» опубликован рассказ «Без проблем», а в № 2 (15) за 2012 г. — рассказ «До грядущего».

Журнал
ЗНАНИЕ-СИЛА

представляет

Электронный архив

за 2011 год

за 2010 год

за 2009 год

Заказать архив можно в редакции.
Для этого надо перевести деньги на счет редакции через любое отделение Сбербанка России

Получатель АНО «Редакция журнала «Знание–сила», г. Москва.
ИНН 7705224605, КПП 77501001, ОКАТО 45286560000,
р/с 40703810738250123050, к/с 30101810400000000225

Банк ОАО Сбербанк России, Москва БИК 044525225

Назначение платежа Приобретение электронного архива за хххх год.

Сумма 700 руб. – архив 20 лет/300 руб. – архив 2012/250 руб. годовой архив – 2007– 2011 *(включая почтовые расходы)*

Четко укажите на квитанции свой адрес, включая почтовый индекс

Журнал
ЗНАНИЕ-СИЛА

представляет

Мультимедийный диск

Открытие Вселенной

об изучении ближнего и дальнего космоса

на диске вы найдете:

лучшие статьи из архива журнала

изображения планет, звезд, туманностей и галактик

видеорассказы об инструментальном изучении Вселенной

документальный фильм «Весь космос «Энергии»

Назначение платежа Приобретение мультимедийного диска

Сумма 450 руб. *(включая почтовые расходы)*

ЗНАНИЕ-СИЛА

Умный?

Читай журнал

ЗНАНИЕ-СИЛА!

www. znanie-sila.su